

Гульнара Абдулаева

ЗОЛОТАЯ ЭПОХА
КРЫМСКОГО ХАНСТВА

Симферополь
2012

ББК

А

А   **Абдулаева Г.**
Золотая эпоха крымского ханства. — Симферополь: КРП
«Издательство «Крымучпедгиз», 2012. — с. : фото. — На русском
языке.

ISBN 978-966-354-

ББК

А   **Абдулаєва Г.**
: — Сімферополь: КРП «Видавництво «Кримнавчпеддержвидав»,
2012. — с. : фото. — Російською мовою.

ISBN 978-966-354-

ББК

ISBN 978-966-354-

© Абдулаєва Г., 2012

© КРП «Видавництво «Кримнавчпеддержвидав», 2012

СОДЕРЖАНИЕ

1. Образование Крымского ханства	5
2. Родоначальник династии — Хаджи Гирай.....	10
3. Национальный символ Крымского ханства — тарах тамга	16
4. История Монетного двора в Крымском ханстве.....	21
5. Государственное и административное устройство Крымского ханства	26
6. Территории Крымского ханства. От Кубани до Буджака.....	37
7. Аталык — второй отец крымского принца	48
8. Титул для любимого сына — нур-эд-дин	53
9. Экономика Крымского ханства.....	57
10. Торговля в Крымском ханстве.....	62
11. Ханские гвардейцы — капы — кулу.....	67
12. Военное дело крымских татар.....	71
13. Родос — остров почетной ссылки крымских ханов	78
14. Великий ханский визирь Сефер-Гази	83
15. Род Ширинов или плоды крымской демократии.....	88
16. Московия — провинция Крымского ханства	94
17. Крымское ханство и Черкесия	99
18. Ремесленные производства в Крымском ханстве.....	105
19. Цеховые уставы и традиции	112
20. Крымские азиы	117
21. Медицина в Крымском ханстве	126
22. Материальная культура городов и селений Крымского ханства	131
23. Трагическая дата Крымского ханства или Операция «Крым»	137
24. Мудрецы из страны Гираев.....	143
25. Абдул-Гафар Къырыми — историк XVIII века.....	148
26. Последствия Прутской компании Или Калабалык в Варнице.....	154
27. Крым Гирай хан — последний герой	160
28. Дипломат и брадобрей крымского хана	168
29. Граф де Пейсонель при крымском дворе	172
30. Барон де Тотт: дипломат или авантюрист.....	176
31. Ханский гарем: жизнь за пологом тайны.....	182
32. Правительницы ханского дома Гираев (XV- XVI века).....	187
33. Положение женщины в Крымском ханстве	193
34. Ашик Умер — певец любви.....	198
35. Общественный клуб любителей кофе	203

ОТ АВТОРА

Предлагаемая читателю книга состоит из очерков по истории Крымского ханства. Она опирается на исторические факты и документальные свидетельства, повествует о золотом времени крымскотатарской независимой державы, границы которой раскинулись на западе до дунайских равнин, на севере захватили причерноморские степи и лесостепи, а на востоке доходили до Кавказских гор. Книга позволяет перенестись в прошлое, окунуться в бурную эпоху того времени и сделать свой вывод о том, что происходило несколько веков назад.

Она посвящается всем, кто не равнодушен к истокам и корням, традициям и культуре крымскотатарского народа. В ней собраны сведения широкого диапазона — от образования Крымского ханства и его падения до описания жизни аристократических родов, деятельности учёных и быта простых людей, от института аталычества и умения вести военные действия до рассказа о ремёслах, процветающих в Крыму, и особенностях архитектуры и строительства домов в горных и степных селениях.

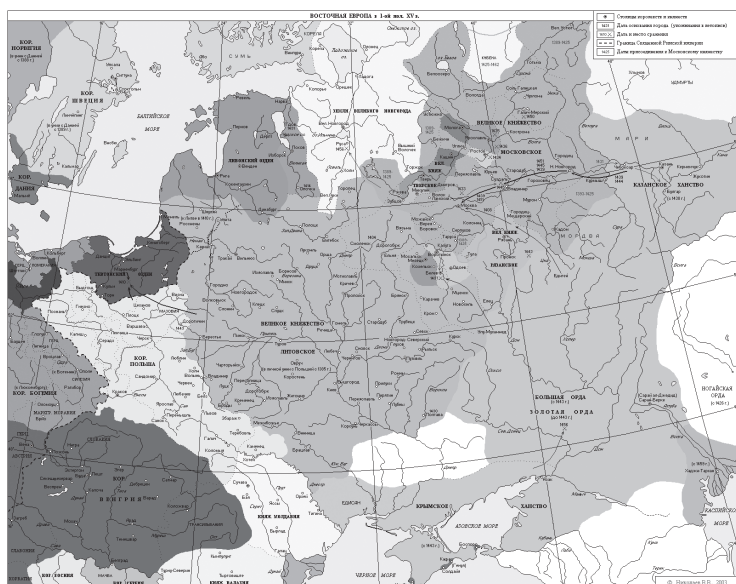
Целью настоящей книги является также привлечение внимания широкой аудитории читателей, интересующихся известными и малоизвестными событиями, случившимися во времена Крымского ханства.

Особую признательность за финансовую поддержку мы выражаем московской общине крымских татар и лично благодарим Муштафу Мухтермова за содействие в издании данной книги.

Гульнара Абдулаева

ОБРАЗОВАНИЕ КРЫМСКОГО ХАНСТВА

Карта Крымского ханства (XV век)

В середине бурного событиями XV столетия на политической карте мира отчетливо стали проступать границы новой независимой державы. Молодое государство, возникшее на руинах Джучиевого улуса-юрта, охватило всю территорию Северного Причерноморья, став единственным историческим и культурным преемником некогда могущественной Золотой Орды.

Сегодня историки называют разные даты образования Крымского ханства. Но наиболее объективной следует считать 1428 год. Именно в этот период впервые наследник Крымского юрта Хаджи Гирай, прямой потомок Чингисхана в 11-м колене, становится крымским ханом и основателем молодого государства в Восточной Европе. Но прежде чем говорить об этой легендарной личности, вошедшей в мировую историю и по праву заслуживающей более пристального внимания со стороны исследователей, следует вспомнить, как обстояли дела в государстве, преемником которого стало Крымское ханство.

Во второй половине XIV века империя Чингисхана достигла апогея своего могущества. Но вместе с этим закончилась и эпоха сильных правителей. Разгром хана Тохтамыша армией самаркандского эмира Тимура, а затем и возникший конфликт правящей элиты внутри Золотой Орды привели державу к фактическому распаду. Постепенно от огромной империи чингисидов стали отделяться ханства и орды. Однако формально Большая Орда оставалась главной среди джучиевых государств с политическим центром — столицей Сарай. Именно с ее правителями столкнулись интересы наместников Крымского улуса-юрта.

Еще в конце XIII столетия власть наместников Орды в Крымском улусе-юрте становится наследственной. Основоположником стал чингисид эмир Уран—Тимур, который управлял землями полуострова с 1260-х годов. И поэтому нет ничего удивительного в том, что со временем Крымский юрт пожелал стать самостоятельным государством. Первым предпринял попытку отделиться Таш-Тимур — прямой потомок Чингисхана. Унаследовав от своего отца Джатая наместничество в Крыму, молодой хан посчитал, что он вправе как по рождению, так и по своему общественному положению объявить о независимости. Попытка не увенчалась успехом, и, чтобы как-то сохранить престол предков, Таш-Тимур вынужден был признать верховную власть сильного золотоордынского временщика — темника Эдигея.

Однако молодой хан Крыма не терял надежды на обретение независимости. Он укрепил свое положение династическим браком. Возможно, женой его стала дочь главы одного из коренных племен, населявших Крым, девушка по имени Асие. Именно она стала матерью двух сыновей Таш-Тимура — Девлета-Берди и Гияс-ад-Дина.

В 1395 году, воспользовавшись очередной смутой в Орде, Таш-Тимур поторопился провозгласить себя ханом Крыма. Но его са-

мостоятельное правление длилось всего несколько лет. Проиграв Эдигею сражение, он вынужден был покинуть родной Крым. Пристанище и поддержку Таш-Тимур нашел у своего союзника — великого литовского князя Витовта. К сожалению, о дальнейшей судьбе хана ничего неизвестно. Вероятно, он обрел вечный покой в Литве.

А между тем его сыновья Девлет-Берди и Гияс-ад-Дин предъявили права на отцовский престол в Крымском юрте.

В 20-е годы XV века после смерти Эдигея Большая Орда фактически утратила контроль над Крымом. Разразилась ожесточенная борьба за Крымский юрт. Против сыновей Таш-Тимура — Девлета-Берди и Гияс-ад-Дина — выступил один из золотоордынских ханов — Улу-Мухаммед. В сражениях за наследство предков погиб Гияс-ад-Дин, а Девлету-Берди только спустя пять лет удалось одержать победу над соперником и объявить себя ханом Крымского улус-юрта. Но ханство его длилось недолго. Спустя год при неясных обстоятельствах Девлет-Берди погиб. И так как у него не был наследников мужского пола, ему наследовал племянник, сын погибшего Гияса-ад-Дина Хаджи Гирай. Молодой человек впервые вступил на землю предков около 1427 года. Он присоединился к своему дяде Девлету-Берди, а после гибели последнего в 1428 году бейская знать, признав в Хаджи Гирае законного и единственного наследника, присягнула ему как крымскому хану.

Возможно, у историков не возникло бы путаницы в дате образования Крымского ханства, если бы трон, еще очень шаткий, снова не оказался бы во власти все того же Улу-Мухаммеда. Хаджи Гирай предпринял попытку удержать дедовский престол, но потерпел неудачу и вынужден был уйти в Литву.

Спустя шесть лет Хаджи Гирай вновь возвратился в Крым. На этот раз он пришел с войском литовского князя Сигизмунда. К нему присоединились местные беи из Ширинского и Аргинского родов. Но столкнуться на этот раз пришлось не со старым Улу-Мухаммедом, а с сильной ордой Сеид-Ахмеда, внука Тохтамышша.

Литовское войско, по тем временам одно из самых сильных в Европе, дрогнуло перед ордынцами. Хаджи вновь пришлось возвратиться в Литву, на этот раз в город Лиду, дарованный ему литовским князем Сигизмундом. И хотя Сеид-Ахмед продержался на полуострове недолго, а изгнавший его еще один золотоордынский претендент Кучук Мухаммед, посчитав, что дело сделано, отправился кочевать со своей ордой в причерноморские степи, Хаджи не

торопился покинуть Литву и завоевывать фактически пустующий дедовский престол. Он предпочел дожидаться более благоприятных времен. И они настали. Крымские беи и мурзы во главе с влиятельным Тегене Ширин беом сами явились в Литву просить Хаджи вновь принять титул крымского хана.

В 1441 году Хаджи Гирай торжественно въехал в столицу Крымского юрта — Къырым. Придя к власти, он оправдал надежды и чаяния как знати, так и простого населения. В первую очередь он начал масштабную внешнюю и внутреннюю политику, направленную на упрочение ханства, границы которого раскинулись на западе до дунайских равнин, на севере захватили причерноморские степи и лесостепи, а на востоке доходили до Кавказских гор. Удельные князья на контролируемых территориях признали суверенитет Гираев, прямых потомков Чингисхана.

Первый крымский хан Хаджи Гирай, как отныне он стал именоваться во всех ярлыках и грамотах, прослыл мирным правителем. Его мощное войско выступало в походы лишь тогда, когда дипломатия становилась бессильной.

В 1449 году крымский хан перенес свою столицу из города Къырыма на востоке в центральную часть полуострова, в город Кырк-Ер. Здесь, в своей новой резиденции, он возвел великолепный дворец Девлет сарай.

Хаджи Гирай упростил сложную систему старинных законов и обычаев. Он раздал своим вассалам должности и имения, тем самым привязав к себе наиболее знатные семьи. В целях защиты приграничных территорий от внешней угрозы он приблизил к себе главы кочевых ногайских племен, назначив из их числа сераскиров — военачальников. Таким образом, он создал особую категорию подданных, отвечающих за военную мощь молодого государства.

В Крымском ханстве преобладали демократические черты. Так, в государственном совете — Диване совместно с ханом большими полномочиями обладали главы четырех знатных бейских родов. Ханское имя упоминалось первым в пятничной молитве, а в городах Къырыме и после — в Кырк-Ере действовали монетные дворы, где чеканилась монета с ханской тугрой. Еще одним важным ханским достоинством была родовая тарах тамга Гираев, восходящая к временам Чингисхана.

Вводя новшества в административную и культурную жизнь государства, первый крымский хан воздвиг значительное количество мечетей и медресе, активно культивировал ислам и сам совершил

хадж в Мекку к священной Каабе. Подчеркивая веротерпимость мусульманской веры, он выделял немалые средства на строительство Успенского скита и других культовых сооружений христиан, проживавших на территории ханства.

Основатель Крымского ханства и родоначальник первой и единственной династии — Хаджи Гирай за 39 лет своего правления сумел создать из провинциального Джучиевого улуса Золотой Орды независимое государство.

Следует подчеркнуть, что благодаря Хаджи Гираю Крымское ханство вошло в список крупнейших государств мировой истории.

РОДОНАЧАЛЬНИК ДИНАСТИИ — ХАДЖИ ГИРАЙ

Крепость Инкерман

Лестрая плеяда незаурядных политиков, блестящих дипломатов, великих полководцев, талантливых поэтов, историков и даже благочестивых суфиев сверкала всеми гранями на крымскотатарском престоле, внося лепту в самобытную культуру и закладывая нетипичные европейским и восточным государствам традиции. А все началось с родоначальника ханской династии Хаджи Гирая — отважного воина, мудрого монарха и прогрессивного реформатора..

В первой половине XV века Хаджи наследник Крымского улуса-юрта и прямой потомок Чингисхана в 11-м колене, вошел в мировую историю как основатель независимого Крымского ханства.

Большинство исследователей едины в том, что основатель Крымского ханства Хаджи Гирай был сыном Гияс-ад-Дина и внуком хана Крыма Таш-Тимура. Что касается года его рождения, то тут мнения историков расходятся, но ясно лишь одно, что хан появился на свет не ранее 1397 года и не позднее 1409 года в замке города Тракай, тогда еще столице Великого княжества Литовского, где его семья проживала в эмиграции из-за нестабильного положения в Крыму.

Хаджи был еще ребенком, когда погиб его отец в борьбе за крымский престол. А сам он, повзрослев и возмужав, только в 1427 году смог присоединиться к ставке своего родного дяди правителя Крымского улуса-юрта Девлета-Берди. Возможно, что Девлет-Берди официально объявил племянника своим наследником.

Пребывание в Крыму не прошло даром для молодого человека. Унаследовав от отца дипломатичность, а от дяди воинственный дух, он сумел завоевать доверие и симпатии не только могущественных крымских беев и соседнего княжества Феодоро, но и расположение знатной родственницы по материнской линии Джанике ханым, правительнице города Кырк-Ера, которая оказывала всяческую поддержку полюбившемуся племяннику.

В 1428 году при неясных обстоятельствах погиб Девлет-Берди и Хаджи Гирай на законных правах наследника занял еще очень шаткий крымский престол. Но в этом же году ему пришлось столкнуться с войском золотоордынца Улу-Мухаммеда, который также предъявил права на Крымский улус-юрт. Хаджи Гирай потерпел неудачу и вынужден был уйти в Литву.

Вторая попытка в 1434 году вернуть дедовский престол с помощью литовского войска снова не увенчалась успехом. На этот раз, несмотря на поддержку князя Сигизмунда и местной знати, Хаджи проиграл сражение внуку Тохтамышу — Сеиду-Ахмеду. И ему снова пришлось отступить в Литву на долгие семь лет.

Ситуация изменилась в 1441 году, когда крымскотатарская аристократия во главе со знатными бейскими кланами Ширин и Барын прибыла в Литву в город Лиду, где к тому времени жил Хаджи. От имени крымского народа они в присутствии нового литовского князя Казимира Ягеллона и местной знати торжественно просили Хаджи Гирая принять титул первого крымского хана. Дело в том, что крымские беи по объективным причинам видели только в Гирае

своего предводителя и, даже несмотря на его отсутствие в Крыму, никогда не теряли с ним связь.

В этом же году Хаджи Гирай возвратился на родину предков и занял престол в столице своего государства Къырыме, а спустя восемь лет перенес свою столицу в Кырк-Ер, в один из административных и военных центров Крымского улуса-юрта. Здесь уже была мечеть, общественные здания и мусульманские кварталы. С этого времени Кырк-Ер становится столицей молодого Крымского ханства. А очень скоро у склонов мыса Бурунчак начинается строительство ханской резиденции — дворца Девлет Сарай.

Помня о поддержке литовских князей Витовта, Сигизмунда и Казимира IV, преемник золотоордынского наследства Хаджи Гирай укрепляет дружественные отношения с Литвой и в знак благодарности дарует литовскому князю ярлык с золотой печатью на право владения обширными территориями, ранее входившими в состав Золотой Орды. Крымско-литовский союз был весьма выгоден обеим сторонам. Прежде всего он был направлен против Орды. Ведь еще существовала реальная угроза со стороны Сеида-Ахмеда, который только и выжидал удобной ситуации, чтобы сместить с крымского престола Хаджи Гирая. Поэтому в Кырк-Ере назрела необходимость устранить эту внешнюю угрозу. В 1452 году крымскому хану представился случай вновь сразиться с главным врагом. Причиной столкновения стал опустошительный поход Сеида-Ахмеда в литовские земли. Князь Казимир призвал своего крымского союзника совместно нанести ответный удар. На этот раз Хаджи Гирай нанес сокрушительное поражение ордынцам на берегу Днепра. Сеид-Ахмед бежал с поля боя, но оказался в литовском плену, где и остался вместе с сыновьями до конца своей жизни. Разгром Орды имел важные для ханства последствия — больше не было опасного претендента на крымский престол, а соседние государства признали законную власть Хаджи Гирая.

Отныне Крымское ханство вышло на международную политическую арену. Хаджи Гирай заключил союз с Польшей и установил дружественные связи с московскими князьями, а так как Москва подчинялась Орде и платила ей дань, то теперь это право автоматически перешло к первому крымскому хану и его наследникам.

Кульминационным стал для Хаджи Гирая 1465 год, когда он сумел разбить войско сарайского хана Махмуда и стать властителем всего Великого Улуса. Отыне Крымское ханство становилось единственным и неоспоримым наследником некогда могущественной державы Чингисидов — Золотой Орды.

Что касается политики на крымском полуострове, то здесь, помимо ханства, было еще несколько государственных образований — это Феодоро, или Готия, с центром на Мангупе и фактории Генуэзской республики. И если с первыми у Хаджи Гирия сложились мирные добрососедские отношения, то между генуэзскими консулами из Кафы и Хаджи Гираем возник конфликт из-за ограничения генуэзского влияния на полуострове. Генуэзцы, собрав всю свою военную мощь, восстали против нового хана. Но Гирай не намерен был разделять власть с консулами и в результате решающего сражения при Карагозе¹ близ города Къырыма нанес сокрушительный удар предводителю генуэзцев — Карлу Ломеллино. После этого татарско-генуэзские отношения приобрели лояльный характер. Кафа согласилась не только выплачивать ежегодную дань, но и предоставила для международной торговли свой порт ханству. К Кефе, как ее теперь стали именовать, подходили суда, груженные дорогими тканями, пряностями, оружием и другими товарами для крымских татар.

В 50-х годах у крымского хана установились хорошие отношения с османским султаном Мухаммедом II Фатихом, известным завоевателем Константинополя. Но, несмотря на это, в 1454 году Хаджи Гирай выступает защитником генуэзских колоний, когда к кефинским берегам подошла османская эскадра во главе с капудан-пашой Демиром-Кяхья и намеревалась штурмовать крепость. В результате переговоров с Хаджи Гираем османский главнокомандующий отвел свои суда, а генуэзцы в благодарность за спасение повысили свою ежегодную дань ханству до 20 000 лир.

Хаджи Гирай был хорошо известен и в Центральной Европе. После взятия турками-османами Константинополя папа римский Павел II попытался организовать новый крестовый поход с целью освободить от неверных Византию и провозгласить создание новой Латинской империи. В своих стремлениях Ватикан зашел так далеко, что в 1466 году ко двору крымского хана прибыл папский нунций с предложением принять участие в этом мероприятии. Хаджи Гирай хорошо знал, что крестовый поход был для Ватикана очередной финансовой операцией и предпочел отказаться, ссылаясь на то, что подобное положение вещей не соответствует желанию его друга — великого князя литовского, который, в свою очередь, дружен с султаном османским. Ко всему прочему он особо подчеркнул, что общая мусульманская вера запрещает вести войну против еди-

¹ Карагоз – современное село Первомайское Кировского района

новерцев. Этот случай подтвердил, что Западная Европа не только признавала новое государство, но и считалась с его мнением.

Во внутренней политике первый крымский хан приступил к консолидации своего государства. Он всячески поощрял стремление многих кочевых родов вести оседлый образ жизни. Даровал им земельные владения — вотчины, которые отныне являлись их собственностью и передавались по наследству. Поощрял развитие земледелия, ремесла, торговли, что отвечало требованиям развития экономики государства. Кроме этого, основатель крымскотатарского государства инициировал проведение ряда реформ, которые требовали мирного развития страны, — они касались административного, экономического и культурного строительства.

Важно отметить, что в правление Хаджи Гирая в Инкермане функционировал первый в ханстве морской порт. Здесь же строились и ремонтировались первые крымские торговые суда. Они благополучно курсировали в водах Черного и Азовского морей, перевозили ценные товары и пассажиров.

Первый крымский хан Хаджи Гирай был необычайно популярен в народе, за что получил прозвище Мелек-Ангел. Он умер в конце 1466 года и был погребен в Кырк-Ере. Кроме того что Хаджи был первым крымским ханом, он стал и родоначальником династии Гирав. Ранее это имя не встречалось в источниках, и говорить о его происхождении наверняка еще рано, так как у историков нет однозначного мнения. Однако существует предание, пересказанное многими исследователями истории Крымского ханства. Его можно встретить и в известном трактате Сеид Ризы Мухаммеда «Семь планет», его же приводит и Василий Смирнов в своем труде «Крымское ханство».

Из предания видно, что свое имя первый крымский хан получил не случайно. Отец Хаджи Гияс-ад-Дин доверил воспитание сына своему аталыку (наставнику) Девлету-Гельди, который был родом из Крыма. Девлет-Гельди выполнил свою миссию, он до конца своих дней находился при Хаджи. А когда тот стал крымским ханом и спросил своего наставника, на какую милость рассчитывает он от чингисидов, Девлет-Гельди попросил хана присовокупить к имени Хаджи имя своего племени — «Гирай». Хаджи согласился на его просьбу и с этого времени стал именоваться Хаджи Гирай [91, с. 187].

Как бы там ни было, а почти сорокалетний период сравнительно мирного и довольно успешного развития ханства закончился со смертью основателя династии Гирав. У него было восемь сыновей,

старший из которых, Девлетъяр, должен был унаследовать престол. Однако он умер еще при жизни отца, а другого сына хан не успел объявить наследником. После смерти Хаджи Гирая между его сыновьями разразилась борьба за крымский престол. В итоге утвердился шестой сын Менгли, который продолжил традицию отца и присоединил к своему имени Менгли имя Гирай, ставшее визитной карточкой Крымского ханства.

НАЦИОНАЛЬНЫЙ СИМВОЛ КРЫМСКОГО ХАНСТВА – ТАРАХ ТАМГА

Тарах-тамга

Одним из государственных символов является герб. Этот отличительный знак передается по наследству из поколения в поколение. Свою популярность он получил в раннем Средневековье.

Почти у каждой правящей династии история происхождения гербовой эмблемы уходит в далекую древность. Нередко настоящее значение символа монаршей власти со временем терялось и становилось добрым преданием. Например, в королевской Франции гербовой фигурой были золотые лилии, по легенде подаренные ангелом первому франкскому королю Хлодвигу. Символом Англии являются три золотых льва, которые берут свое начало от легендарного короля Артура. В империях Габсбургов и Гогенцоллернов знаменитый орел восходит к временам византийского императора Юстиниана Великого. А вот в Крымском ханстве династический герб Гираев – тарах тамга – имеет несколько классических версий своего происхождения. По одной из них – тамга была унаследована Гиравями у чингисидов, по второй – крымская династия реанимировала тамгу Боспорских царей.

ТЮРКСКАЯ ВЕРСИЯ

Отличительным символом власти Крымского ханства являлась тарах тамга, или, как ее еще называют, трезубец. Этот знак власти, главным образом, отображался на государственной печати, ханском знамени кок-байрак, на монетах, на стенах ханского дворца и многих городских воротах, например, на главной башне Топракъ къапусу в Кезлеве. По одной из версий, именно тарах тамга досталась Гираям в наследство от Джучи, первого сына Чингисхана.

В Средневековье у тюркских и некоторых других народов был широко распространен родовой знак — тамга. Он свидетельствовал как о происхождении, так и о принадлежности к определенному роду. Тамга переходила по наследству, а потомок, в свою очередь, имел право добавить к ней дополнительный элемент или видоизменить ее. Тамга изображалась на личных вещах того или иного рода и служила символом собственности, ею метили скот, дорогую утварь, фамильные вещи и драгоценности. В качестве прототипов тамги выступали простейшие геометрические фигуры. Это могли быть круг, квадрат, треугольник или угол. Возможно, прототипами многих знаков были тотемные животные, птицы или другие символы, восходящие еще к родоплеменным отношениям.

Отметим, что у тюрков большое распространение тамга получила в период могущественной империи чингисидов. Фамильный герб своим соратникам даровал сам великий каган Чингисхан. Каждому из беков он дал тамгу, птицу, дерево и сигнальный клич. «Обратился он к Кункрат-бий-оглу Сенкелэ и говорит: «Сенкелэ, пусть твое дерево будет яблоня, пусть твоя птица будет сокол; твой клич — Кункрат, а тамга твоя пусть будет месяц»» [91, с. 171].

На контролируемых золотоордынскими наместниками территориях в странах Средней Азии, Восточной Европы, Ближнего и Среднего Востока, Кавказа и Крыма большим авторитетом пользовался документ с ханской печатью, то есть с тамгой.

Имел свою тамгу и род Есугея-багатура, отца великого Чингисхана. По преданию, именно эта тамга в несколько измененном за века виде перешла крымским ханам.

Происхождение тарах тамги чингисидов имеет свою легенду, подробно изложенную в рукописи историка XVII века Абулгази, под названием «Родословная история о татарах». Из этого источника видно, что некая почтенная монгольская дама по имени Алан-Гоа спустя некоторое время после смерти мужа якобы чудесным образом зачала от божественного посетителя, пришедшего к ней в

ореоле золотого сияния. Через девять месяцев от странного союза она родила троих сыновей. Одним из них был Бодончар. Именно к нему и возводили свою генеалогию предки Есугея-багатура, а Алан-Гоа почитали как прародительницу своего рода.

Конечно же, поверить женщине, пусть даже очень уважаемой и пользующейся непререкаемым авторитетом у своего народа, но утверждающей о непорочном зачатии, трудно. По-видимому, сами монголы X века относились к рассказу Алан-Гоа скептически. Но когда ее потомки захватили власть, безопаснее стало не спорить [35, с. 346].

С этого времени три рода, которые пошли от трех сыновей Алан-Гоа, почитались как символ божественного происхождения и непорочного зачатия от самого бога Тенгри. Это и послужило началом появления родового знака — трезубца единства — тарах тамги золотого цвета.

Историк Абдулгази, размышляя о происхождении и значении тарах тамги Чингисхана в своей рукописи «Родословная история о татарах» приходит к мнению, что родовый герб символизировал гребень, которым предки великого кагана каждый раз старались «причесать» внутренние конфликты в своем народе, если таковые возникали [91, с. 174]. Но нет никаких фактов, подтверждающих, что родовый знак имел отношения к гребню.

Из четырех сыновей Чингисхана от старшей жены Бортэ лишь потомки Джучи дольше других продержались на исторической арене. Последними из них оставались Гирай — основатели независимого Крымского ханства.

К слову сказать, именно Хаджи Гирай — первый крымский хан — утвердил тарах тамгу как государственный герб и повелел украсить им не только кок-байрак, один из символов тенгрианства, олицетворяющий чистое небо и свободу, но и жалованные грамоты — ярлыки. Отныне ханской печатью первого Гирая, а впоследствии и всех крымских ханов становится тарах тамга. Теперь ее можно видеть и в легенде монет Крымского ханства, на монете самого Хаджи Гирая, его старшего сына Нур-Девлета, Менгли Гирая, Саадета Гирая и многих других крымских ханов.

Конечно, приведенное выше предание об Алан-Гоа имеет место, но есть и другая история крымскотатарской тамги. Происхождение свое она ведет не из монгольских степей, а из самого Крыма.

САРМАТСКАЯ ВЕРСИЯ

Интересен тот факт, что в книге «Энциклопедии крымских древностей» имеются изображения нескольких десятков личных родовых гербов боспорских царей. Обращают на себя внимание первые знаки династии Понтийских Отанидов в форме трезубца. Среди них особенно выделяется родовой знак царицы Динамии, внучки известного царя Митридата Евпатора. Этот родовой герб очень близок по своей структуре к тамге Гираев. Он был изображен на монетах, выпускаемых в годы правления царицы в Пантикапее.

Цари Боспора Киммерийского были местного происхождения. Соответственно и их родовые эмблемы имели крымские корни.

Правда, и здесь не обошлось без легенды о трезубце, олицетворяющем единство трех братьев, от которых пошли якобы три народа. Если верить Геродоту, то на этот раз в роли отца выступает мифологический персонаж Геракл, чей культ был распространен на крымском полуострове в античные времена, а в роли матери таврическая богиня Апа. Считалось, что один из сыновей и стал родоначальником боспорских царей, а родовая эмблема — трезубец — отличительным знаком их «божественного» происхождения.

Боспорские, или, как их позже стали именовать, сарматские трезубцы имели большое сходство с тамгой крымских ханов. Их и сегодня можно увидеть на монетах боспорских царей. Примечательно, что сарматский тамгообразный знак на монетах царя Фофорса чеканился рядом с изображением римского императора. Это говорило о независимости Боспорского царства от Римской империи.

Тамга царей из Пантикапея продолжала передаваться из поколения в поколение, приобретая новые черты, а со временем государственный герб Боспорского царства все больше походил на современную тамгу рода Гираев.

Сегодня историки стремятся понять значение династической тамги Гираев. Некоторые видят в ней единство хана, калги и нур-эд-дина. Но это явный анахронизм, так как должность нур-эд-дина была утверждена в Крымском ханстве гораздо позднее самой тамги, уже фигурировавшей в письменных источниках. Другие, разгадывая семантику, склоняются к тому, что трезубец символизирует весы — знак справедливости. Или видят в фамильной тамге стилизованное изображение орла. Третьи находят в родовом знаке единство трех племен, которые участвовали в этногенезе крымских татар, что тоже малоубедительно.

К сожалению, однозначной версии происхождения и значения

этого родового знака, имеющего, несомненно, глубокие корни, на сегодняшний день нет. И историкам еще предстоят интересные открытия в этом направлении.

Что же касается дальнейшей судьбы герба крымских ханов, то после распада Крымского ханства в 1783 году он становится национальной эмблемой крымских татар. Впервые после Февральской революции в 1917 году на первом Курултае флаг с тарах тамгой был утвержден как государственный символ. Гораздо позже, 30 июня 1991 года, на втором Курултае крымских татар флаг с тамгой был принят в качестве национального.

Монета Хаджи Гирая

Первые деньги в виде монет появились в 640 году до нашей эры в Малой Азии в государстве Лидия. Это были круглые монеты из сплава золота и серебра. Чуть позже в Китае впервые начали использовать для изготовления денег более дешевый материал и ввели понятие «номинал». С появлением денежного эквивалента возросла в древних государствах потребность выпускать деньги в одном месте. Так, в Древнем Риме на Капитолийском холме при храме богини Юноны-Монеты был учрежден первый монетный двор, с тех пор и появился термин «монета». Самый древний документ, закрепляющий право медной чеканки за королевскими монетными мастерскими, датируется 864 годом. Он был издан в средневековой Франции. Согласно этому документу, монетный двор устраивался при королевском дворе и в нескольких других городах.

В 1255 году первый монетный двор был открыт в Золотой Орде в городе Сарае. С 1287 года монеты золотоордынских ханов стали выпускаться в городе Солхате, а с XV века монетный двор в Солхате стал собственностью крымских ханов.

В 60-е годы XIII века столицей Крымского улуса Золотой Орды становится Солхат. Город постепенно превращается в крупный торговый и административный центр с населением около 10—11 тысяч человек. Город был выгодно расположен на перекрестке главного торгового пути, ведущего из волжского региона к портовым городам Черного моря Кафе и Солдейе. Наличие пресной воды и прекрасный климат обеспечили приоритет и развитие этого города в золотоордынский период. Со временем население заметно разрослось. Около 1287 года здесь строится пятничная мечеть и начинает преобладать мусульманское население.

Как видно из источников, к этому времени в Солхате уже действовал монетный двор. Именно здесь и наместники крымского улуса-юрта, и золотоордынские ханы в период с 1287 по 1425 год чеканили свою монету. Кроме ханских имен: Берке, Менгу Тимур, Ногай, Узбек, Джанибек, Токтамыш, Бек Пулад, Таш Тимур, Девлет Берди — на монетах Крыма XIII—XV веков можно встретить и название самого города: «Кырым», «Кырым ал-Джедид», «Солхат».

В 1421 году здесь выпускались серебряные дирхемы с именем хана Девлета Берди, дяди основателя Крымского ханства Хаджи Гирая.

Любопытно, что в ханство Девлета Берди в Крыму в обращении были так называемые «двуязычные» татаро-генуэзские монеты [91, с. 164]. По мнению востоковеда Василия Смирнова, они были выпущены генуэзцами в Кафе несмотря на то, что городу уставами от 1290 и 1316 годов было запрещено чеканить свою монету. Историки склонны полагать, что при хане Девлете Берди генуэзцам все же было позволено нарушить договоренность, но с обязательным условием: кафинцы должны были на монетах изображать символ ханской власти — тарах тамгу. Вряд ли последним пришлось по нраву условия, но обстоятельства вынуждали генуэзцев выставлять это изображение. Так и появились монеты смешанного татарско-генуэзского типа. Примечательно, что как при хане Девлете Берди, так и позже при первом крымском хане Хаджи Гирае эти монеты имеют на одной стороне гирайскую тамгу, окруженную татарской легендой, а на другой — портал и генуэзскую легенду. Однако эти монеты не имели той ценности, которой обладали монеты, выпущенные в столице Крымского улуса-юрта.

По некоторым данным, сам монетный двор в Солхате — дарабхане находился в восточной части города рядом с караван-сараями и мечетью Куршум-Джами. Но вскоре первый крымский хан Хаджи Гирай перенес свою столицу в Кырк-Ер, ставший второй residen-

цией первых крымских ханов. Там же был открыт и новый монетный двор. С этого времени монеты с именем Хаджи Гирая чеканились и в городе Кырк-Ере.

Несмотря на то, что ханский двор переехал в Кырк-Ер, где был основан новый монетный двор, дарабхане в Солхате еще некоторое время продолжал функционировать. Так, 1442 годом датирована монета Хаджи Гирая, которая свидетельствует о том, что она была выпущена на монетном дворе в Солхате. Далее монеты 1455 и 1464 годов чеканились в Кырк-Ере, а в 1466 году последняя монета первого крымского хана снова увидела свет в Солхате.

После смерти основателя Крымского ханства следующая монета была выпущена при его старшем сыне Нур-Девлете. Унаследовав отцовский престол, в период своего кратковременного ханства Нур-Девлет, приверженец старинных обычаев, выпускает монеты со своим именем исключительно в Солхате. В отличие от старшего брата Нур-Девлета следующий хан Менгли Гирай активно поддерживает чеканку монет со своим именем в дарабхане Кырк-Ера.

В период ханства Мухаммеда Гирая монеты снова начинают выходить в дарабхане Солхата, а вот в правление следующего хана Саадета Гирая — в Кефе. И только при следующих ханах Сахибе, Девлете, Мухаммеде II-м и Исламе Гираях основным местом чеканки монет остается Кырк-Ер.

Монетный двор в Кырк-Ере, к сожалению, до наших дней не сохранился. По преданию, он располагался у стены вблизи Средних ворот (Орта Капу) крепости со стороны Нового города. До сих пор вся стена в этом месте черная от сажи, осевшей над плавильным котлом. Здесь же в стене видны вырубki для балок, некогда поддерживавших крышу дарабхане, кроме того, возле монетного двора проходил каменный желоб с керамическими трубами водопровода, остатки которого можно увидеть и сегодня.

Примечательно то, что управление дарабхане Крымского ханства и чеканку монет доверяли исключительно крымским караимам. Караимы руководили монетным двором крымских ханов в Кырк-Ере, в Къырыме (Солхате), Кефе и Кезлеве.

В первые годы своего правления хан Гази Гирай II вознамерился перенести свою столицу в красивый и богатый город Кезлев. Но желание хана так и осталось его мечтой. Кезлев не стал столицей, а вот новый монетный двор здесь все же был открыт. Подтверждением тому служат монеты Гази Гирая 1588 года, выпущенные в Кезлеве. Особый интерес представляют серебряные монеты одно-

го типа, в легенде которых обозначено слово «ханлык» — ханство [83, с. 108]. Именно это дало основание исследователю крымско-татарских монет нумизмату Отто Ретовскому в своей монографии «К нумизматике Гиреев» предполагать, что Кезлев некоторое время все же играл роль столицы. На протяжении последующих более чем пятидесяти лет здесь чеканились ханские монеты, и лишь в 1644 году Мухаммед Гирай IV возвратил ханский монетный двор в столицу — Бахчисарай.

Начиная с хана Инайета Гирая и до последнего крымского хана Шагина Гирая все ханские монеты чеканились в Бахчисарае. Всего выпустили 25 денежных единиц. В основном это были мелкие разменные серебряные и медные монеты. В начале XVIII века одна из мелких монет, крымский акче, содержала 0,16 граммов серебра. На смену акче пришел бешлык — монета в пять акче. Но вскоре он получил название «кара-бешлык» из-за того, что стал фактически медным.

Кроме местных денег в ханстве имели хождение немецкий талер, который назывался гуруш, голландский флорин, венгерский дукат, а также серебряные и золотые монеты Османской империи.

При последнем крымском хане Шагине Гирае была введена новая денежная единица — медный кумуш, которая выпускалась уже в Кефе.

В конце 70-х годов XVIII века Шагин Гирай вознамерился перенести свою резиденцию из Бахчисарая в Кефе. Новый кефинский монетный двор дарбахане был выстроен в двух верстах от городских стен, недалеко от нового ханского дворца, в урочище Ташлык. В 1779 году Шагин Гирай заключил договор с надворным советником польской службы Дерингом о доставке в Крым из Польши передового по тем временам оборудования для кефинского монетного двора, а также договорился с османским правительством о доставке меди в обмен на соль из кефинских озер.

Сохранился датированный 1778 годом ярлык хана Шагина Гирая о назначении управляющим монетного двора в Кефе караима Юсуфа Ага: «На основании того, что ты человек солидный и честный в управлении и ведении всяческих предоставленных и порученных твоей опытности дел, тебе же велено поручить устройство моего ханского монетного двора на праве доверия... ты должен соблюсти во вверенной тебе службе тщание и внимание, а наипаче зоркость и внимание... О сем памятуй!» [83, с. 117].

Работа кефинского монетного двора активно началась с 1780

года. Но исключением стала чеканка монеты Шагина Гирая, выпущенная в Кефе в год его вступления на ханский престол, то есть датированная 1777 годом. Все монеты, отчеканенные во время ханства Шагина Гирая, неизменно имеют эту дату.

Под руководством нового управляющего Абдуль-Хамида Аги за три года, с 1780 по 1783, медных кумушей было отчеканено в количестве 92 113 единиц. Для сравнения: один кумуш приравнивался к одному российскому рублю.

Клеймо кефинского монетного двора стоит еще на нескольких золотых и позолоченных серебряных монетах уникального дизайна, выпущенных на шестом году правления Шагина Гирая. Это монеты в 5 алтын, чеканившиеся в двух вариантах веса — 16 и 22 грамма, и монеты в 6 алтын весом в 18 и 21 грамм. Но, к сожалению, в каком количестве выпускались эти монеты, до сих пор неизвестно.

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И АДМИНИСТРАТИВНОЕ УСТРОЙСТВО КРЫМСКОГО ХАНСТВА

Зал Совета в Ханском дворце

Государственное и административное устройство Крымского ханства имело ряд схожих черт и названий с соответствующими структурами в Османской империи. Но это вовсе не означало, что они были одинаковыми по своему содержанию. Ханство обладало присущим только этой стране государственным аппаратом и административно-территориальной организацией, оформленной в законодательном своде законов. Во главе крымскотатарской державы стояли хан и его ближайшие родственники, занимающие высокие посты калги, нур-эд-дина, ор-бея, сераскиров и анабеим.

Во главе крымскотатарского государства стоял хакан, или хан-властелин, или верховный господин. Полностью титул звучал так: «Великий падишах Великой Орды и Великого Юрта, Дешт-Кыпчака, и престольного Крыма, и неисчислимо многих татар и неисчислимых ногаев, и горных черкесов и татов с тавгачами, и всех многих, избравших ясную веру и ислам» [105, с. 16].

Он владел большими полномочиями, был властелином хутбы, иначе говоря его имя упоминалось первым в пятничной молитве. Его prerogative был выпуск монеты с собственным именем, что по сути являлось первейшим признаком монаршего суверенитета. У каждого крымского хана была своя личная монограмма — тугра.

Вместе с ханским титулом к Гираю переходил санджак-шериф (или хоругвь), который символически обозначал национальный, государственный и административный статус ханства. Санджак Гираев ничего общего не имел с административной единицей Османской империи, носившей такое же название, и уж тем более не являлся османским «даром». Он имел почетное происхождение и подчеркивал высокий статус хана. По сохранившемуся описанию, санджак-шериф представлял собой древнее, частично изношенное временем полотнище, бережно хранимое и благоговейно почитаемое ханами и их подданными. Согласно преданию, оно некогда развевалось над ставкой самого Чингисхана. Гираи брали санджак-шериф в военные походы, его перед началом сражения присутствующие в войске имамы проносили перед войском.

Согласно сведениям французского консула в Крымском ханстве графа Шарля де Пейсонеля, доходы крымского хана состояли из ежегодной прибыли от кезлевской таможни — 50 000 пиастров, от Оркапынской — 30 000, от Дубоссарской — 8 000; кроме этого — от господарей Молдавского и Валашского по 31 000 пиастров. Из Кефе шел доход в 2 000 пиастров. Каждый год в ханскую казну поступали средства и из Стамбула в размере 15 юкам акчэ или 6 000 пиастров (серебряных курушей). Назывались они сальяне. Вместе с деньгами в Бахчисарай посылались ценные подарки от султанских вельмож. Все это составляло годовой доход в 127 000 пиастров, а, учитывая соляные и городские сборы, земельные и другие сельскохозяйственные налоги, в год получалось 345 000 пиастров, или около 1 000 кошельков золота. Кроме того, хану и всей его многочисленной семье до 1700 года присылались ежегодные поминки из Речи Посполитой и Московии.

Экономической опорой ханского дома был и его домен, други-

ми словами — владения, включающие в себя различные населенные пункты, укрепления, пашни, пастбища, леса, именуемые «ер мирие». Располагался ханский домен в долинах рек Альмы, Качи и Салгира. Хану принадлежали все соляные озера, а также необработанные земли — меват. При этом только часть этого владения была наследственной. Ее он мог завещать, продавать или увеличивать. Остальную территорию он имел право лишь раздавать своим вассалам. В случае же удачной военной кампании $\frac{2}{3}$ трофеев получал хан.

В отличие от соседней Османской империи Гирай следили за чистотой своей крови, именно поэтому крымских ханов уважали и признавали падишахами и на Западе, где европейские монархи хорошо знали, что хан «носит титул падишаха и считается наследником Османской империи в случае отсутствия в османской династии детей мужского пола» [58, с. 116].

Не случайно хана Крыма Гирая посланник Бранденбурга-Пруссии, консул Франции и другие европейские дипломаты именовали императором. Даже перед самой аннексией ханства этот титул была вынуждена подтвердить Екатерина II, отчего ханские послы получили право не снимать перед императрицей головных уборов. В Стамбуле же крымский хан, как совершенно равный, «без позволения садился возле султана, пил с ним кофе и имел право возлагать на головной убор такую же алмазную пряжку, как и султан» [58, с. 116].

Вторым лицом в государстве после хана был его наследник — калга, или калга-султан. Примечательно, что принцев и принцесс в ханстве именовали не иначе как султан.

Официально титул калги — правопреемника и первого наследника на престол — утвердил второй крымский хан Менгли Гирай. В официальных грамотах и документах калга титулуется как «наследник великих султанов, слава почтенных хаканов». Этимология это слова имеет несколько версий. По одной из них, возможно, оно происходит от арабского термина «калифэ», что означает — наместник, или преемник; по второй — от тюркского «калгъай», буквальное значение которого «он останется». Впервые сан калги упоминается в документах 1475 года [91, с. 276]. Вероятно, первым калгой был младший брат и одновременно верный соратник Менгли Гирая султан Ямгурчи. Но после его смерти хан провозгласил своим наследником старшего сына Мухаммеда Гирая.

На протяжении всей истории Крымского ханства в должности калги состояли ближайшие родственники хана, его братья, сыно-

вья, племянники, дяди и даже пасынки. Их в свои преемники чаще всего избирали сами правители. Другими словами, наследниками не всегда становились по старшинству, а также по незаурядному уму и способностям.

Калга имел право на переписку и обмен собственными послами с зарубежными правителями. Он был командующим основной воинской силой ханства и отвечал за состояние оборонного дела государства. Во время военных походов он брал на себя командование 60-тысячным корпусом (если хан не мог отправиться в поход лично), а в мирное время контролировал деятельность мурз, в том числе и политическую.

Постоянной резиденцией калги был город Акмесджит. Здесь располагался великолепный дворцовый комплекс Салгир-Сарай, или же Калга-Сарай, а также администрация. В своих владениях второе лицо крымскотатарского государства имел своего визиря и свой диван. Сюда могли обращаться дворяне, проживавшие на территории удела калги, если их не удовлетворяло решение местного суда кадиев. Этот диван мог решать и особо важные уголовные дела.

Владения наследного принца — калгалык включали в себя земли, расположенные в верховьях реки Альмы вплоть до горы Чатырдаг. Кроме того, калга владел Зуйским кадылыком и половиной обширного имения Мамай-Еры в Дип-Керченском кадылыке Кефинского каймаканства. Кроме этих земель доход наследника хана состоял из принадлежавшей ему таможни Карасубазара в 10 000 пиастров, соляных озер Ора — 5 000, таможни Кефе — 3 000. Ему также полагались так называемые бал-акчасы — денежные подношения от князя Молдавского в размере 2500 пиастров и князя Валашского в 1000 пиастров. В казну калги шел подушный налог — харадж от христиан, проживавших в его владениях, и, конечно же, ему традиционно причиталась савча — десятая часть воинских трофеев, а также доля в поминках Московии и Польши. Сам калга ежемесячно из своего бюджета отчислял 2000 крымских пиастров на личные расходы своим анабеим.

Важно отметить, что калгалык являлся государственной собственностью и не мог передаваться по наследству. Примечательно, что калга имел право жаловать участок калгалыка своему приближенному, но только во временное пользование. Если же его временный хозяин желал продлить пользование, он обращался за поземельным ярлыком, заверенным тугрой и миндалевидной печатью, к новому

калге. Крестьяне же калгалыка были обязаны вносить натуральную десятину и все остальные подати калге.

Чуть позже в ханстве Мухаммеда Гирая II был официально утвержден новый титул второго наследника — нур-эд-дин — султан. Эта должность, так же как и калга, всегда оставалась прерогативой только для Гираев. Основной обязанностью второго наследника было руководство локальными и малыми судебными учреждениями ханства и контроль за их деятельностью. Не менее важным было его шефство над офицерским корпусом державы, он занимался продвижением высшего и старшего офицерства по службе, а также руководил походным штабом ханского войска. Но он и сам командовал корпусом в 40 000 аскеров. В мирное время нур-эд-дин выступал посредником в тяжбах самых знатных беев и мурз, являлся непременным членом ханского дивана. В особо важных случаях он выезжал за рубеж в качестве чрезвычайного посла хана. Двор нур-э-дина имел постоянную резиденцию в долине реки Альмы, близ села Улакы. Пожалуй, отсутствие собственного дивана отличало его от калги, а в целом носители этого титула имели реальный политический вес и были в некоторых правах уравнены с первым наследником и даже правящим ханом. Основной доход нур-эд-дина составляли городские сборы с Судака и Эски Къырыма.

Ор-бей по значимости следовал сразу же после калги и нур-э-дина. Как правило, эту ключевую в военно-стратегическом и политическом смысле должность занимали представители ханской династии, но иногда и Ширин беи в вознаграждение за оказанные ими выдающиеся заслуги.

На ор-бея возлагалась большая ответственность заботиться о внешней безопасности государства и нерушимости его границ, а также следить за порядком в ханских провинциях за пределами полуострова. Именно поэтому его резиденция находилась близ Ор-Капы.

Ор-бей получал значительную часть ор-капынских доходов, в том числе и таможенных пошлин. А это составляло около 100 кошельков золота, или 1/5 доходов калги.

Далее следовали сераскиры, или военачальники, от имени хана управляющие Буджаком, Едисаном, Восточным Ногаем и Кубанью. Эту престижную и в то же самое время ответственную должность занимали исключительно султаны — принцы из ханского рода. Сераскиром мог быть только умный и рассудительный человек, пользующийся авторитетом и уважением в среде свободлюбивых но-

гайцев. В противном случае главы ногайских родов имели право обратиться к хану с просьбой назначить им нового ханского наместника.

Сераскиры имели своего визиря, дефтердара, диван-эфенди, кадия, имели право вершить суд над подданными ногайцами, словом, двор наместника напоминал ханский. А в случае военной кампании могли вывести в поле едва ли не большее количество всадников, чем сам хан. Доходы сераскира состояли из налогов населения возглавляемой им провинции.

Не раз уже упоминалось, что в административный аппарат Крымского ханства входили и женщины, стоявшие на одной из высших ступеней социально-политической иерархии. Самой влиятельной из обитательниц гарема Гираев была валиде, или анабеим, чаще мать или сестра хана. Она лишь официально уступала калге, а фактически умела оказывать влияние на решения правителя. Анабеим присутствовала на заседаниях дивана, где имела право голоса, имела скромный, но целиком от нее зависящий круг придворных, а ханская казна ежегодно отчисляла ей весьма солидную сумму. Она активно участвовала и во внешнеполитической жизни ханства, вела независимую корреспонденцию с монархами других держав, занималась благотворительностью. Граф Пейсонель также упоминает о еще одной должности при крымском дворе, занимаемой женщиной из ханского рода, и называет ее улу-хани. Как правило, это была старшая сестра хана либо старшая ханская дочь.

Все вышеперечисленные звания и должности: калга, нур-эд-дин, ор-бей, сераскиры и анабеим — занимали исключительно представители из правящего рода Гирай. Назначать их либо смещать имел право только крымский хан.

Далее в строгой последовательности шли чины и должности, занимаемые духовными лицами и дворянами Крымского ханства.

Хаджи Гирай и его наследники положили начало первой и единственной династии крымских ханов. Несмотря на то, что самые высокие должности и посты ханства были прерогативой исключительно правящего рода, делами управления и администрации занимался чиновничий аппарат, состоявший, как правило, из крымской знати. В него входили визирь, главы могущественных бейских кланов, кадий, каймакан, кади аскер, мурзы, улемы и другие. Во главе всей этой правящей элиты стоял еще один человек, обладающий бесспорным авторитетом и влиянием на самого хана и на государственный совет — диван. Это был верховный муфтий Крымского ханства.

Знаковой и весомой фигурой в Крымском ханстве был верховный муфтий. Он являлся главой и хранителем закона. Формально он никому не подчинялся, кроме халифа мусульманского мира, которым с 1517 года являлся османский султан.

Муфтий пользовался не только уважением и поддержкой Гираев, он имел особую привилегию по своему усмотрению в той или иной сложившейся ситуации оказывать давление на ханов либо, напротив, поддерживать их. Поэтому на этот высокий пост избирался глубоко порядочный и мудрый человек.

Одной из важных обязанностей высшего духовного лица была забота о развитии национальной науки, об условиях быта и работы крымских ученых, о врачебной практике во всех ее видах и многом другом. Он способствовал открытию новых учебных заведений от мектебов до медресе и оказывал поддержку уже имеющимся начальным и высшим школам.

Он имел свободный доступ к главе крымскотатарского государства, самостоятельно вел переписку с иностранными дворами. В его подчинении были его ближайшие помощники — сеиты, ученые-теоретики и практики — улемы, высший военный судья — кади-аскер, судьи — кадии, которых верховный муфтий мог назначать или смещать, что давало ему исключительное влияние на всю общественную и экономическую жизнь населения, а также хитибы, имамы, шейхи текие и ректоры медресе — мударрисы.

Главной экономической основой муфтия и его подчиненных были ходжалык, или духовный домен из приблизительно 20 сел в различных регионах Крымского ханства и вакуфные земли. Доходы, как правило, шли на богоугодные дела: содержание мечетей, школ, больниц, а иногда на дороги, мосты, фонтана-чешмы и многое другое. Безусловно, муфтий строго следил за тем, чтобы вакуфные средства, а также многочисленные пожертвования ханов, мурз и купцов шли по назначению.

Резиденция главного духовного лица в государстве Гираев долгое время бессменно находилась в Бахчисарае, и только со временем появляется еще одна в Кефе, где муфтий являлся представителем верховной судебной власти.

Великий бей, или великий визирь, первый министр хана и его советник был предводителем дворянской аристократии. Он уступал первенство в иерархии придворных сановников только муфтию. Все дела государства находились в его руках, он следил за гражданским порядком на основе законов и традиций ханства. Не-

редко должность визиря занимали беи из рода Ширин.

Кроме доходов со своих владений визирь получал 5 000 пиастров из кезлевкой таможи, 1500 из казны хана, определенную сумму от молдавского господаря и с городов Дубассары и Каушаны. Также ему причитались подушные и десятина с 6 крымских сел. Великий визирь мог командовать лишь личной гвардией хана, но в отличие от своего коллеги в Османской империи никогда не возглавлял войска в военных кампаниях.

Визирь следил за общественным порядком в столице и ее округе, утверждая все судебные дела, иначе говоря, он дополнительно соединял полицейские и юридические верховные функции. Поэтому иногда на практике его власть даже превышала компетенцию нур-эд-дина.

Обычно великий бей жил в одной из резиденций близ столицы. Но и в самой столице у него был свой дом.

Дворянскую аристократию ханства представляли собой беи из наиболее влиятельных и могущественных родов. В отдельные периоды истории их число достигало шести. Все они принимали участие в создании независимого крымскотатарского государства. Среди них особо выделялись четыре рода: Ширин, Барын, Аргин и Седжеут. Эти четыре клана издревле именовались Дерт карачи. Лидеры этих бейских родов обладали большим авторитетом и весом, располагали традиционными политическими привилегиями. Государство могло возложить на отдельный род ведомство дипломатических отношений в каком-нибудь одном направлении. Известно, например, что род Яшлав курировал исключительно московские дела. Кроме этого беи обязывались выставлять свои войска и снабжать их провиантом.

Социально-политическая и культурная роль беев в ханстве заключалась в том, что они стояли на защите государственных законов. Остальные подданные от простого крестьянина или ремесленника до самых знатных мурз уважали их, ведь они были гарантом народной свободы в противовес ханской власти, которая без этого вполне могла перерасти в деспотическую.

В поддержании собственного престижа беи нередко соперничали друг с другом в благотворительных делах. Строили бесплатные гостиницы и кофейни, где могли собираться мужчины, курить чубуки и пить кофе, общаться.

Наконец, карач-беи могли оказывать существенное влияние на внешнюю и внутреннюю политику хана. Без бейского утвержде-

ния не имели силы никакие ханские указы, международные договоры, объявления войны и мира.

В своих же бейликах они были почти полными хозяевами. И такое исключительное положение крымских беев сохранялось веками.

Как парламент в Англии, генеральные штаты во Франции или сейм в Речи Посполитой, так и в Крымском ханстве высший представительный и законодательный орган, или иначе диван, решал важные политические проблемы, военные и внутренние правовые вопросы. Он делился на большой и малый. В состав большого дивана входили: калга, нур-эд-дин, ор-бей, муфтий, визирь, Ширин бей и беи-карачи, кади-аскер, сераскиры, министр финансов ханства — казнадар-баши, казначей — дефтердар-баши и так до 21—22 членов авторитетных и влиятельных в ханстве лиц. Конечно же, ханская семья составляла единое целое, и муфтий, при всей своей духовной значимости, никогда не мог для хана стоять выше, чем, например, нур-эд-дин.

Малый диван собирался согласно придворному протоколу или же в особо важных случаях. Как правило, он не требовал полного состава. Сюда могли входить только калга, нур-эд-дин и четверо карач-беев, а уже с середины XVII века на малом диване могли присутствовать ор-бей, кади-аскер и начальник ханской гвардии капыкулу. Примечательно, что хан не мог поступать вопреки решениям дивана. В противном случае его члены могли и вовсе не явиться и сорвать государственный совет.

При диване работала ханская канцелярия, здесь составлялись официальные дипломатические документы и письма к иностранным дворам. Как правило, дипломатическая корреспонденция велась как на официальном крымскотатарском языке, так и на латыни, итальянском и славянских языках. Для Бахчисарая это была обычная практика.

Судьи — кадии имели в крымскотатарском обществе большой вес. Они следили за исполнением всех положений шариата, в сфере их компетенции входило поддержание существующего порядка и спокойствия на всей территории ханства. В сферу деятельности кадия входил один кадылык, а сами они подчинялись кади-аскеру — главному военному судье ханства. Последний постоянно проживал в столице ханства, и его ведомству было поручено следить за соблюдением действующих законов.

Судебная практика, основанная на принципе выбора кадиев

мурзами, вполне успешно функционировала в условиях Крыма, где крымскотатарские суды славились своей беспристрастностью и неподкупностью, что говорит о профессиональном и нравственном качестве крымских юристов. Подтверждает это и Мартин Броневский, посетивший ханство во второй половине XVI века: «Судьи у них почитаются людьми вдохновенными, непоколебимой справедливости и честности... Я жил там более девяти месяцев и не слышал ни об одном уголовном преступлении; никто не поступил вопреки закону, никто не делал ни доносов, ни сплетней, чтобы повредить врагу» [19, с. 356].

Но бывали случаи, когда законы нарушались. Чаще всего это были тяжбы. В таких случаях дело поступало на рассмотрение местного кадия. Если одна из сторон не была удовлетворена, дело переходило в следующую инстанцию, то есть к каймакану. Если и там не удавалось прийти к согласию, то тяжбой занимался кади-аскер. И, наконец, если и последний не мог решить дела, то проблемой занимался ханский диван, что отвечало демократичным традициям ханства.

Административно-территориальное устройство Крымского ханства предполагало деление на каймаканства. К началу XVIII века их было 6. В свою очередь, каймаканства делились на кадылыки, в которые входили все деревни и населенные пункты государства. Так, Бахчисарайское и Оркапынское каймаканства состояли из 6 кадылыков, Акмеджитское, Карасубазарское и Кефенское из 9, а Кезлевское каймаканство состояло из 5 кадылыков. Следовательно, только в крымской части ханства насчитывалось 44 кадылыка. Во главе каждого округа стоял каймакан. В его права и обязанности входило блюсти порядок и действовать в рамках действующего в ханстве закона.

Еще одной благородной, уважаемой и малочисленной прослойкой в ханстве были мурзы. Это были настоящие потомственные дворяне по своему рождению. Их корни уходили в далекую древность. Они не могли совершать позорных поступков, так как это бросило бы тень на их род, на предков и даже на потомков.

Эти мурзы владели именьями, полученными по наследству, на которые уже никто не мог посягнуть. Более того, они обладали и весомыми политическими правами. В качестве наследных владельцев они подписывали международные документы, если в них шла речь о землях, где издавна селились или кочевали предки этих дворян. Носители древних родов, фамильных заслуг, мурзы обра-

зовывали некий единый военно-интеллектуальный костяк ханства. Ведь в связи с понятиями о сословной этике эти дворяне могли заниматься только военным делом. Гираи ценили их и относились к ним с особым уважением. Доходы этих дворян составляли родовые земли и налоги с населения, проживающего в их владениях. Всего крымских мурзинских родов было около двухсот.

Примечательно, что в отличие от соседней Османской империи, где, например, великим визирем мог стать в прошлом дровосек или повар, в крымском государственном правительственном органе никогда не было случайных людей. Здесь отдавали предпочтение не только благородному происхождению, но и образованию.

ТЕРРИТОРИИ КРЫМСКОГО ХАНСТВА. ОТ КУБАНИ ДО БУДЖАКА

Ногайские татары. Христиан Гейслер, 1804

*К*рымское ханство было одним из самых мощных государств Восточной Европы. Его границы охватывали довольно обширную территорию. Помимо самого крымского полуострова, как центра страны, в пределы ханства входили земли на континенте: на севере сразу же за Ор-Капы раскинулся Восточный Ногай, на северо-западе – Едисан, на западе – Буджак, а на востоке – Кубань. Границы ханства зафиксированы во многих письменных источниках XV–XVIII веков. Другими словами, если взглянуть на современную карту и сопоставить имеющиеся карты прошлых столетий, то можно увидеть, что в границы независимой крымскотатарской державы входили современная Одесская, Николаевская, Херсонская, частично Запорожская области Украины и большая часть современного Краснодарского края России.

БУДЖАК

На западе от Крымского полуострова между реками Турла (Днестром) и Дунаем раскинулись земли буджакских татар. Эта местность представляла собой сплошную равнину без гор и лесов. Однако чрезвычайно плодородная почва компенсировала местному населению этот недостаток хорошим урожаем зерна. Вот только в жаркие летние месяцы ощущалась нехватка воды. Даже самая большая река этого региона — Когылник пересыхала. Поэтому ногайцы сооружали во внутренних районах этой области глубокие колодцы. У буджаков, впрочем, как и у остального населения Крымского ханства, вырыть колодец стало доброй традицией и делом чести. Этот обычай передавался из поколения в поколение, и уже в конце XVIII века в статистическом описании Буджака отмечалось, что «в сем месте вытекает источников множество».

Эти места не были богаты лесами, но предприимчивые ногайцы нашли выход и из этого положения. Они вынудили кодрянов — одно из молдавских племен, живущих у границы с Буджаком, заключить с ними договор, по которому те должны были ежегодно доставлять крымским татарам определенное количество бревен из молдавских лесов.

Буджакцы были известны как хорошие земледельцы, скотоводы, охотники и пчеловоды. Пшеница, рожь, ячмень и просо и даже виноградники культивировались в этом регионе. Излишки отвозились на продажу в приморские города — Аккерман и за Дунай, в османскую Килию.

Конечно же, соседство с молдаванами приводило к постоянным стычкам между этими разными народами. Между ними почти никогда не было мира. Приграничные села как молдаван, так и ногайцев постоянно страдали от «набегов» друг на друга.

Буджак всегда был оживленным регионом. Здесь в разные времена оседали многие народы и племенные союзы. Однако аборигенами этих земель принято считать фракийские племена. Позже автохтонов ассимилировали скифы. Их сменили сарматы, затем готы и гунны. После смерти Атиллы гунны еще некоторое время проживали в этих местах. О себе они оставили память в виде топонима Гуннивар. Так, по мнению шведского историка Иоганна Эриха Тунмана, называли часть нынешнего Буджака. Но и они, а точнее большая часть гуннов, которые не захотели уходить, вскоре смешались с булгарами, а те, в свою очередь, — с печенегами.

В начале XI столетия в этих местах осел тюркский народ — куманы, или кыпчаки.

С этого времени кыпчаки владели не только Буджаком, но и всем Северным Причерноморьем, а со временем, как и их предшественники, приняли активное участие в формировании этногенеза крымских татар. Сохранились сведения, что здесь, в Буджаке, проживал один из кыпчакских князей, некий Бессараб. Его именем стали называть и жителей этого региона — бессарабами. Так ли это было на самом деле или это всего лишь легенда, неизвестно по сей день. А вот польский архидиакон из города Гнезно, чьего имени история не сохранила, писал в своем труде, что жителей Буджака до 1259 года называли бессарабы. Однако и здесь стоит оговориться. Этот аноним черпал свои сведения из хроники своего соотечественника — польского священника Годислава Башко, чье историческое произведение не отличается достоверностью и содержит много неточностей.

В книге Тунмана говорится о некоем кыпчакском князе Балихане, жившем в первой половине XIV веке в резиденции Карабуна. Кючук-Кан-Темиром-оглу, более известный как князь Дмитрий Кантемир, полагал, что Карабун находился на месте современного города Татарбунары (ныне в Одесской области), основанного крымскими татарами в XV веке. Этот князь или хан известен тем, что в 1346 году принял участие в гражданской войне в Византии и оказал помощь византийской императрице Анне Савойской в борьбе против ее недруга Иоанна Кантакузена.

С XV века земли кыпчаков периодически формально и номинально переходили во власть соседей: сначала валахам, при которых за Буджаком закрепилось название Бессарабия, а после и венграм. В источниках за 1399 год говорится, что земли Буджака принадлежали некоему Мирзе (возможно, из местных кыпчакских князей), но с 1412 года часть этих земель числится уже за молдавским князем Александром. С 1469 по 1474 год западной Бессарабией якобы владел знаменитый валашский князь Дракул, но в 1474 году он отдал эти земли османскому султану Мухаммеду II Фатиху. Спустя несколько лет Буджак снова завоевали — на этот раз молдавский господарь Стефан Великий. А через два года эти земли стали татарскими, точнее ногайскими. Первоначально здесь осели более 30 000 ногайских семейств. Свой этноним — буджакские — они получили от названия населенного пункта Буджак, расположенного в районе Днестровского лимана. Предположительно этимология названия

города и региона восходит к тюркскому слову «буджак» («угол»). Именно этот город на некоторое время становится так называемой столицей Буджака.

С самого начала в Буджаке выделяются два наиболее влиятельных клана: Орак-Оглы и Орумгет-Оглы. Главы этих родов подчинялись крымскому хану и при необходимости могли выставить от 30 000 до 56 000 воинов. Эти воины отличались не только своей выносливостью и отвагой, но и беспокойным нравом и свободолюбием. Буджакские аскеры пользовались уважением и особой привилегией. Со временем многие из ногайцев Буджака состояли в личной ханской гвардии — капы-кулу.

Известно, что в последние годы правления хана Шагина Гирая бендерский паша с согласия османского султана сделал все возможное, чтобы сместить назначенных ханом начальников и чиновников в Буджаке, и попытался привести Буджак в подданство Османской империи. Однако формально османские власти не смогли подчинить себе своевольных буджакцев, которые до последнего лелеяли надежду вновь возвести на престол своего хана — Шагина Гирая.

По отзывам путешественников, ногайские татары честны, добродушны и гостеприимны. В домашнем быту, обычаях, привычках, языке и религии они схожи с остальными ногайцами. Они подвластны своим мурзам и беям, которые входили в государственный совет — Диван. Так же, как и в остальных ногайских регионах ханства, крымский хан назначал сюда своего родственника сераскером. Примечательно, что именно в Буджаке, в городах Каушаны и Бендеры, находились резиденции крымского властителя, куда последний приезжал вместе со всем своим пышным двором.

Кроме упомянутых городов, здесь также росли и процветали другие города: Татарбунары — город на реке Когылник, портовый город Аккерман (ныне Белгород-Днестровский), Тобак — город у озера Ялпуш при впадении в него реки Ялпуг. Напротив этого города во времена кыпчаков стоял город Тинт, но он был разрушен османами и больше не восстановлен. До второй половины XVIII века можно было видеть его развалины. А также небольшой городок с крепостью Бир на Днестре.

ЕДИСАН, ИЛИ ЗАПАДНЫЙ НОГАЙ

Границами между ханскими областями на континенте в основном служили реки. Так, земли едисанских ногайцев — Едисан, или

Западный Ногай, — раскинулись между реками Ак-Су (Бугом), Озю-Су (Днепром) и Турла (Днестром), гранича на западе с Буджаком. На юге земли Едисана омывались Черным морем, а на северо-западе граничили с Польшей (позднее с Гетманщиной) в районе реки и одноименного населенного пункта Кодыма.

Вся эта территория изначально находилась под властью крымских ханов. В 1492 году на побережье Черного моря, рядом с устьем Днепра, крымским ханом Менгли Гираем была заложена крепость Кара-Кермен. Но в 1526 году крепость перешла во владение османов и с этого года стала именоваться как Ачи-Кале. Остальная территория Едисана по-прежнему оставалась за крымскими властителями, и населяли ее ногайцы Едисанской орды.

С образованием Крымского ханства жители исторической области в Северном Причерноморье — Едисан, потомки кыпчаков, перешли под защиту крымского хана, который и закрепил за ними земли для жительства.

Историк Тунман, описывая Едисан, замечает, что здесь проживали независимые и сильные кланы. В 1758 году они восстали против крымского хана Халима Гирая и привели к власти хана Крыма Гирая. Другими словами, едисанцы могли влиять на политические процессы своего государства.

В общественном строе и образе жизни они мало чем отличались от восточных ногайцев. И историческая судьба этой страны была схожа с Восточным Ногаем и Крымом.

Что касается климата, то в степи он был суровый. Зима начиналась рано и сопровождалась ветрами и морозами, а лето было жаркое, но из-за постоянно дующих ветров зной переносился довольно сносно. Большая часть территории Едисана представляла собою равнину. Но в северной и восточной его части были горы и долины. А вот в южной у моря — равнины и редко встречающиеся песчаные холмы. Растительность в этих местах была скудная, только высокая трава, где выпасались стада баранов, крупного рогатого скота, лошадей и верблюдов. Почва была плодородной. Здесь произрастали хорошие сорта пшеницы, которые приносили немалый доход местным жителям. Приносили доход и несколько соляных озер на юге Едисана. И если во внутренних областях соседнего Восточного Ногай чувствовалась нехватка воды, то через Едисан протекали реки Ак-Су, Турла, Кодыма, Чапчаклы, Большая и Малая Березань, Улу, Кучук-Делигель и множество мелких речушек.

Историческими центрами региона были крымскотатарские го-

рода: Балта, приграничный город на реке Кадыма; Дубассары, город на реке Турле (Днестр); Ени-Дунья, город на побережье Черного моря с гаванью и крепостью; прибрежные города-крепости Возия и Хаджибей. Жители городов Едисана, как правило, занимались торговлей. Главными предметами торговли были зерно и соль.

ВОСТОЧНЫЙ НОГАЙ

Сразу же за городом-крепостью Ор-Капы начинались бескрайние степи. Это и была историческая область, получившая название Восточный Ногай. На юго-западе он омывался Черным, а на юго-востоке — Азовским морями. На севере ногайские земли граничили с Диким полем, позже с землями Запорожской Сечи. Его естественной границей были реки Озю-Су (Днепр) и Дон. Жителями этой степи были две большие ногайские орды. Юг принадлежал джамбулукам, а север едичкульцам. Каждая делилась на отдельные кланы. Шведский историк Тунман назвал имена таких знатных семейств, как Чазлу, Казай-Мурза, Исмаил-Мурза, Бадраки, Бояташ и многие другие. А другой путешественник, немец Эрнст Клеман, посетивший Крым в 1768—1770 годах, сообщил не менее важную информацию о численности жителей Восточного Ногай, а именно: о 500 000 ногайских семейств. Во главе каждого рода был мурза, который, в свою очередь, находился под властью крымского хана.

Как известно, в Крымском ханстве не было регулярной армии. Но крымский хан всегда мог положиться на своих верных ногайцев. По первому уведомлению о военном походе в степи собирались аскеры и присоединялись к ханскому войску, выступавшему из Ора. Как правило, во главе каждой из пяти наиболее крупных ногайских орд находился один из принцев династии Гираев. Эта высокая должность называлась «сераскир», другими словами, военачальник, или военный министр. Именно сераскир мог командовать ногайскими аскерами в период военной кампании.

По заведенной традиции главы знатных ногайских кланов были обязаны в канун больших мусульманских праздников посылать в Бахчисарай, ко двору крымского хана четырех мурз с подарками и пожеланиями счастья и долгого правления.

В остальном же ногайцы были свободными людьми. Степняки имели свой уклад жизни, удобный им в привычном ареале проживания. Нельзя сказать, что в степи не было городов, крепостей и крупных населенных пунктов. Конечно же, они были. Вот только

какая численность населения была в городах, сейчас сказать трудно. Однако они процветали и богатели благодаря товарно-рыночным отношениям.

В Восточном Ногае были известны такие города, как Алешки (сегодня это небольшой город в Херсонской области, переименованный в Цюрупинск), Аслан — город на Днестре, о котором сохранилось крайне мало сведений, Ениче — современный город Генчешек на берегу Азовского моря и Кинбурун, или Кыл-Бурун, которого уже не найти на современной карте. Из укрепленных городов-крепостей сохранились сведения о Кызы-Кермене на Днестре, Ислам-Кермене (ныне город Каховка), рыбацком поселении Али-Агок (современный город Скадовск).

Кроме этого по всей восточно-ногайской степи были поселения и укрепления. Как правило, в плане они были однотипными. Прочные дома, большие дворы, между которыми обязательно оставались пустые промежутки в 50 или 60 шагов. Посреди каждой деревни находилось обширное пространство — площадь, на которой молодые татары могли упражняться в боевых искусствах, а на другой площади в центре селения обязательно возвышалась мечеть. Несмотря на то, что ногайцы исповедовали ислам, у них еще долгое время сохранялись обычаи, восходящие к временам, когда тюрки исповедовали тенгрианство.

Путешественники в своих описаниях Татарии отзывались о ногайцах степи как о людях приветливых и гостеприимных и называли их храбрыми воинами. Во время военных действий ногайцы были самыми лучшими лучниками. Кроме лука большинство из них были вооружены саблей, длинным дротиком, называемым сунгу, кинжалом и кожаными веревками. И лишь немногие носили огнестрельное оружие.

В мирное время едичкульцы и джамбулуки занимались отгонным скотоводством и земледелием. Так как почва в степи была плодородной, здесь выращивали пшеницу, красное и желтое просо, ячмень, гречиху, спаржу, чеснок и лук. Излишки шли на экспорт, их ногайцы, как правило, везли в крымские портовые города. Главными предметами сбыта были злаковые культуры, мясо, масло, мед, воск, шерсть, шкуры и т. д.

Восточный Ногай территориально довольно обширен и представлял собой равнину с редкими возвышенностями. Чувствовался недостаток в пресной воде из-за малого количества рек, особенно в центральной части этой области. Однако спасали колодцы, ко-

торые ногайцы сооружали повсюду. Правда, на юге все же было единственное озеро Сут-Су (Молочные Воды) с пресной водой. Повсюду рос кустарник, лесов здесь не было.

Как замечает Тунман, в степи росли душистые травы и воздух здесь был пропитан очень приятным, одурманивающим, крепким запахом. А тюльпаны были самыми обычными цветами. Климат в степи суровый и сырой. Холода начинались с конца сентября. Лето жаркое, но из-за постоянно дующих в степях ветров зной переносился сносно.

В ногайских степях водилось множество диких животных, среди которых выделялись лошади. Именно об этой необычной породе лошадей упоминали многие путешественники, посетившие Крымское ханство. Одно из ранних упоминаний встречается в 1574 году у польского хрониста Яна Красинского.

Эти дикие лошади отличались тем, что рождались с красноватой шерстью, которая с годами становилась серого мышинного цвета, а грива, хвост и полоска по крестцу оставались черными. Они славились своим норомом и выносливостью, их было трудно поймать и очень тяжело приручить.

Нельзя обойти вниманием еще одну особенность ногайских степей. Это курганы над могилами некогда захороненных в Северном Причерноморье знатных тюрок. Многие из этих курганов восходили к скифским временам. Путешественники, побывавшие здесь в ханский период, еще могли наблюдать на вершинах курганных насыпей каменные статуи с лицом, всегда обращенным к востоку.

КУБАНЬ

Одним из самых интересных исторических регионов были земли на востоке крымскотатарского государства. Это часть нынешнего Северного Кавказа с территорией, прилегающей к реке Кубань. Здесь оседло жили те ногайские татары, которых называли либо кубанцами, либо малыми ногайцами. Примечательно, что кроме них в этой местности жили подвластные ханству черкесы и адыги.

В период Крымского ханства земли кубанских татар граничили на западе с Восточным Ногаем (землями джамбулуков в Приазовье), на юге и востоке — с Кавказом, а на севере — только в XVIII веке с Россией.

Эта область отличалась большим природным разнообразием в силу своего географического положения. В отличие от своих со-

племенников, живших в безводной степи буджаков, едисанцев, едичкульцев и джамбулуков, кубанские ногайцы не испытывали недостатка в воде. Почва была плодородной, и здесь росло много полезных и целебных трав. А вот земли у кавказских границ, или нижней Кубани, были живописными и привлекали не только красотой своего ландшафта, но и богатством. Здесь начинался предгорный район. Долины сменялись возвышенностями, горами и лесами. В этих местах росли многие виды деревьев — хвойные и лиственные. Жители этих мест выращивали фруктовые сады.

С глубокой древности территория Кубани и Таманского полуострова была населена скифскими племенами, сарматами, аланами, синдами, ясами и другими народами, сменяющими друг друга. Одни растворялись в новых этносах, другие не смешиваясь продолжали сосуществовать с новыми. Со временем здесь образовалась эллинская колония. В первой половине VI века до н. э. у устьев рек Дона и Кубани выросли торговые фактории и города. Наиболее известными из них были Танаис, Фанагория и Гермонасса. Очевидно, города возникали не на пустом месте, а вырастали из поселений сарматов и синдов. Позже цветущие и богатые колонии вошли в состав могущественного Боспорского царства с центром в Пантикапее. В разные времена сюда приходили гунны, болгары и авары, а в 679 году эти земли вошли в состав Хазарского каганата.

Каганат долгое время был самым цветущим и могущественным государством. Уже после того, как Хазарское государство распалось, северо-восточная часть Кубани попала под влияние кыпчаков. С этого времени появились новые города, среди них Тана (Азов) и Матрига, или Томи (Тамань).

В золотоордынский период Кубань вошла в состав Джучиева улуса. Однако стоит оговориться, что народы, проживавшие в лесных и горных местностях, формально так и не подчинились назначаемым из города Сарая наместникам.

С образованием Крымского ханства земли Таманского полуострова и Кубани вошли в состав нового государства, так как на этой территории в большинстве своем наравне с черкесами и адыгами проживали ногаи, которые и поддержали династию Гираев.

Здесь сосуществовали разные по своему происхождению и этнической принадлежности народы, хотя на определенном этапе все же имевшие общих предков — скифов, сарматов, аланов, роксоланов и других. Ногайцы подчинялись своим беям и мурзам, а черкесы — своим князьям. Некоторые источники сообщают, что

между ногайцами и черкесами были постоянные войны. Это преувеличенная информация. Конечно же, столкновения происходили, но неясно, о каких войнах шла речь.

Проживавшие на Кубани татары делились между собой на малых, или черных (Кара-Ногайлар), и кубанцев. Они разделялись на роды и ареалы проживания. Среди них наибольшую известность получили Казай-аул и Нарус-аул. Оба этих клана в последние годы ханства имели более 10 000 семейств.

Образ жизни, внешний вид, обычаи, уклад жизни, религия и домашний обиход кубанских татар почти не отличался от других ногайцев. Жители Приазовских степей сеяли в основном просо, занимались скотоводством, овцеводством и коневодством. Кумыс и буза — их главные национальные напитки. Впрочем, как и у их соседей — черкесов. Как известно, черкесы становились аталыками-воспитателями многих принцев из династии Гираев.

Следует отметить, что на территории Крымского ханства, а точнее — в землях кубанских татар с 1708 года проживали бежавшие сюда с Дона казаки-некрасовцы. Они были недовольны чинимыми Петром I притеснениями, и ханская администрация разрешила обосноваться им на Кубани. Со временем они основали здесь свой город Некрасов.

В период Крымского ханства на Кубани развивались и разрастались города, такие как Тамань на южной стороне реки Кубань. Населяли его как ногайцы, так и черкесы. Он находился на берегу моря и являлся портовым. Его жители занимались торговлей. У берега постоянно находились суда, которые перевозили на крымский полуостров и обратно всех желающих. На северо-востоке от Тамани лежал небольшой город Темрук, его основали черкесы в золотоордынский период. Недалеко от места, где когда-то был большой и богатый город Фанагория, ногайцы основали укрепленный город Кизил-Таш. У Азовского моря находился городок с гаванью Актар. На главном рукаве реки Кубань лежал город Керменчек, или Курман. В XIV веке он был одним из известнейших городов этой местности. Город Копыль, или Капыль, находился на востоке и был резиденцией кубанского сераскера. Он был основан недалеко от другого города, ранее носившего такое же название, но со временем переименованный в Эски-Копыль (Капыль). На востоке региона лежал еще один город — Беледе-Кой. Все эти города принадлежали крымскому хану. А вот у реки Лаба был черкесский город Бесслини, или Беслен, принадлежавший с 1758 года кабардинскому князю

Арасламбеку. В горах находилось несколько черкесских крепостей.

Так довольно обширная территория Крымского ханства процветала и богатела на протяжении своего существования. Надо отметить, что границы ханства никогда не были четкими и часто, например, в Восточном Ногае, едичкульцы переходили за границы Днепра — они считали и эти земли своими. И не только они. С могущественным южным крымским соседом считались, его признавали, боялись и уважали.

АТАЛЫК – ВТОРОЙ ОТЕЦ КРЫМСКОГО ПРИНЦА

Черкесы

«Аталычество» буквально означает «отцовство». Это форма установления искусственного родства. Другими словами, аталык – это приемный отец. Ему доверяли воспитание отпрыска из знатного и благородного рода. По достижении совершеннолетия воспитанник в сопровождении названного отца возвращался домой. Аталык получал богатые дары, и отныне между обеими семьями устанавливались родственные связи, считавшиеся крепче кровных уз.

Аталычество практиковалось в тюркском мире и среди народов Северного Кавказа. Известно оно было еще у скифов, у древних кельтов и даже у арабов.

Институт аталычества играл большую роль в Крымском ханстве. Здесь особое внимание уделялось воспитанию принцев правящей династии Гираев как потенциальных наследников на крымский трон. Согласно традиции аталыками-наставниками были черкесские князья, которые увозили ханских отпрысков в Кабарду. Считалось, что в среде этого народа, являвшегося фактическим вассалом Крымского государства, прививались лучшие качества духовного родства и побратимства. Ведь изучение языка, культуры, этикета и обычаев соседей нередко являлось сдерживающим фактором при возможных конфликтах между Крымом и Кабардой. Но как только воспитанник достигал совершеннолетия, он возвращался в родную семью. Проходило это в торжественной обстановке и сопровождалось обменом подарков между воспитателем и родителями.

Отношения принца с семьей аталыка были очень тесными, они не только приравнивались к кровным, но фактически были сильнее их. Впрочем, нередко аталык становился ближе принцу, чем родной отец.

Известно, что у отца первого крымского хана Хаджи Гирия Гияс-ад-Дина был аталык. По обычаю тех лет, хан-наместник Крымского улуса-юрта Таш-Тимур поручил воспитание своего сына главе одного из крымских племен Девлету-Гельди.

Вследствие политических интриг и борьбы за отцовский трон Гияс-ад-Дин вместе со своей семьей покинул крымский юрт. Найдя поддержку у литовского князя, он обосновался в замке Тракай. Спустя некоторое время Девлет-Гельди прибыл в Литву ко двору своего воспитанника. Но прежде он совершил хадж в Мекку. Его возвращение совпало с рождением одного из сыновей Гияс-ад-Дина. В честь паломничества аталыка к святым местам ислама мальчика нарекли Хаджи. Именно он и стал основателем Крымского государства.

Существует предание, что после того как Хаджи окончательно закрепился на ханском престоле, он спросил аталыка своего отца, добродетельного суфи Девлета-Гельди, нет ли у него личных пожеланий, которые бы он, хан, мог исполнить. Старец, очевидно, ожидавший подобного вопроса, долго не думал. Он попросил ради памяти присовокупить имя его малочисленного народа к имени хана. Хаджи дал согласие. Племя, издревле жившее в предгорной части Крыма, близ Кырк-Ера, растворилось в крымских татарах, а его имя на века вошло в историю как династическая фамилия ханского рода.

У восьмерых сыновей первого крымского хана Хаджи Гирия ата-

лыками были главы крымских ремесленных корпораций. Другими словами, это были мастерские люди, в чьи обязанности входило обучить принца тому ремеслу, которым мастер владел в совершенстве, будь то ювелирное искусство, оружейное или кузнечное. В ханской семье принц, имевший свою определенную профессию, пользовался почетом и уважением.

Очень скоро аталычество расширило свою географию. Уже во времена Менгли Гирая установились прочные связи с Северным Кавказом, преимущественно с черкесами из рода Бесленей. Вместе с некоторыми другими знатными кабардинскими и адыгскими родами Бесленей приняли вассалитет Крымского ханства, и отныне воспитание принцев из династии Гираев вошло в их обязанности.

В Кабарде быть наставниками султанов из династии Гираев было престижно. Представители адыгов: кабардинцы, жанеевцы, бжедуги, хатукаевцы и темиргоевцы — стремились воспитать собственного кандидата на ханский трон.

Сведения об этом сохранились у многих авторов XVII—XIX веков. Османский автор Хюсейн Хезарфенн в книге «Изложение сути законов османской династии» («Телхис эль-бейан фи каванын-и-ал-и осман») говорит, что «когда у ханов рождаются дети, то они берут их к себе на воспитание и, чтобы этим выказывать свою покорность, воспитывают их до зрелого возраста, так что некоторые ханычи живут там до тех пор, пока у них начнет расти борода. На прокормление им назначают деревни. Если у хана, калги и нур-эддина родился сын, то с великим обязательством его воспитывают. Воспитателя называют аталык. По достижении зрелости ханыч почитает своего аталыка как отца родного. Если воспитанный таким образом ханыч достигнет власти, то он употребляет все старания к тому, чтобы своего аталыка и эмельдеша (молочного брата) в знак признательности обогатить» [109, с. 56].

Господарь Молдавского княжества Дмитрий Кантемир отмечал: «Их [Кабарда] страна является школой для татар, из которых каждый мужчина, который не обучался военному делу или хорошим манерам в этой школе, считается «тентеком», т. е. несостоящим, ничтожным человеком. Сыновья крымских ханов в тот момент, когда они увидели свет, отсылаются к черкесам на воспитание и обучение» [9, с. 68].

Здесь стоит высказать дополнительные замечания. Дело в том, что мальчиков отдавали аталыку только после семи лет. До этого времени они жили со своими матерями. Однако о рождении очередного отпрыска династии Гираев сообщалось заранее и аталыки

сами приезжали в Крым, где дожидались порой несколько лет своего воспитанника.

Современник Кантемира, некий турецкий аноним, отмечает: «Ханских детей мужского пола отправляют на Кавказ, откуда они возвращаются в родительский дом уже парнями» [9, с. 70].

В 40—60 годах XVII века, согласно утверждениям турецкого путешественника Эвлия Челеби, каждое черкесское племя имело у себя по чингисиду, надеясь усадить на крымский трон своего ставленника: «Когда он [от нас] уйдет, — заявляли темиргоевцы, — это, может быть, станет залогом дружбы, он станет ханом, и нам от этого будет польза» [112, с. 20].

Можно сказать, что система атальчества со временем превратилась в своеобразный политический институт, в успешном и длительном функционировании которого была заинтересована и крымская, и черкесская элита. Как сообщает Аллен, «Гираи часто женились на черкешенках из княжеских фамилий, и согласно системе атальчества их сыновья воспитывались среди черкесов. А династическое наследование в Крыму, как правило, сопровождалось конфликтами между буйными братьями, которых поддерживали те черкесские кланы, где они воспитывались» [116, с. 165].

Пребывание Гираев в Черкесии было сопряжено всегда с большой долей риска: внешне хануко (то есть «сын хана») пользовался уважением, но при этом он не имел абсолютно никакой власти. Ограбить от внешних нападков его мог только клан наставника.

Закончив воспитание молодого принца, аталык должен был подарить ему коня, одеть, вооружить и привести домой в сопровождении большой свиты из членов семьи, родственников и близких воспитателя.

Аталык обязан был учить своего воспитанника всем тонкостям дипломатии, искусству красноречия и рассуждения, а также посвящать во все дела, связанные с тем народом, среди которого он долгое время жил. Отдавая своего ребенка аталыку, отец, как правило, устраивал пир для своих многочисленных родственников и сановников.

В семье же аталыка только после года пребывания юного принца устраивали торжество и одаривали своего опекуна подарками, а с 12—13 лет начинали знакомить со всеми родственниками аталыка. Примерно с этого же возраста мальчика начинали учить верховой езде, стрельбе и борьбе, умению переносить зной и усталость, холод и голод.

В XVII веке небольшая часть черкесов осела в Крыму. Возможно, ханская администрация определила им место жительства в крымскотатарской деревне близ Бахчисарая, получившей со временем свое название Черкез-Кермен. По одной из версий, сюда приезжали черкесы с семьями и жили здесь до тех пор, пока ханский сын не достигнет семи лет. Крымские ханы старались выбирать своему сыну в воспитатели человека, имевшего хорошую репутацию, знающего народные обычаи, этикет и военное дело. Поэтому родитель иногда еще до рождения ребенка определял чью-либо кандидатуру в аталыки и сообщал ему приблизительное время, когда он сможет забрать подопечного и увезти на воспитание в Черкесию. По другой версии, в этой деревне осели те черкесы, которые последовали за своими воспитанниками, призванными на родину.

Некоторые исследователи предполагают, что названные отцы крымских ханов оказывали значительное влияние на внутреннюю и внешнюю политику Гираев, однако формально черкесского лобби не существовало. Внешне все выглядело как результат взаимной поддержки. И нередко ногайские мурзы по этому поводу открыто выражали Гириям свое недовольство.

Институт аталычества сформировал в западноадыгском обществе целое сословие — хъаныкъо (султанов), образованное потомками крымских царевичей, не пожелавших по разным причинам вернуться в Бахчисарай.

Балка Улаклы

*К*рымское ханство по своему содержанию было уникальным государством. Его формой правления была ограниченная монархия, где немалую роль играла бейская верхушка, чьи привилегии хан не мог изменить, оставляя за знатью определенную независимость. Но хан как суверен был наделен достаточно широкими полномочиями, и за ним всегда оставалось последнее решение и право введения новшеств. Например, одному из крымских ханов Мухаммеду II Жирному пришла идея утвердить в государстве второй официальный наследственный титул престолонаследника — нур-эд-дина. Такой практики не было ни в одном государстве, где существовала монархия. Официального наследника после дофина, кронпринца, инфанта, цесаревича не было нигде, и только в Крымском ханстве во второй половине XVI века после первого наследника калги появляется нур-эд-дин.

Мухаммед Гирай II, прозванный из-за своей тучности Семыз (Жирным), унаследовал крымский престол после смерти своего отца Девлета Гирая. По описанию историографов, Мухаммед Гирай был хорошим политиком. Будучи еще калгой при своем отце, он как наследный принц обязан был вникать во все внутренние и внешние политические дела ханства. Взойдя на крымский трон, Мухаммед продолжил политический курс своего отца. В 1579 году хан укрепил дипломатические связи со Швецией, направив посольство в Стокгольм к королю Юхану III. Одновременно он вел борьбу за возвращение под руку Крымского ханства Хаджи-Тархана и продолжал стабильно брать со своих северных соседей — русских князей дань. Кроме этого, новый хан стремился укрепить и внутреннее положение ханства.

В 1583 году Османский султан Мурад III пригласил крымского хана Мухаммеда принять участие в войне с Персией. Хан не стал игнорировать предложение султана и отправил во главе крымской армии троих братьев и любимого сына Саадета Гирая. Но это был своего рода отвлекающий маневр. Крымское войско еще не успело вступить в пределы Северного Кавказа, как Мухаммед Гирай, найдя веский аргумент, срочно отозвал назад сына Саадета Гирая. Спустя некоторое время из Дербента пришла недобрая весть: все три крымских принца были пленены, а калга Адиль Гирай по собственной вине был казнен в плену. Место второго лица в государстве стало вакантным.

На Малом Диване в Ханском дворце хан объявил, что намерен провозгласить своим наследником — калгой сына Саадета Гирая. Но тут же против этого восстал Алп Гирай, младший брат хана. Дело в том, что он уже видел себя в роли престолонаследника и уступать это место племяннику не был намерен. Хан попытался возразить, но Алп сумел восстановить против намерений хана бейскую верхушку, которая поддержала ханского брата и настояла на том, чтобы Мухаммед утвердил в сане калги своего брата Алп Гирая, годами старше Саадета, как того требовали старинные законы. На этот раз хану ничего не оставалось, как подчиниться общему решению, и калгой был объявлен властолюбивый Алп Гирай. Но так как хан считал, что обидел любимого сына, которому уже был обещан титул калги — наследника, Мухаммед Гирай, заручившись поддержкой османского султана, специально утвердил для него новый титул — нур-эд-дина. Как только из Стамбула пришло халифское благословление на новый сан, Мухаммед Гирай официально на собрании Ма-

лого Дивана объявил Саадета Гирая вторым престолонаследником. Теперь нур-эд-дину полагался годовой оклад с кефенской таможи и с соляных промыслов ханства, а также собственная резиденция Качи-Сарай близ Улаклы, земли и на правах наследного принца жалованье из Стамбула.

По мнению ориенталиста и историка Вельяминова-Зернова, титул нур-эд-дина был заимствован у ногаев, у которых он якобы уже существовал и восходил к имени хана Ногайской орды Нуреддина, младшего сына Эдигея. По другой версии, титул был принят в честь имени аталыка самого Саадета Гирая Нуреддина мурзы. С этих пор титул нур-эд-дина как второго наследника на крымский престол прочно закрепился в иерархии ханства.

Калга имел постоянную резиденцию и администрацию в Акмесджите, получал во владения значительный калгалык (удел), куда входили земли от верховий Альмы до Чатырдага, а также северный склон горы и долину Салгира, а часть своего дохода получал в виде жалованья из Порты.

Нур-эд-дину отныне принадлежала официальная резиденция во дворце Качи-Сарай близ Улаклы в долине Качи, и на правах наследного принца он получал жалованье из Стамбула.

Кроме этого в отсутствие хана и калги нур-эд-дин брал на себя командование армией. Он, как и калга, имел своего визиря, казначея — дефтердара и судью — кади.

Как и калга, нур-эд-дин имел свою тугру и миңдалевидную печать. Имел годовой доход из ханской казны — сальяне, то есть часть государственных таможенных сборов, портов Кезлева, Кефе и Балаклавы в размере пять юков акче (равная 100 тысячам акче — мелкой серебряной монете). Из сальяне нур-эд-дин по обычаю выделял энную сумму своим приближенным агъам и был обязан содержать бедняков в своих владениях.

К сожалению, первому нур-эд-дину Саадету Гираву так и не удалось унаследовать ханский трон. Козни его дяди калги Алпа Гирая вскоре привели к тому, что Мухаммед Гирай лишился ханского звания. Дело в том, что после своего назначения в сан калги Алп Гирай сблизился с османской верхушкой и стал активно плести интриги против своего брата — хана Мухаммеда. Переломный момент настал после того, как хан отказал султану вновь собрать свое войско и двинуться в новый поход на Персию. Тогда калга, под началом которого было все крымское войско, поддержал султана. Это предательство послужило сигналом к столкновению между братьями.

Мухаммед поспешил низложить Алпа Гирая и на его место назначил Саадета Гирая, а своего второго сына Мурада Гирая возвел в сан нур-эд-дина. Алп Гирай обратился за помощью в Стамбул, и султан тут же отреагировал на призыв против строптивного хана. Он издал свое халифское распоряжение о смещении Мухаммеда II и провозгласил нового хана. Но им оказался не Алп Гирай, который надеялся, что султан отдаст предпочтение ему за преданность. Султан посчитал правильным назначить другого Гирая, родного брата бывшего калги и хана, проводившего все свои дни в молитвах и радениях при текие дервишей в Бурсе — Ислама Гирая.

Традицию, заложенную ханом Мухаммедом Гиравем, продолжил его брат Гази Гирай. Во время своего второго назначения в ханское достоинство он утвердил калгой своего старшего сына Токтамышша, а младшему сыну Сеферу Гираву пожаловал титул нур-эд-дина.

А уже Джанибек Гирай после смерти бывшего при нем калги перевел из сана нур-эд-дина в сан первого наследника старшего сына принца Мубарека Гирая, а на место второго наследника назначил своего малолетнего сына Сахиба Гирая. Грамота, возводившая в сан нур-эд-дина, была торжественно вручена Сагибу в качестве подарка в день его сунета.

Титул нур-эд-дина так окончательно и не закрепился за ханскими сыновьями, он периодически передавался дяде, брату, племяннику и только в редких случаях — сыну. Но если некоторые Гирайи, носившие титул калги, после смерти или смещения хана сразу же занимали его место, то из нур-эд-динов не стал ханом почти никто.

Курдючный баран

В конце XIII столетия в Крымском улусе-юрте начинается экономический подъем, охвативший всю территорию Северного Причерноморья. А к XV столетию, когда уже зарождалась мировая экономика и начиналась эпоха первоначального накопления, Крымское ханство активно включилось в этот процесс и превратилось в настоящую житницу. Новая торгово-хозяйственная система способствовала тому, что молодая крымскотатарская независимая держава производила в более чем достаточном количестве сырье, а излишки отправляла на продажу в соседние страны.

С самого начала экономическая политика в крымском улусе-юрте, а с 1428 года и в Крымском ханстве ориентировалась на экспорт собственного сельскохозяйственного сырья. Степная часть полуострова как нельзя лучше подходила для выращивания высококачественной пшеницы и некоторых других зерновых культур. Поэтому очень скоро жители степи — ногайцы, которые активно занимались животноводческой деятельностью, стали осваивать новую и, что немаловажно, прибыльную отрасль хозяйства — хлебные зерновые культуры. Крымская пшеница стала главным продуктом экспортируемого товара с середины XIII века. Как замечает в своей книге посетивший в XV веке Крым венецианский дипломат Иосафат Барбаро, урожайность пшеницы была чрезвычайно высока.

Вероятно, что купцы из кафинских генуэзских факторий закупали у ногайцев зерно по более низкой цене, а после, согласно сохранившимся документам, перепродавали его в Европу. Сколько всего в те века вывозилось из Крыма зерна, в точности неизвестно. Но сохранились данные, что, например, сама Кафа съедала в год 2 800 тонн хлеба. Наверняка примерно такое же количество требовалось и для остальных населенных пунктов Крыма и Северного Причерноморья. Остается только подсчитать, сколько же ногайские степи давали хлеба. Ведь они обеспечивали себя, крымское население и вдобавок некоторую часть экспортировали за рубеж! Следует отметить, что после того, как перестали существовать генуэзские фактории, хлебное дело полностью перешло в руки крымских татар. О том, что крымцы наравне с другим товаром экспортировали в Стамбул «в значительных размерах» хлеб, свидетельствует французский купец и путешественник Жан Шарден в XVII веке. А уже в середине XVIII века французский консул в Крымском ханстве Шарль Пейсонель приводит конкретные цифры: ежегодно из крымских портов выходило от 100 до 150 судов, груженных хлебом для столицы Османской империи; кроме пшеницы, вывозился и ячмень (до 60 судов). Более поздний автор, историк Сергей Бахрушин, в своей монографии «Основные моменты жизни Крымского ханства» упоминает, что «с XVI века Крым с его плодородными равнинами делается житницей Константинополя». А уже «в XVIII веке хлебный экспорт в значительной доле находился в руках хана, который продавал «на корабли» ежегодно от 12 до 14 тысяч четвертей различного хлеба». Далее Бахрушин повествует о том, что к концу XVIII века урожай пшеницы в Крыму определялся в количе-

стве от 120 до 400 тысяч четвертей в год. И о том, что «хлеба более чем с излишком хватало на продовольствие Крыма, свидетельствует его дешевизна» [14, с. 326].

Важным продуктом — солью была богата крымская страна. О ней еще в середине XIII века писал путешественник Вильгельм (Гильом) Рубрук: «На севере этой области находится много больших озер, на берегах которых имеются соляные источники, соль, твердая как лед, отовсюду ездят сюда за солью. Морем также приходят за этой солью множество судов, которые платят пошлину по своему грузу» [86, с. 198].

Позже и османский путешественник Эвлия Челеби не смог обойти вниманием соляные озера, являвшиеся к тому времени ханской собственностью. Другими словами, вся прибыль от продаж орской соли шла в государственную казну. Вот что говорит о ней Челеби: «Эта белая и вкусная соль добывается кусками как кирпичи... В месяце июле поверхность этого озера покрывается солью как будто льдом, в пядь толщиной. Ее режут на части как ковер и сваливают как горы» [112, с. 15]. С конца XIII века известно, что крымская соль пользовалась спросом не только у соседей Крыма, но и на европейском рынке.

В книге «Универсальное описание Крыма» о крымской соли сообщал и Василий Кондараки: «Из сакских озер соль в основном шла в Анатолию, из феодосийских же — на Кавказ и в окрестности Азовского моря, а из перекопских — в Литву, Малороссию и дальше. В Малороссию вывозили соль сами казаки. Татары продавали ее не на вес, а фурами, что вынуждало казаков хитрить, нагружая до такой степени, что сдвинуть фуру с места можно было не иначе как десятью парами сильных волов, а потом уже, за таможенной чертой, ее разгружали» [58, с. 214].

Пользовалось спросом и крымское животноводство. Оно играло большую роль в хозяйстве крымских татар, особенно в северных частях полуострова. Согласно сведениям путешественников, в Крыму в XV веке была выведена особая порода овец, чей жир высоко ценился. Упомянутый выше Барбаро выражал свое удивление по поводу этой породы, очевидно курдючной овцы: «... огромнейшие бараны на высоких ногах, с длинной шерстью и с такими хвостами, что некоторые весят по 12 фунтов каждый. Я видел подобных баранов, которые тащили за собой колесо, а к нему был привязан их хвост. Салом из этих хвостов [крымские татары] заправляют свою пищу; оно служит им вместо масла и не застывает во рту» [12, с.149].

Кроме овец в степной части ханства был распространен крупный рогатый скот и птица.

Нельзя обойти вниманием крымских двугорбых верблюдов, которые весьма ценились благодаря своей породистости. Один такой верблюд стоил 25 дукатов.

Благодаря животноводству производились в полной мере и другие продукты продовольствия, обеспечивавшие в первую очередь население Крымского ханства, не знавшего нужды ни в мясе, ни в сырах, ни в масле, ни в кожевенном сырье, шкурах, шерсти, пухе и многом другом.

Хорошо продавалась речная и черноморская рыба. Если верить историку Феоктисту Хартахаю, то, по его словам, татары не очень любили рыбу, и она шла на экспорт. Перед этим ее сушили, вялили, солили. Особо ценилась на европейском рынке икра, именуемая «кавьяр».

А вот местные текстильные мануфактуры не могли похвастаться особым спросом, в том числе не так высоко ценился и шелк, изготовленный из местного сырья. Сохранились свидетельства о том, что на продажу шли такие ткани, как куфтерь (вид камки, чаще всего с крупным узором) и тафта.

В Крымском ханстве выращивались великолепные сорта винограда. До нас дошли сведения о таких сортах, как мавро-кара, резаки, халкие, тыртыр, кишмиш, хуш-юзум, тана-гоз, ламбат-юзум, хатын-пармак, аградья и другие.

Плодородная крымская почва приносила большой урожай винограда, из которого делали сок, вино и сухофрукты. Пейсонель упоминает, что уникальные крымские вина считались элитными даже в производящих собственных вина странах Южной Европы. Известно, что крымское вино шло на экспорт в Московию, а позже — в Россию.

С давних времен пользовался известностью крымский южно-бережный табак. Изначально табак выращивался только для нужд крымского населения, но к XVII веку, когда он стал пользоваться популярностью, его посевы возросли, постепенно улучшилось качество семян, некоторые из которых доставлялись из Стамбула и других азиатских провинций Османской империи. Лучшие сорта требовали тщательного ухода. Даже в наиболее труднодоступных местах к табачным плантациям были проведены кяризы и устраивались хаузы. Собирали поспевшие листья только в определенное время суток, по специальной технологии. Крымский душистый табак экспортировался в Европу, и надо заметить, что высшие сорта

имели большой успех. К тому же он был значительно дешевле табака, привозимого с американского континента. Табачная промышленность приносила большие доходы в ханскую казну.

Экспортировались из Крымского ханства такие товары, как кожа, чрезвычайно ценившаяся в Средиземноморье, овечья шерсть, сафьян, серые и черные смушки. Об этом свидетельствуют нотариальные акты XV века. Выфсоко ценился мед крымских серых пчел из деревни Османчик, считавшийся лучшим во всем Крыму. Он доставлялся не только ко двору крымского хана, но и к столу османского султана. Из меда делали сладости, использовали в медицине, применяли в косметике, а воска хватало для четырех крупных крымских свечных заводов. Из внутренних областей полуострова поступали яблоки, инжир, чеснок и лук, фасоль и даже неизвестный пока Европе рис.

Нельзя обойти вниманием ремесло, получившее широкое распространение в предгорье, горных и прибрежных деревнях и городах. Со временем ремесленное производство приняло форму замкнутых цеховых организаций, которые нормировали условия труда и сбыта и с успехом защищали свои интересы от притязаний. К числу наиболее развитых видов производства принадлежала выделка кожи и обработка металла, главным образом, холодного и огнестрельного оружия.

Что касается крымского ввоза, то он был не менее значимым. Полуостров являлся важнейшим центром всего Причерноморья, через который поставлялись товары из прилегавших к нему регионов. Известен основной ассортимент ввоза через порты Восточного Крыма. Так, турецкий историк Халил Инальчик перечисляет, что транзитом через Кефе шли анатолийский хлопок, средиземноморские маслины, оливковое масло, бобы, рожь, уксус и корабельные мачты. Далее эти товары направлялись в крымские города, в Поволжье, Польшу и Московию.

Конечно же, достижения крымской экономики — это заслуга местного, коренного населения. Хотелось бы заметить, что крымские татары занимались как животноводством, земледелием, садоводством, виноградарством, рыболовством, так и работали в различных добывающих и обрабатывающих отраслях, вели активную торговлю. Крымское ханство процветало, обеспечивая свое население всем необходимым как местного производства, так и заграничными товарами.

Таким образом, экономическая основа для расцвета крымскотатарской культуры была создана самими же крымскими татарами.

ТОРГОВЛЯ В КРЫМСКОМ ХАНСТВЕ

Базар. Христиан Гейслер. 1804

К моменту возникновения независимого государства – Крымского ханства на его территориях уже сложились и постепенно развивались торговые пути, по которым двигались из страны в страну товары, приезжали заморские купцы. Торговые пути связывали десятки государств и народов. Получила развитие и денежная система.

С первых лет образования Крымского ханства торговля, как значительный источник налоговых поступлений в бюджет страны, играла одну из важнейших ролей в жизни его граждан. Однако как ни парадоксально, а именно в ханский период среди крымских татар почти не было купцов и коммерсантов. Встречались лишь редкие исключения. Источники донесли имена нескольких кафинцев, живших в конце XIII столетия и занимавшихся коммерцией — это купцы Осман, Ибрагим, Сададдини и Ак-Косю.

Что касается торговли, то здесь дело все обстояло совершенно иначе. Дело в том, что жители ханства продавали исключительно свою продукцию, будь то продукты питания или изделия ремесленных корпораций, тем более что большинство мастерских одновременно были и лавками. Так что в этом деле им не требовались посредники. Торговля находилась в руках местных жителей, а товары славилась качеством и дешевизной.

О крымской продукции нередко писали иностранцы, побывавшие в Крыму. Так, Николаас Витсен, голландский политик, предприниматель и одновременно картограф, посетив в конце XVII века Кефе, оставил любопытные описания как самого города, так и его базара: «Я не знаю, есть ли в мире другой город, где жизненные припасы были бы лучше и стоили дешевле, чем в Кефе. Баранина обладает здесь отменным, превосходным вкусом, а стоит 4 пеннинга за полкило. Другие виды мяса, хлеб, фрукты, птица и сливочное масло стоят еще дешевле. Можно сказать, их тут задаром отдают... О торговых оборотах говорит один факт: за 14 дней, что я здесь пробыл, в гавань пришло и ушло более 400 судов, не считая маломерных, которые курсируют вдоль берегов... На первом месте из товаров здесь стоит азовская соленая рыба и икра, которыми снабжается вся Европа... После рыбы идет зерно, сливочное масло, соль. Этот город снабжает Стамбул и ряд более мелких городов. Турки предпочитают всем иным кефинский сорт сливочного масла...» [23, с. 114].

Многие путешественники отмечали, что в Кефе, как впрочем, и в других крупных центрах ханства, базары и лавки работали ежедневно, что собственно и притягивало сюда больше иностранных купцов и негоциантов, так как в других местах рынки и базары функционировали только по пятницам.

Более того, в таких торговых центрах, как Эски Къырым и Карасубазар, связанных со старинными караванными путями, наряду с розничной торговлей процветала и оптовая. Сюда съезжались как местные производители, так и иностранные купцы с инозем-

ным товаром. Останавливались они в удобных ханах — гостиницах, выстроенных специально для этих целей. Как правило, крымские торговцы и приезжие коммерсанты могли здесь снять просторное складское помещение и сразу несколько жилых комнат, где размещали наиболее дорогостоящий товар. А так как гостиницы находились вблизи базара, то было заведено, что сюда приходили и покупатели. А иногда прямо на постоялом дворе происходил обмен продукции между местными производителями и приезжими купцами. Последние знакомились с образцами товара, приценивались, торговались и, если все устраивало, заключали сделки. Дошедшие до нас нотариальные акты, заключенные еще в первые годы образования Крымского ханства, свидетельствуют, что из Эски Къырыма купцы вывозили в портовый город Кефе шелк-сырец трех сортов, кожу, меха, пряности, дорогие ткани, красители, изделия из золота и серебра и многое другое. А уже оттуда товар шел в Европу.

Как правило, большая часть товара была местного производства. Так, например, кожа, ценившаяся во всем средиземноморском регионе, в основном доставлялась в Эски Къырым и Карасубазар из ногайских степей. Благодаря нотариальным документам сохранились сведения, что средняя партия кожи, вывозимая уже из Кефе в Геную, состояла из двухсот штук. Не меньшим спросом пользовались уже готовые изделия из кожи, например, седла и обувь из цветного сафьяна. А вот меха, в основном горностаи и белка, доставляемые в Крым из соседней Московии, и местный каракуль везли в Кефе, где находилась целая улица со скорняжными мастерскими. Здесь шкурки подвергались обработке и только после этого отправлялись на иностранные рынки.

Шли крымские товары и на восток, в основном, на Кавказ. Так, черкесы-адыги закупали в Крыму ткани, изделия из кожи, женские украшения, посуду, оружие и многое другое. В Османскую империю из Крыма шли ремесленные изделия, пшеница, мясо, масло, кожи, воск, табак, мука всех сортов, шерсть, войлок, земляное мыло — кил, таманская икра, пряжа, хлопок, мед, керченская нефть и сафьян. На север, в основном в Запорожье, шли соль, вино, шерсть, овчина, сафьян, шелковые ткани, обувь, шкуры, оружие и другие ремесленные изделия.

Вне конкуренции долгое время были изделия крымскотатарских ремесленников, зарекомендовавших себя высоким качеством и мастерством. Расцвет крымскотатарского ремесла пришелся на XV—XVII века. Следует отметить, что именно в это время соседняя

Османская империя переживала упадок своего ремесла, а крымские производители пользовались спросом и ценились за настоящее мастерство и искусство в кузнечном, гончарном, ткацком, прядильном, шорном, сапожном, кожевенном, ювелирном, оружейном и многом другом деле. Товары крымских мастеров, а также продукты сельского хозяйства и животноводства, вывозившиеся из ханства в одну лишь Османскую империю, представляли собой довольно внушительный список.

Важной составной в крымской торговле являлись водные и сухопутные перевозки. Другими словами, торговля делала необходимым развитие транспортной отрасли, обслуживающей в первую очередь местное население. Основной транспорт в ханстве был сухопутный. Арбы и мажары, обладающие специфическими крымскими чертами, меняющимися и совершенствовавшимися из года в год, изготавливались из поколения в поколение мастерами из Буюк-Озенбаша, Коккоз и Бахчисарая. Качеством и легкостью славились здешние повозки и всевозможные принадлежности к ним. Груженные товарами транспортные средства отправлялись на базары Кефе, Эски-Къырыма, Карасубазара и Бахчисарая.

Понятно, что арбы, прекрасное средство передвижения в горной местности, не обладали и не могли обладать значительной грузоподъемностью или вместимостью — иначе была бы утрачена их поворотливость, что прежде всего необходимо на узких и извилистых горных дорогах и лесных проезжих тропях. Другое дело мажары, использовавшиеся в предгорьях и, главным образом, на степных просторах. Здесь в основу конструкции были положены именно вместимость и грузоподъемность. Тягловой силой была парная верблюжья упряжка, которая могла везти груз поистине неограниченной массы.

Распространено заблуждение, что торговое мореплавание в Крыму было уделом исключительно греков или прибывающих сюда иностранцев. На самом деле крымские татары активно занимались не только перевозками на судах, но и строительством их. В Гурзуфе, в Партените и Кучук-Узене строили суда: небольшие шхуны, рыбацьи баркасы, на которых совершали регулярные перевозки в порты Османской империи и Кавказа. Кучук-ламбатские и партенитские судовладельцы — крымские татары занимались каботажными перевозками, грузовыми и даже пассажирскими.

Накануне аннексии крымскотатарская торговля по морю достигла своего расцвета. Английский специалист по международным

перевозкам, посетивший в эти годы Крым, отметил, что из Кефе торговые суда постоянно ходят в «Стамбул, Трапезунд, Синоп, Амасию, Гераклею, Самсун, Абазу, Бургас и Варну, в другие районы Анатолии и Румелии» [14, с. 328]. При этом только ханам принадлежало в различные годы от 800 до 1 000 судов, сравнительно небольших, средней грузоподъемностью «в 150 тонн или вместимостью в 1 200 четвертей зерна» [14, с. 326]. Не говоря уже о перевозках из Кезлева и Керчи. Последняя, имея удобную гавань, использовалась для зимнего перестоя торговых судов — как крымскотатарских, так и других судовладельцев, имевших собственность в Крыму.

Конечно же, торговцы Крыма облагались налогами. Из документов времен Менгли Гирая II известно, что в первой четверти XVIII века торговые подати и пошлины на своих территориях взымали беи, часть этих доходов они оставляли себе, а часть денег поступала в ханскую казну. Так, согласно ханскому указу этого периода, направленного бею Яшлавскому, видно, что последний должен был взыскивать с каждой телеги фруктов, отправляемых на продажу, не более 4 акче, а вот с каждой бочки вина по 15 акче. Примечательно, что в ханстве с ремесленников различных отраслей, продававших свой товар, пошлина бралась одинаково со всех подданных, без разделения по их религиозному или национальному признакам.

Торговля процветала и обогащала как государственную казну, так и местное население, не испытывающее нужды и лишений.

Существенно перестроенные помещения в Ханском дворце у Бахче-Капы (Садовых ворот), где жили капы-кулу

*К*рымское ханство во все времена обладало мощным военным потенциалом, но как это ни парадоксально, а регулярного войска оно не имело. Вольные сыны степей и гор обладали уникальным свойством при необходимости довольно быстро мобилизоваться и привести в боевую готовность свои ряды. Основной силой крымского войска являлась конница – быстрая, маневренная, обладавшая многовековым опытом. В степи каждый мужчина был воином, отличным наездником и стрелком из лука. Редки были те битвы, в которых крымскотатарские аскеры терпели фиаско. А секрет заключался в том, что с малых лет крымские татары приучали своих сыновей ко всем тяготам и невзгодам военного быта, учили владеть оружием, ездить верхом, переносить холод и быть неприхотливым в еде. Выработывали выносливость, ловкость, смелость. Крымские аскеры не знали, что такое казармы и ежедневные тренировки. Однако и здесь не обошлось без исключения.

В середине XVI века в Крымском ханстве существовала самостоятельная привилегированная гвардия, в обязанности которой входило охранять и защищать главу государства. Первым инициировал ее создание крымский хан Сахиб Гирай I, которого смело можно назвать одним из видных реформаторов своего времени. Известно, что этому прогрессивному хану удалось ввести существенные изменения в работу государственно-административного аппарата, а также официально закрепить на землях ханства кочевавших ногайцев. По его приказу кочевникам переломали арбы и от имени хана каждому роду дали земли, закрепив их официально ханским ярлыком на владение и заверив красными и голубыми печатями, называемыми умдет-уль-ахбар.

Ко времени своего вступления на крымский престол будущий крымский хан некоторое время проживал при дворе своего родственника султана Сулеймана I Кануни. Именно здесь он оценил преимущество османских янычар и позже, утвердившись на крымском престоле, создал в противовес крымскотатарскому ополчению при своем дворе регулярную гвардию, получившую название капы-кулу либо другой вариант капы-халки, что в переводе с тюркского дословно означает «раб дверей» или «дворцовая стража». Если янычары составляли основу войска в Османской империи, то первоначальная численность капы-кулу составляла около тысячи человек. В этот высший военный штат входили только избранные воины, пользующиеся ханским доверием.

Отныне привилегированная армия была обязана нести службу при дворце. С первых же дней на содержание капы-кулу султанская казна выделила средства в размере восьмидесяти кисетов золота, которые выплачивались Крыму вплоть до падения ханства.

Уже в период правления Сахиба Гирая капу-кулу активно использовали мушкеты и пушки, что повлекло за собой изменение в традиционной крымской тактике. Это было решающим фактором в военных успехах хана, и на капы-кулу всегда полагались в критические моменты.

Чуть позже, когда институт капу-кулу утвердился окончательно, к личной ханской гвардии подошли с еще большей серьезностью. Новое поколение стали формировать из воинственных черкесов, подвластных ханству. На примере янычар тщательно отбирались подростки в возрасте двенадцати — четырнадцати лет. Избранные именовались аджеми огланы (буквально «чужеземные мальчики»), и им предстояло несколько лет под руководством ветеранов гото-

виться к придворной службе. Помимо обязательного военного искусства, аджами огланов обучали письму, чтению, праву, теологии, литературе и языку. За занятиями постоянно наблюдали и выделяли достойных. По окончании обучения будущие ханские гвардейцы переходили в так называемый ранг чикма (дословно «вышедшие»). Они распределялись по частям и несли службу как во дворце, так и за его пределами. И только проявившие себя выпускники через некоторое время получали право именоваться капы-кулу, а некоторым выпадала честь нести караул в святая святых — ханских покоях.

Следует отметить, что гвардейцы подчинялась исключительно крымскому хану и зачастую действовали наперекор местной военной аристократии. Так, например, в «Книге походов» Къырымлы Хаджи Мехмед Сенаи упоминает о следующем инциденте: «По воле всевышнего между отрядом крымских эмиров, до этого посланным в Москву, и отрядом кавалерийского корпуса, называемым капы-кулу, снова случилось противостояние, и во время ссоры по ошибке был убит один из известных служителей хана по имени Шах Кулы, и по этой причине между корпусом сипахи и эмирами возникла вражда» [89, с. 53].

Создание отряда капы-кулу было лишь частью программы Сахиба Гирая в борьбе с родовой знатью. Позже и остальные ханы опирались на своих капы-кулу в конфликтах с крымской элитой, не раз выставляя отряд верных гвардейцев против бейских войск. Численность капы-кулу при последующих ханах менялась. Например, при Бора Гази Гирае II их было всего 500 человек, а при Джанибеке Гирае количество возросло до 1000 воинов. В XVII веке османский путешественник Эвлия Челеби упоминает о наличии капы-кулу у Мухаммеда Гирая IV и указывает цифру в 2000 тысяч гвардейцев.

В XVII веке местная аристократия добилась, чтобы и их младшие отпрыски служили в элитной гвардии. Сначала они составляли меньшинство, но уже к началу следующего века общее количество крымских татар и черкесов сравнялось. А с середины XVIII века гвардейские полки состояли преимущественно из буджакских ногайцев.

Как в любом другом войске, и капы-кулу имели свою структуру. Они подразделялось на пехоту и всадников. Последние — сипахи — делились на два рода: улуфели-сипахи — придворные воины, состоящие на государственном жаловании, выплачиваемом из крымской или османской казны, и тимарлы-сипахи — воины, владевшие наделом земли, обеспечивающие себя за счет землевладения, которое

давалось им государством в пользование с условием верной службы хану.

Главой капы-кулу являлся полковник дворцовой стражи — башебулукбаша. Кроме перечисленных отрядов, у гвардейцев были свои лекари, гонцы, оруженосцы, музыканты, принимавшие наравне с капы-кулу участие во всех военных кампаниях. А военные музыканты из капы-кулу барабанным боем задавали ритм движения всему крымскотатарскому войску и руководили передвижением различных отрядов. Благодаря сохранившемуся ханскому ярлыку Бора Гази Гирая о ежегодном налоге в двенадцать тысяч баранов на содержание неких тюфенкджи стало известно, что ханы содержали помимо своих верных гвардейцев еще 500 стрелков-ружейников, именуемых тюфенкджи. В источниках также упоминается и о готской пехоте, состоящей при главе государства численностью более 800 человек. В мирное время ханские гвардейцы проживали при дворе в бахчисарайском дворце на положении хан-кулу — ханских телохранителей. Их покои находились слева от главного входа Дарбехане-Капы, по соседству с мечетью, на втором этаже, а также у Бахче-Капы, то есть у Садовых ворот. Но, к сожалению, они в XIX веке были существенно перестроены и навсегда утратили свою оригинальность. Во время военных походов верные гвардейцы сопровождали своих правителей и считались лучшими воинами. Примечательно, что из этой военной прослойки со временем выделились знатные дворянские фамилии. Как упоминает в своих «Записках о Малой Татарии» французский консул Шарль Пейсонель, побывавший в Крымском ханстве в 1755 году, из среды капы-кулу вышли династии Авлан, Узме, Кайа, Собла и другие.

Крымскотатарский лучник

Мощь и слава крымскотатарской конницы были неотъемлемой частью величия государства Гираев. Но как ни странно, на протяжении большего времени своей истории Крымское ханство не имело регулярной армии. Здесь преобладала мобилизация ополчения. Другими словами, Гираи могли в считанные дни собрать под свои знамена десятки тысяч воинов. В условиях XV–XVII веков это было вполне целесообразно, так как на содержание постоянного войска из государственной казны не тратились средства. Исключением была только элитная ханская гвардия капы-кулу.

Военное дело Крымского ханства тем и интересно, что отсутствие постоянного войска ничуть не отражалось на боеспособности крымских аскеров. Напротив, за всю историю крымскотатарского государства было выиграно гораздо больше битв, чем проиграно. Это говорит о том, что ополченцы шли в поход уже обученными. Иначе говоря, они составляли государственный резерв вооруженных сил, который созывался только на время войны. Причем их не нужно было снабжать ни конями, ни амуницией, ни боеприпасами, ни провиантом. Каждый из явившихся на сборный пункт имел трехмесячный запас сухой пищи, называемой азык, или захире.

Каждый раз, когда речь заходит о численном составе крымскотатарского войска, у историков возникают споры. Одни утверждают, что ханство не имело возможности выставить 100-тысячное войско, другие же, напротив, считают, что это вполне реальная цифра, представляющая воинов. Именно воинов, так как в походе армию обязательно сопровождали муллы, слуги, повара, лекари, дервиши, конюшие, кузнецы и другие, не говоря уже о свите хана и его сановников. Порой в таком составе, по подсчетам историографа Рамала Ходжи, в военной кампании могло принять участие до 250 000 тысяч человек.

О численном составе общего крымскотатарского войска в конце XVI века сообщал находившийся в Московии английский дипломат Джильс Флетчер. Он писал: «Когда идет войною сам Великий или Крымский хан, то ведет он с собою огромную армию в 100 000 или 200 000 человек, а отдельные мурзы имеют орды, состоящие из 10, 20 или 40 тысяч человек» [107, с. 53].

Чуть позже французский инженер Гийом де Боплан, строивший крепости в пограничных с ханством польских владениях, отмечал, что если в походе участвует сам крымский хан, то общая численность войска достигает 80 тыс. человек. Но если войско ведет кто-либо из мурз, то армия насчитывает не более 40 или 50 тыс. человек.

Известный барон Франсуа де Тотт цитирует в своих мемуарах слова, сказанные ему ханом Крымом Гираем, вступившим в военные действия с Россией в 1768 году: «Скажу вам, армия будет огромная. Вы пойдете со мной; я же во главе стотысячной армии выступлю прямо в Новую Сербию. Две другие армии, в сорок и в шестьдесят тысяч, должны одновременно продвинуться одна — к малому Дону (Донцу?), другая — по левому берегу Борисфена (Днепра) через Орель» [43, с. 176].

Однако здесь следует заметить, что одни современники-европейцы имели в виду основной костяк войска хана и называли меньшие цифры, а другие учитывали дополнительное «пополнение» из ногайских земель и некоторых подвластных ханству удельных княжеств Черкесии, которые присоединялись к хану во время больших походов.

Таким образом, учитывая неизменную территорию Крымского ханства и в общем стабильную численность населения, можно утверждать, что численность крымскотатарского войска во время

совершения походов составляла не менее 40—50 тысяч воинов. В случае большого похода, возглавляемого самим крымским ханом, численность войска возрастала до 100 тысяч человек.

Походы же, возглавляемые принцами и мурзами, проводились меньшими силами. Очевидно, объединенное войско нескольких мурз, без участия самого хана, насчитывало 15—20 тысяч всадников.

Все военные кампании, в которых принимали участие крымские татары, рассматривались на заседаниях ханского дивана — государственного Совета. Помимо самого хана, калги, нур-эд-дина и визиря обязательным было присутствие представителей влиятельных аристократических фамилий. Особое и почетное место занимали Ширинские беи. В случае одобрения и обсуждения всех нюансов — от расстановки сил до провизии — начиналась мобилизация сил.

Часть этой процедуры возлагалась на принцев из династии Гиравей и мурз, владевших землями. Именно они посылали гонцов огласить на базарных площадях всех городов и селений указ хана о том, чтобы все, кто расположен к военным действиям, готовился выступить с ханом. Сразу же указывались сроки подготовки и место сбора. Как правило, это была местность у Ор-Капы или на полуострове Кыл Бурун (Кинбурнская коса), напротив крепости Озю (Очаков).

На подготовку давалось время от 1 до 2—3-х месяцев. Но были случаи, когда собирали армию и за несколько дней. Так, например, в 1501 году был назначен срок в пятнадцать дней.

За это время каждый воин должен был привести с собою трех коней и иметь свое вооружение; на 5 человек полагалась общая телега. Юношей младше шестнадцати лет на войну не брали. Этот закон бы принят на одном из заседаний дивана. Но уже на следующий год Менгли Гирай хан принял решение дать два месяца на подготовку к военному выступлению и предписал на каждых пять человек брать двух волов на пропитание.

Основная часть крымской армии формировалась из легкой конницы и малочисленной пехоты народного ополчения.

Поскольку часто военные действия велись на нескольких направлениях одновременно, главнокомандующими назначались сыновья или братья хана. Сам хан стоял во главе самого многочисленного войска, численность которого зачастую насчитывала около 100 тысяч крымскотатарских аскеров. Такое войско именовалось «сефери».

Беи имели право возглавлять войско до 50 тысяч человек; называлось оно «чапуле». Что касается мурз, то им предписывалось стоять во главе до 3 тысяч воинов, называемых «беш баш». «Беш баш» представляли собой исключительно легкую конницу, способную к быстрым маневрам; другими словами, создавалась наиболее выгодная по отношению к противнику расстановка сил на театре военных действий для нанесения ему поражения. Почти у каждого владетельного бея и мурзы были свои воины. Могущественный род Ширинов выставлял до 300 мурз, которые, в свою очередь, имели своих «беш баш» в полном вооружении. Зачастую с Ширинами объединяли свои войска беи из рода Барын. Они выставляли до 10 тысяч воинов. С нур-эд-дином выступали беи из рода Мансур, которые могли привести до 20 тысяч воинов в полном вооружении.

После того, как основные силы были собраны, проводился совет всех беев и назначался главнокомандующий армией. Войско выстраивалось по двенадцать лошадиных голов в ряд, другими словами, воины образовывали строй в двенадцать колонн. Впереди войска становились в качестве ведущих двенадцать от-агъ. От-агъа являлся начальником каждой из двенадцати колонн конницы, идущей в бой под руководством хана.

Первый наследник в ханстве — калга мог вести восемь колонн (около 50 тыс. человек); второй наследник — нур-эд-дин — шесть колонн (до 40 тыс. чел.); визирь со своим войском — 5 колонн (до 30 тыс. чел.); беи и мурзы — 4 колонны (до 10 тыс. чел.).

Как правило, впереди войска посылались небольшие отряды, задача которых состояла в сборе информации о состоянии и направленности дорог, о передвижении врага и поиске проводников из местного населения.

В походы старались выступать весной, когда земля была еще покрыта травой. Наличие подножного корма упрощало задачу для продвижения большого количества лошадей. Войско продвигалось довольно быстро благодаря тому, что каждый воин брал с собою как минимум двух—трех лошадей низкорослой, выносливой породы. Дело в том, что всадник, не останавливаясь, умел перескочить из седла одной лошади в седло другой и продолжать свой путь. В крупном военном походе приблизительно 80 тысяч всадников вели за собою около 250 тысяч лошадей. Это зачастую сеяло панику у противников, которые судили о численности крымскотатарского войска по количеству конских следов.

Боевой порядок войска состоял из трех главных частей: центра

под руководством хана, правого крыла — под командованием калги и левого — под предводительством нур-эд-дина. У каждой части боевого порядка был свой передовой отряд — авангард. Боевой порядок обладал значительной ударной силой и был довольно устойчив. О начале наступления извещал определенный ритм барабанного боя.

Вопреки распространенному убеждению, сила крымских татар была скорее не в их многочисленности, а в тактике. Существовали определенные тактические приемы, применяемые крымскими аскерами. В начале атаки они старались всегда обойти левый фланг армии неприятеля для того, чтобы удобнее выпускать стрелы. Можно выделить высокое мастерство стрельбы из лука сразу двумя и даже тремя стрелами. Часто в случае превосходства противника крымскотатарская конница обращалась в притворное бегство. Во время погони в большинстве случаев у противника нарушался строй, а крымские татары продолжали отступать и на ходу обстреливали не защищенного щитами противника. В самый неожиданный момент они останавливались, вновь смыкали свои ряды и, таким образом, уже почти побежденные, выбивали победу из рук победителей.

Еще об одном тактическом приеме крымской конницы упоминал австрийский дипломат, барон Сигизмунд фон Герберштейн: «Когда им приходится сражаться на открытой равнине, а враги находятся от них на расстоянии полета стрелы, то они вступают в бой не в строю, а изгибают войско и носятся по кругу, чтобы тем вернее и удобное стрелять во врага. Таким образом, среди наступающих и отступающих соблюдается удивительный порядок. Правда, для этого у них есть опытные в этих делах вожатые, за которыми они следуют. Такой способ боя из-за сходства называют «пляской». Московиты говорили, что «они заводят пляску». Командир или вожатый приближается со своим отрядом к вражескому войску и, пустив стрелы, отъезжает; за ними — другой отряд и таким образом — один отряд за другим, пока первый снова вернется вслед за последним» [28, с. 175]. Именно в этой позиции применялись специфические крымскотатарские стрелы с большими наконечниками. Таким образом, можно установить, что крымскотатарский полевой бой, особенно до появления огнестрельного оружия, разделялся на два основных приема: бой на далекой дистанции — при помощи лука и стрел — и бой древковым и клинковым оружием, который включал в себя использование сабли. У некоторых были копья, палица из хорошего железа или секира с длинной ручкой.

Сражения признавали только в открытом поле. Несмотря на то, что осада крепостей не так часто применялась, но, тем не менее, история знает и успехи аскеров при осаде.

Что касается вооружения, то в первую очередь стоит упомянуть о луке и холодном оружии, которое славилось далеко за пределами Крымского ханства.

Изначально каждый воин имел при себе «саадак» — лук и набор стрел различного назначения. Лук выбирался по силам, по росту и длине рук. Сложный лук с натянутой тетивой напоминает букву «М» с плавными перегибами. Такой лук стрелял на расстоянии от 400 до 600 метров.

Как правило, конные лучники использовали более короткие луки, а пешие — более длинные. Луки конных воинов ханства достигали 180 см. в длину. Длина стрелы колебалась от 65 до 73 см. Вместимость татарских колчанов достигала 30 стрел. Стрела должна была обладать прочностью и легкостью. Пользовалась популярностью и праща — ручное метательное оружие. Оно состояло из ремня, сделанного из кожи и шерсти, в него закладывался камень. При метании пращу вращали над головой и потом освобождали один конец, давая полет камню. Такое оружие было применено и во время знаменитой Грюнвальдской битвы наравне с арканами.

Что касается холодного оружия, то первенство занимали меч и сабля. В отличие от меча сабля имела больше преимуществ, она была значительно меньше и легче, ее удар был более эффективным, особенно для сидящего верхом на коне. Наличие ятагана упоминается в основном при описании стражи дворца ханов — капы-кулу.

А вот кинжал с коротким клинком всегда носили при себе. Много клинков имели надписи, выполненные арабской вязью, содержали имена мастеров, владельцев, дату и место изготовления, клеймо, иногда цитаты из Корана. Согласно верованиям, эти надписи помогали хозяину оружия в бою.

В отличие от мечей и сабель копьё принадлежали к более пространенному оружию. Длина древка могла достигать трех метров.

Известно, что в сражениях применялся и боевой топор, который причислялся к оружию пешего война. В отличие от пехоты у всадника употребление всякого рода топориков было ограниченным. Это оружие пускали в ход во время боя, превращавшегося в тесную схватку отдельных групп, когда длинное древковое оружие мешало борьбе, например, секира с двумя лезвиями (эки акъызлы балта).

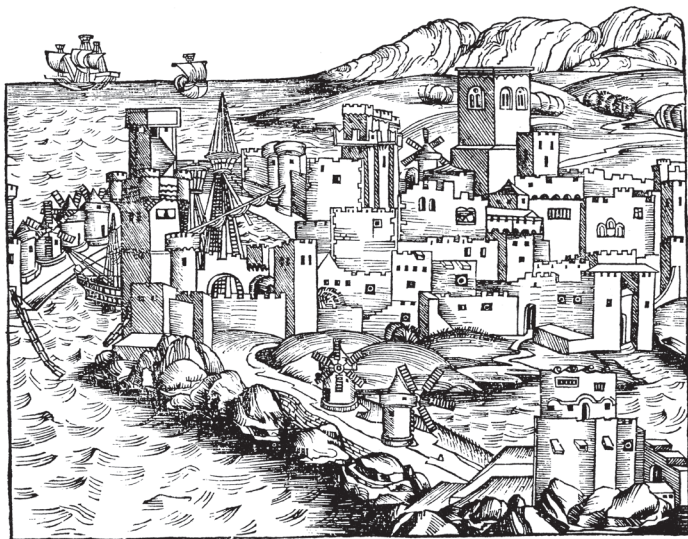
В конце XVI века в Крымском ханстве распространилось огнестрельное оружие. В частности, это были карабины, которые изготавливались в столице ханства — Бахчисарае. Один карабин ценился от 15 до 200 пиастров, тогда как хорошая лошадь стоила 30 пиастров. В XVIII веке, по свидетельству французского консула Шарля де Пейсонеля, только в Бахчисарае было 20 оружейных мастерских по производству карабинов, а в Кефе — десять пороховых заводов (барут хане).

Важно отметить, что на протяжении всей военной истории Крымского ханства военачальники оставались верны старым тюркским традициям, а если и привносили некоторые изменения, то они были почти незначительными.

Отношение к воинскому долгу вырабатывалось с детских лет. Важными были дисциплина и физическая подготовка. И, конечно же, одну из главных ролей в подготовке воинов играло древнетюркское боевое искусство кара каплан, сохранившееся в Крыму. Это искусство включало в себя такие понятия, как «уверенность в себе, в своих действиях, храбрость, взаимную поддержку, презрение к смерти». Другими словами, практически вся мужская часть населения ханства находилась в прекрасной спортивной форме и обладала высоким воинским духом.

РОДОС – ОСТРОВ ПОЧЕТНОЙ ССЫЛКИ КРЫМСКИХ ХАНОВ

Остров Родос, гравюра неизвестного мастера

Родос – остров, овеянный мифами и легендами, согретый солнечным теплом. В него нельзя не влюбиться! Здесь мирно соседствуют архитектурные памятники античности и средневековья, напоминая о бурных событиях прошлых эпох.

Наверное, сегодня с трудом можно представить этот удивительный по своей красоте остров местом почетной ссылки знатных особ. А между тем в его истории был и такой период. С начала XVII века на Родосе вынужденно проживали многие представители дома Гираев. Кто-то пробыл здесь несколько лет, а кто-то обрел здесь вечный покой.

В истории Крымского ханства бегло упоминается тот факт, что некоторые крымские ханы по той или иной причине оказывались в опале у османского султана как халифа и отправлялись в далекое путешествие на остров Родос в Средиземное море. В представлении о суровых XVII—XVIII веках остров является сущей тюрьмой для целой плеяды крымских ханов. Но что, в сущности, представлял собой Родос: большую темницу или все же в некотором роде почетную ссылку? Судя по историческому значению и развитию Родоса как одного из центров эгейской культуры, можно склониться к тому, что крымские ханы не страдали от тягот и лишений на этом острове. Место ссылки, надо заметить, было весьма романтичным.

Остров расположился на перекрестке трех материков: Европы, Азии и Африки — в самом оживленном средиземноморском архипелаге Южной Спорады, чем и привлекал к себе во все времена путешественников и завоевателей. Остров входил в состав Древней Греции, Римской империи, прошел период византийского господства, потом был захвачен сарацинами и крестоносцами. В 1522 году султан Сулейман Великолепный одержал победу над рыцарями Ордена госпитальеров и Родос вошел в состав Османской империи.

С этого времени остров из-за своей отдаленности от метрополии официально становится местом почетной ссылки самых высоких особ, будь то представителей Османской династии или государственных мужей. Спустя сто лет, в 1621 году, на остров вступил первый представитель крымской династии — мятежный калга Мухаммед Гирай, в скором будущем крымский хан. Его пребывание здесь длилось недолго. Через год при посредничестве своего друга османского визиря Мере Хусейна паши он был призван на ханский трон. Однако именно он первый из Гираев увидел здесь следы пребывания прежних культур — античный амфитеатр, руины храма Аполлона, руины дворца Магистров и наследие эпохи крестоносцев.

Предположительно вторым из крымской династии Родос увидел родной брат хана Мухаммеда Гирая, калга Шагин Гирай. Но спустя несколько лет из-за происков врагов его в самом расцвете сил настигла здесь насильственная смерть. На Родосе Шагина еще успел застать родственник, бывший хан Джанибек Гирай, прибывший сюда через три года после Шагина. По описанию историографов, Джанибек обладал тонкой натурой, писал стихи и прозу. Возможно, живописные ландшафты острова и лазурное море вдохновляли престарелого хана на творчество. Но, к сожалению, в свои семьдесят лет он недолго любовался красотами Родоса. Вскоре он умер и

был погребен на старом мусульманском кладбище Мурад реис.

На Родосе была ханская резиденция, расположенная предположительно в самом городе Родосе, в квартале Бурго, разделенном внутренней стеной с кварталом Коллакио, где проживали греки и располагались посольские дворцы Франции, Англии и Италии. В кварталах Бурго и Хора находились жилые дома турецкого населения острова, общественные здания, величественные мечети султана Сулеймана и султана Мустафы, медресе, мусульманская библиотека Хафиза Ахмед-паши с редкими манускриптами, турецкие банхамамы. Рядом с Бурго размещалось мусульманское кладбище Мурад реис, одноименная мечеть и османский гарнизон.

Итак, начиная с середины XVII века Родос с завидным постоянством стали посещать как смещенные с крымского престола ханы, так и другие отпрыски рода Гираев. Одни находили здесь вечное пристанище, другие — временное прибежище.

В 1644 году будущий визирь, а тогда еще влиятельный придворный вельможа при хане Мухаммеде Гирае IV — Сефер-Гази, недовольный политикой крымского правителя, начинает усердно хлопотать перед султаном-халифом об избрании в ханское достоинство Ислама Гирая, родного старшего брата Мухаммеда IV. Узнав об этом, крымский хан, в свою очередь, направил письмо султану, в котором говорилось, что его родственник Ислам Гирай подстрекает против него крымский народ. Видимо, это сообщение больше подействовало на султана, так как вскоре Ислам Гирай вместе с Сефер-Гази был сослан на Родос. Но ровно через сорок дней при посредничестве главного евнуха Дженджи Хусейна эфенди султан Ибрагим I призывает Ислама в Стамбул и торжественно жалует ему свое халифское благословение на ханский престол.

Прежде чем стать в 1666 году крымским ханом, полюбоваться красотами Родоса довелось и Адилю Гираю. Отправился он туда по настоянию своих родственников Гираев, не признававших с ним кровного родства. Однако судьба распорядилась несколько иначе. Он, как и его предшественник Ислам Гирай, прямо из почетной ссылки был призван на ханство в Бахчисарай.

Иначе сложилась судьба у другого крымского хана — Селима Гирая I. Он проживал на Родосе между своим первым и вторым правлением. После окончания польской компании хан ушел от дел и ненадолго обосновался в Кефе. В 1678 году он перебрался в Стамбул и вскоре по велению халифа на гребном судне вместе с семьей отбыл на Родос. В родосской резиденции бывший хан провел пять лет, по-

сле чего снова был приглашен в Бахчисарай на ханство.

Не успел Селим Гирай I покинуть Родос, как в этот же год сюда прибыл его двоюродный брат Хаджи Гирай II. Этому представителю династии больше не суждено было покинуть остров. Спустя пять лет, в возрасте сорока одного года, он умер и был погребен на кладбище Мурад реис. Через три года такая же участь постигла и родного брата Хаджи Гирая, Саадета Гирая II. Последний провел на Родосе 14 лет и в 1705 году был там же похоронен.

В 1692 и в 1702 годах на Родосе находились бывшие ханы Сафа Гирай и Девлет Гирай II — тогда еще будущий герой Прутского похода. В 1709 году Девлет Гирай II снова был избран на крымский трон и сразу же был вовлечен в водоворот войны с Россией, в которой одержал бы победу над царем Петром I у реки Прут, если бы не алчность османского визиря. Однако в 1713 году Девлету снова пришлось отправиться на золотые пески Родоса, откуда он через два года перебрался в свой родовой чифтлик в поселке Сарай-Визе, где и почил в бозе через два года.

Еще принцем наслаждаться мягким средиземноморским климатом Родоса пришлось будущему хану Газы Гираю III. Причиной послужило сближение амбициозного юноши с восставшими буджакскими ногайцами. Из ссылки его вернул отец Селим Гирай I, который снова пришел к власти в Бахчисарае. После смерти отца Гази несколько лет занимал ханский престол, а в 1707 году уступил его родному младшему брату Каплану Гираю. Но после неудачного похода в Кабарду и Каплану Гираю довелось увидеть знаменитый Родос.

Дело в том, что в родосскую резиденцию вслед за своими ханами-мужьями по желанию отправлялись и их жены. Так, один из младших сыновей хана Селима Гирая I Менгли Гирай родился во время ссылки отца на Родосе. Впоследствии при поддержке султана Ахмеда III Менгли вступил на ханский престол. Спустя шесть лет в Стамбуле вспыхнуло новое восстание янычар, султан Ахмед III был смещен, а его место занял султан Махмуд I. Новый султан, подстрекаемый придворным Халилом пашей, вскоре отстраняет от власти крымского хана, и Менгли Гирай отбыл в почетную ссылку.

Один из знаменитых крымских ханов Крым Гирай, сын хана Девлет Гирая II, в 1764 году тоже был вынужден посетить остров в Средиземноморье. Здесь энергичный экс-хан времени зря не терял. Он занимался своим самообразованием, совершенствовался во французском языке, изучал труды Монтескье. Однако его уединение было прервано в 1768 году, когда Османская империя объявила

войну России. Хан был приглашен в Стамбул и при поддержке султана Мустафы III возведен на ханский престол. Но очень скоро во время военного похода против России он был отравлен и погребен на ханском кладбище в Бахчисарае.

Последним пленником Родоса стал последний крымский хан Шагин Гирай.

Спустя несколько лет после смещения Шагина Гирая османский султан Абдулл-Хамид I дал разрешение бывшему крымскому хану поселиться в Румелии, в родовых владениях, принадлежавших Гираям. Но вместо обещанного имения в Эдирне уже в пути хану было прислано новое распоряжение султана направляться в прибрежный город Гелиболу, а оттуда на золотые пески Родоса, что означало ссылку. По прибытии на Родос Гирай вместо предложенного ему жилья в крепости поселился в простом доме в квартале Бурго, мотивируя тем, что ему тут гораздо удобнее. Откровенно перечить высокой особе никто не стал. Но как только стало известно в Стамбуле, что беспокойный Гирай сблизился с проживающими на острове европейцами и стал частым гостем во французском консульстве, приставленным к хану людям Абдулл-Хамида была дана четкая инструкция: найти повод и вынудить его перебраться в крепость, а после умертвить.

Но Шагин игнорировал все попытки турок изолировать его, тем более что он не был намерен здесь надолго задерживаться. Поверженный хан рассчитывал вопреки желанию османского султана-халифа самостоятельно покинуть Родос. К тому же хан имел своих сторонников и поддержку в лице ногайцев. Однако выполнить задуманное ему не удалось. Он попытался укрыться во французском консульстве, но турецкие солдаты, окружив здание, вынудили Шагина возвратиться, на этот раз в крепость, где вскоре удалось осуществить коварный план султана. Последний крымский хан был тайно удушен. Судно с Чакир-дагъ, которое должно было спасти Шагина Гирая, пришло слишком поздно...

По свидетельству историков, последний пленник Родоса из династии Гирав был похоронен на территории крепости, недалеко от турецких казарм. К сожалению, место его погребения навсегда утеряно.

Остров Родос, безусловно, выполнял роль места ссылки. Но проживавшие здесь опальные Гирайи никогда не были узниками и, несмотря на, казалось бы, дальнейшее расстояние, всегда держали связь с родиной и были в курсе всех событий, происходивших как в Стамбуле, так и в Бахчисарае.

ВЕЛИКИЙ ХАНСКИЙ ВИЗИРЬ СЕФЕР-ГАЗИ

Визирь Сефер-Гази

6 августа 1649 года после восхода солнца близ города-крепости Зборов в Зеленом Яру над рекой Стрыпой польский канцлер Ежи Оссолинский с тревогой ожидал появления крымского великого визиря Сефер-Гази. От этого человека зависела дальнейшая судьба Речи Посполитой.

Наконец Сефер-Гази появился. Он ехал верхом на своем любимом белом коне, был сдержан и спокоен, несмотря на то что и для него встреча с канцлером была решающей.

За Сефер-Гази шла слава мудрого и достойного государственного мужа. Он никогда не принимал необдуманных решений. Посчитав, что союз с поляками для ханства более выгоден, чем военная кампания в союзе с Хмельницким, открыто заигрывающим с русским царем, Сефер-Гази решил предотвратить возможный удар в спину со стороны казаков. Он вступил в переговоры с Оссолинским, заранее зная, что последний готов пойти на любые условия крымскотатарского правительства.

Сефер-Гази, современник не менее известного первого министра Франции кардинала Ришелье, добился высокого положения в ханстве исключительно благодаря своему таланту дипломата. Однако в отличие от своего французского коллеги, прославившегося хитростью и коварством, крымский визирь был человеком честным и умным. Именно так отзывались о нем современники. Великий визирь был любим народом, умел искусно улаживать конфликты между мурзами и пользовался их поддержкой. Хан Ислам Гирай III, в свою очередь, ценил своего первого министра, именно с ним в начале своей карьеры он разделил печаль ссылки и радость победы.

Сефер-Гази был выходцем из капы-кулу (личной ханской гвардии), сыном мужественного воина по имени Джан мурзы. Можно сказать, что вся его жизнь была неразрывно связана с Исламом Гираем. Возможно, по этой причине некоторые источники сообщают, что Сефер-Гази являлся атальком будущего хана. Но, несмотря на то, что это сегодня пока недоказуемый факт, наставником Ислама Сефер-Гази все же был. Свою карьеру он начал при султани (принце) Хусаме Гирае, служа у него мир-ахуром (шталмейстером). А позже добился назначения баш-аги к молодому калге при хане Бахадире Гирае, которым и был Ислам, недавно возвратившийся из польского плена.

В 1640 году крымский хан умер и на его место был избран его сводный брат Мухаммед Гирай IV. Ислам Гирай вместе со своим двором удалился в родовые владения в местечко Халич. Последовал за ним и Сефер-Гази. Однако уже через четыре года визирь бывшего калги стал хлопотать о его избрании ханом, — по его мнению, это было вполне справедливо. Ислам Гирай был старше своего сводного брата-хана, уже был у власти и познал тонкости государственного управления. К тому же Мухаммед Гирай еще со времен правления Джанибека Гирая восстановил против себя родных братьев убийством брата Азамата Гирая и не пользовался уважением и поддержкой в народе. По этой причине Сефер-Гази, не теряя зря времени и будучи от природы человеком практичным и умудренным житейским опытом, завел выгодные связи с влиятельной стамбульской верхушкой. Его ходатайства почти увенчались успехом, но верховный визирь Османской империи Джеван Мухаммед паша вынужден был приостановить дело, так как возникли непредвиденные обстоятельства, которые бросали тень на репутацию Ислама Гирая.

Дело в том, что хан Мухаммед Гирай, узнав о происках Сефер-Гази, послал в Порту жалобу, в которой обвинял бывшего калгу

Ислама Гирая в том, что тот сеет смуту в народе, присылая известия о том, что он не сегодня—завтра взойдет на ханский престол. Хан настоятельно советовал османскому султану удалить Ислама Гирая подальше от Крыма, иначе народ окончательно выйдет из повиновения и поднимет бунт. Просьба хана была удовлетворена, и султанским указом Ислам Гирай вместе с Сефер-Гази были сосланы на остров Родос.

Казалось, что сложившуюся ситуацию уже ничем нельзя было исправить, однако Сефер-Гази не отчаивался. Он прекрасно понимал, что ссылка не имеет законного основания и что всё это исключительно личные амбиции стоявших вблизи кормила власти интриганов. О кознях стамбульского двора ходили легенды, и Сефер-Гази сам вступил в эту игру. Он рассудил, что если одни стояли на стороне хана, то ничего не помешает другим взять сторону Ислама Гирая и если не удалось возвести его на трон через связи, то удастся возвести через подкуп. Оставалось найти нужного человека. Им оказался кизляр-агъа — главный евнух Дженджи Хусейн эфенди. Евнуху была обещана крупная сумма золотом, а взамен он должен был повлиять на настроения султана Ибрагима I. Как видно, Хусейну эфенди это удалось сделать. На 64 день ссылки Ислама Гирая на Родос за ним была послана султанская галера. А уже в июле 1644 года Ислам Гирай был избран на ханский престол.

Этому событию способствовал еще тот факт, что кафинский паша был казнен по обвинению в напрасном разорении черкесских земель и в тираническом пользовании своей властью в Кефе, а Мухаммед Гирай хан, окончательно восстановивший против себя крымский народ, был отправлен в почетную ссылку на тот же остров Родос.

Несомненно, что новый хан обладал сильным характером и слыл хорошим правителем, но, кроме личных достоинств, ему повезло в том, что рядом с ним всегда был его мудрый советник и преданный помощник Сефер-Гази.

Великий визирь Сефер-Гази был главным руководителем внешней политики. К тонкостям дипломатии он привлекал и своего сына Ислама мурзу, который добился на этом поприще немалых успехов.

Занимая должность визиря, Сефер-Гази получал треть годовых доходов, уплачиваемых вассалами Крымского ханства, однако эти деньги он тратил на благотворительные дела: поддерживал малоимущих, строил в городах и окрестностях мечети, фонтаны-чешме,

колодцы. В Карасубазаре на его средства был возведен просторный караван-сарай «Таш-Хан». Его родственники также славились благотворительностью. Сестра великого визиря Айше ханым на свои средства выстроила в Акмеджете постоянный двор и все доходы передавала на городские нужды.

В самом начале ханства Ислама Гирая Сефер-Гази возложил на чиновника ханской канцелярии, кадия Хаджи Мехмеда, обязанность придворного историографа. Кадий с большой ответственностью подошел к поручению и под псевдонимом Сенаи 1 августа 1651 года закончил свой труд «История хана Ислама Гирая III», известный сегодня как «Книга походов».

Доверительные отношения хана с главным визирем пришлось не по душе главам капы-кулу — личной ханской гвардии. К этому времени капы-кулу уже образовывали особое служилое дворянское сословие при крымском дворе и считали себя наиболее приближенными к ханской особе. Великий визирь мешал им своим влиянием на Ислама Гирая, и они искали повод, чтобы сместить Сефер-Гази. Случай представился после похода на мятежных черкесов племени Жанэ. Между капы-кулу и карачи мурзами возник раздор. Чтобы примирить враждующие стороны и обуздать пыл ханских гвардейцев, Сефер-Гази, как человек благоразумный и справедливый, принял сторону мурз. Это еще больше усилило неприязнь к визирю, и тогда они потребовали отстранить его от должности. Дело дошло до вооруженного столкновения между гвардейцами и мурзами, вступившими, в свою очередь, за Сефер-Гази. Видя, что из-за него произошло столкновение, визирь в смущении удалился в Кефе в надежде, что бунт успокоится. Но противники последовали за ним, чтобы задержать. Ислам Гирай, опасаясь за жизнь своего верного друга и во избежание непредвиденных последствий, повелел заключить Сефер-Гази в кефенскую крепость. Расценив такой ханский поступок как предательство, визирь бежал за Ор-Капу и соединился с поддерживающим его родом Ор-Мухаммедов. Кто знает, чем бы все это закончилось, если бы бейская верхушка не вмешалась в конфликт между ханом и визирем и не примирила бы их. Сефер-Гази возвратился в Бахчисарай.

Десятилетнее правление Ислама Гирая совпало с историческими событиями, в которых непосредственно принял участие верховный визирь Сефер-Гази. В 1648 году в Бахчисарай прибыл гетман Богдан Хмельницкий со своим сыном Тимофеем просить помощи и поддержки хана против поляков. К этому времени польская шлях-

та уже третий год задерживала выплату дани Крымскому ханству, и Ислам Гирай согласился поддержать казаков в войне против Речи Посполитой. Благодаря коннице крымских татар во главе с орским военачальником Тугай бей казаки одну за другой одерживали победы под Желтыми Водами, Корсунем, Пилявцами. Решающее сражение состоялось в Западной Украине. Оно закончилось подписанием Зборовского мирного трактата 1649 года.

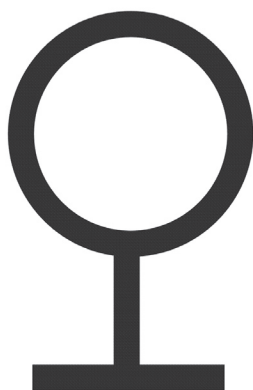
Преследуя интересы своего государства, Сефер-Гази продиктовал условия договора, на которые польский король Ян-Казимир вынужден был согласиться. Речь Посполитая обязывалась уплатить в ханскую казну 200 тысяч талеров единовременно и в дальнейшем по 90 тысяч ежегодно и, кроме того, возместить все расходы, которые понесла крымская конница в войне с поляками.

Летом 1654 года Ислам Гирай во время большого праздника по случаю сунета своих сыновей неожиданно умирает. Новым ханом снова становится Мухаммед Гирай IV. Некоторое время Сефер-Гази еще оставался в своей должности при новом хане, однако Мухаммед вскоре сместил его. Но этого показалось хану мало, и, найдя повод, он казнил Сефер-Гази, конфисковав все его имущество. Этой казнью Мухаммед Гирай восстановил против себя крымский народ.

В это же время сын казненного визиря Ислам бей отправил халифу-султану в Стамбул жалобу, которая была принята к сведению, и спустя некоторое время Мухаммед Гирай лишился трона.

РОД ШИРИНОВ, ИЛИ ПЛОДЫ КРЫМСКОЙ ДЕМОКРАТИИ

Тамга рода Ширин

Наверное, как Сфорца в Италии, Монморанси во Франции, так и старинный тюркский род Ширины неразрывно связан с историей Крымского ханства. Многие представители этой династии были активными участниками важнейших событий государства, раскинувшегося в Северном Причерноморье, и внесли значительный вклад в развитие страны, а потому и оставили о себе на века славную память.

Говоря об истории Крымского ханства, трудно обойти вниманием имя Ширины. Этот род был одним из самых древних и самых прославленных в Крыму. Ширины идут первыми в списке крымской аристократии. Именно представители Ширинов привели к власти первую и единственную династию крымских ханов — Гираи.

Возможно, крымские беи из рода Ширин были такими же потомками Чингисхана, как и Гираи. Но, несмотря на свое независимое положение в ханстве, они строго придерживались субординации по отношению к правящей династии.

Родоначальником Ширин беев считается некий Дангы бей, чьи земли располагались в Поволжье. Его сын Руктемир бей начал свою карьеру при хане Тохтамыше. Известно, что он был одним из приближенных хана и пользовался его особым расположением. Видимо, ханское доверие было настолько велико, что вскоре Руктемиру был пожалован ярлык, согласно которому Ширин бей возглавил бейскую верхушку. Документ также подтверждал, что «без воли и согласия Ширинского бея никакие важные государственные дела не начинались и не оканчивались, потому как Ширинский Бей считался хану товарищем, для чего и пожалован от хана вензелем, каковой сам хан имел; и печатью, называемою «Бадемы Мугыр», каковой печати более никто из беев не имеет» [91, с. 243].

Но, кроме дарованной ханом печати, род Ширинов имел и свою древнюю родовую тамгу, именуемую чомычы.

Более того, хан Тохтамыш выдал за Руктемира бея замуж родную сестру. От этого брака родился сын Тегене бей. Именно Тегене бею суждено было сыграть одну из главных ролей в истории будущего Крымского ханства.

Около 1443 года в литовский замок Тракай, где пребывал будущий родоначальник крымской династии Хаджи Гирай, явилась делегация из Крыма во главе с влиятельным Тегине беем Ширинским и призвала от всего крымского народа Хаджи — как прямого потомка Чингисхана — стать их ханом. Спустя некоторое время похожая ситуация повторилась и с сыном Хаджи Гирая Менгли Гираем. На этот раз новому хану помог утвердиться на крымском престоле Эминек мурза Ширинский, родственник Тегине бея.

Конечно же, это не могло не отразиться на привилегированном положении Ширинов в Крымском ханстве. Так, наряду с другими именитыми династиями Ширины занимали исключительно первое место — баш карачи. И только потом шли Мансуры, Барыны, Седжеуты, Аргины и Кыпчаки. Образовался определенный род ари-

стократической конфедерации под управлением баш карачи из лидирующего клана Ширин, остальные четыре клана были главной военной силой в ханстве. Если возникала необходимость в военном походе, то клан Ширинов мог выставить от 5 до 20 тысяч человек. Для сравнения можно сказать, что кыпчаки могли выставить до 3 000 людей, а мангыты около 2 000 аскеров.

Ни один государственный совет — Диван не обходился без баш карачи бея. Их присутствие было обязательным, особенно при обсуждении и решении важных дел с ханом. В случае, если политика хана претила интересам Ширинов, то беи могли демонстративно покинуть залу совета. И тогда хан оказывался совершенно бессильным. Лояльность и поддержка баш карачи беев имела решающее значение для хана. Так, в 1551 году хан Сахиб Гирай не смог ничего предпринять, когда недавние его сторонники Ширинские беи изменили свое решение и поддержали его племянника Девлета Гирая.

Глава рода Ширин в иерархии государственной администрации занимал первое место после представителей ханской семьи. Это место было наследственным, а положение и должность соответствовали министру внутренних дел государства. В обязанности бея входило соблюдать правопорядок на основе законов и традиций ханства. Иногда это приводило к серьезным разногласиям между Ширин беем и ханом. Поэтому ханы старались не конфликтовать с Ширинскими, так как те опирались на надежную экономическую и политическую основу.

К слову, Ширинские владели обширными землями — бейлыками, расположенными в районе от Карасубазара до Керчи и граничившими с Кефе. Кроме земель Ширинские имели право на сбор пошлины с прибывающих в Крым или следующих транзитом иностранных купцов, а также на «жалованье», которое им выплачивал кефинский казначей хана.

В случае отсутствия крымского правителя либо калги и нур-эд-дина в ханстве великий бей Ширинский оставался заместителем главы государства. Он брал в свои руки всю полноту ханской власти. Также он обладал узаконенными привилегиями, например, мог вести личную переписку с зарубежными лидерами. Единственный из беев, он имел не только разветвленный административный аппарат, но, как утверждают некоторые источники, и собственных калгу, нур-эд-дина и даже пышный двор, копируя структуру ханской администрации.

Важно отметить, что хан не мог ни отнять у бея его родового титула, ни лишить наследственных земельных и иных владений. Напротив, ханы нередко чувствовали свою зависимость от беев в вопросах наследования престола — с мнением могущественных баш карачи, как правило, считались и в Стамбуле.

В первые годы образования Крымского ханства, когда на полуострове находились генуэзские фактории, Ширины были наделены еще одним уникальным правом. Дело в том, что среди генуэзцев постоянно проживало мусульманское население Крыма. Нередко возникавшие конфликты между крымскими татарами и жителями факторий было невозможно решить без третьего официального лица. Именно для этого крымский хан и наделил Ширинов правом разрешать возникающие споры среди местного смешанного населения. Тудун — таким титулом отныне именовался бей. Он имел большое влияние не только на мусульманское, но и на христианское население генуэзских факторий, а со временем — и на население ханства.

Обладая такими привилегиями и полномочиями, Ширины могли бы с легкостью захватить власть в свои руки и положить начало новой ханской династии в Крыму, тем более что у большинства баш карачи текла кровь Гираев. Но даже намек на такую попытку за всю историю Крымского ханства не было. Ширины хорошо знали свое предназначение и не стремились узурпировать чужую власть. Уже по причине исторических своих заслуг перед народом и государством эти беи обладали непререкаемым авторитетом и весом. И в этом их поддерживали Гираи.

Крымские ханы установили родственные связи с лидерами клана Ширин, беря в жены их дочерей. В свою очередь, и Ширины имели право брать в жены дочерей, сестер или племянниц хана. Этот обычай был основан на стремлении сохранить в чистоте кровь чингизидов, поскольку Ширины в родовитости не уступали Гираям и постоянно поддерживали близкородственные семейные отношения. Так, известно, что две дочери второго крымского хана Менгли Гирая стали супругами сразу отца и сына беев Ширинских: старшая ханская дочь Кутлу-Султан вышла замуж за Бахтияра бея Ширинского, а младшая Махдум-Шах была отдана в жены Девлетеку бею Ширинскому, сыну Бахтияра. Позже внучка Девлетека Ширин-Бек вышла замуж за одного из младших сыновей Менгли Гирая — Ахмеда Гирая, а после его смерти по закону левирата стала тронной женой будущего хана Саадета Гирая. Эту сложную цепочку браков

можно продолжать до бесконечности, но следует отметить, что очень строго следили за тем, чтобы не было кровосмешения. Чуть позже женщины из семьи Гираев смогут добиться для себя особых привилегий — быть единственными женами для своих супругов.

Как уже упоминалось, баш карачи имели большое влияние в Крымском ханстве и наравне с другими лидерами аристократических домов ханства определяли, кто станет ханом. Из конфиденциального письма, посланного в 1524 году Саадету Гираю в Стамбул за несколько месяцев перед смещением молодого хана Гази Гирая I, сына погибшего хана Мухаммеда Гирая, видно, что беи — лидеры правящих кланов — уже определили свою кандидатуру. В письме глава крымской аристократии Бахтияр бей из рода Ширин уверял Саадета Гирая, что беи, мурзы и огланы согласились иметь его в качестве своего хана, и все они объединились для этой цели и поклялись умереть за его дело.

Известно, что главы Ширинского рода могли оказывать влияние при выборе кандидата на ханский трон, даже если претендент находился в оппозиции к османскому султану как халифу мусульманского мира. Либо, если хан не оправдывал их ожиданий, воздействовать на его скорое смещение. Все эти игры отразились на крымской политике, которая была и без того сложной.

Сами Ширины зачастую конфликтовали между собой. Упомянутый Бахтияр бей Ширинский питал откровенную неприязнь к хану Мухаммеду Гираю I из-за того, что тот приблизил к своей персоне его родственника Мамыша бея Ширинского и даже породнился с ним, выдав за него свою дочь, а после гибели Мухаммеда Гирая лично хлопотал перед султаном, чтобы ханом стал Саадет Гирай, проживавший при стамбульском дворе. Когда попытка Саадета Гирая утвердить свою абсолютную власть в ханстве привела к открытой войне с Мамышем беем, Бахтияр Ширинский принял сторону нового хана. Этим он вызвал раскол внутри своего рода. В 1528 году был раскрыт заговор против хана и Мамыш бей вместе с другими лидерами рода Ширин были казнены. Казнь Мамыша, первого бея Ширинов в крымской традиции, — преступление неслыханное! Саадет поставил себя в положение вечного врага этого бейского клана. Даже Бахтияр, который способствовал опале Мамыша, был шокирован таким поведением собственного протеже. А между тем политика Саадета Гирая неизбежно вела к разрыву между главой Ширинов и ханом. Обвинив в новом заговоре против главы государства и казнив самого Бахтияра и его родного брата, Саадет Ги-

рай передал управление родом Ширин Тогузаку мурзе.

Оставшиеся представители рода Ширин не могли смотреть на все это равнодушно. Они боялись потерять свою власть и влияние на политические процессы в государстве, поэтому приняли сторону беспокойного отпрыска погибшего в Хаджи Тархане хана Мухаммеда Гирая, Ислама Гирая. Объединив силы с крымской элитой, Ислам Гирай в конце концов нанес сокрушительное поражение Саадету Гираю в битве возле Азака. Однако, несмотря на то, что Саадет Гирай удалился в Стамбул, Исламу Гираю не удалось закрепить за собой ханский престол, и в 1532 году ему пришлось уступить трон своему дяде Сахибу Гираю, а самому некоторое время довольствоваться званием калги.

Находясь у кормила власти, новый хан Сахиб Гирай повел независимую политику, пытаясь установить абсолютную ханскую власть. Это не понравилось бейской верхушке — не этого они хотели. Ширины нашли возможность избавиться и от Сахиба Гирая и поддержали его родного племянника Девлета Гирая.

На этом закончились неприятности рода Ширин с крымскими ханами. И даже когда бей из сильного рода Мангыт предприняли попытку занять лидирующие позиции, новый крымский хан Девлет Гирай — один из наиболее ярких приверженцев идеи централизованного крымского государства — предпочел объединиться с кланом Ширин, чем с неблагонадежными, на его взгляд, Мангытами. С этого времени и на протяжении всего существования крымскотатарского государства Ширины продолжали играть главную политическую роль в Крымском ханстве.

МОСКОВИЯ — ПРОВИНЦИЯ КРЫМСКОГО ХАНСТВА

Крымский посольский двор в Кремле из альбома Мейерберга

В XV веке правопреемником государства Золотая Орда становится молодое Крымское ханство. Московские князья, ранее находившиеся в вассальной зависимости от империи чингисидов, автоматически перешли в подданство Крыма. Отныне они пользовались поддержкой своего нового суверена. В сохранившихся грамотах князья именовали себя не иначе как младшими братьями рода Гираев, а крымских ханов называли своими царями. В подтверждение этому можно привести пример, когда Иван III принес на Библии присягу на верность дому Гираев. Эта присяга строго соблюдалась вплоть до начала XVIII века. Более того, в московских храмах сначала молились за единого царя — великого крымского хана, а только после этого — за московского князя. Влияние Крыма было столь велико при московском дворе, что на территории Кремля со времен все того же Ивана III находилась крымская резиденция. Это еще раз подчеркивало особое положение Гираев в Московии.

Крымское ханство, возникшее в первой половине XV столетия, вступило в права наследования обширных земель бывшей империи Чингизидов — Золотой Орды. Сюда вошло и Московское княжество.

С первых же лет роль нового сюзерена — крымского хана в Московии была неоспоримо велика. Об этом красноречиво сообщают летописи и записки иностранных путешественников и дипломатов.

Впервые официальные отношения Крыма и Москвы устанавливаются в 1474 году. С этого времени крымский хан Менгли Гирай начинает контролировать нового вассала и регулярно отправляет в Москву своих представителей. Несколькими годами позже в Симеоновской летописи упоминается, что в Москву прибыло посольство в составе пятидесяти официальных лиц и 550 гостей, которое было размещено в Кремле.

Где именно были размещены крымскотатарские вельможи, достоверно известно. Татарский двор, или, как его именовали, «Царев Посольский двор», находился между главными — Фроловскими (позже Спасскими) воротами и колокольней Ивана Великого, занимая территорию от Чудова монастыря до собора Николы Гостунского, то есть всю Царскую или Ивановскую площадь. Другими словами, Крымский двор был так называемым представительством центральной власти в провинции или наместничестве, где постоянно проживали ханские люди. Примечательно, что было и отдельное крымское посольство в Кремле, но оно находилось в другой стороне от крымского двора.

Известно, что пышный кортеж из Крыма встречали согласно дворцовому протоколу. Бояре выезжали навстречу к ханским представителям и ожидали их у Поклонной горы. Со временем эта дорога стала именоваться Крымской, поскольку это был самый короткий путь из Крыма. Ныне это Серпуховское шоссе. Далее, как сообщает литовский мемуарист-этнограф XVI века Михалон Литвин в записках «О нравах татар, литовцев и москвитян», сам московский князь выходил за город навстречу прибывшим и, беря поводья лошади главы посольства, пешим провожал процессию во дворец. Там посланец хана усаживался на княжеский трон, а князь, преклонив колени, выслушивал его речи.

Английский дипломат при дворе царя Ивана Грозного Джильс Флетчер, ссылаясь на рассказы русских бояр, упоминал, что ежегодно московский князь в знак подданства крымскому хану

стоял в Кремле подле лошади крымского посланника и кормил ее овсом из собственной шапки. Позже этот обряд был заменен дорогими подарками — мехами. Другой английский дворянин, побывавший в Москве в XVI веке и даже лично знавший Ивана Грозного, Джером Горсей оставил в своих «Записках о России» любопытные сведения о крымцах: «Все они были на хороших конях, одеты в подпоясанные меховые одежды с черными шапками из меха, вооружены луками и стрелами и невиданными богатыми саблями на боку. К ним была приставлена стража, караулившая их в темных комнатах...» [107, с. 145].

Крымские послы действительно окружали себя стражей, которая, кроме посланных князем людей, никого не пускала в покои татарского дворца.

Историк Михаил Тихомиров считал, что местонахождение татарского двора в Кремле было не очень удобным для самих же крымских татар. Отчасти это было так. Тем более что со временем ханская резиденция в Кремле становилась тесной. Ведь нередко с послами в Москву приезжали и купцы. Например, в 1550 году в Москву приехал ханский поверенный, некий Бай, и с ним «крымских людей 300 человек», а в 1558 году прибыл ханский племянник с двумя женами, свитой в триста человек и целым штатом прислуги.

Можно предположить, что в этой связи по желанию самих же крымцев московским правительством были выделены более просторные места для проживания в других частях города. Так, впервые в документах Посольского приказа за 1532 год упоминается еще один Крымский двор «за Москвою-рекою» с лугом для выпаса татарских лошадей. А уже с 1577 года Крымский двор за рекой именуется как новый, соответственно, что за первым закрепилось название «Старый Крымский двор», который по-прежнему продолжал функционировать. И, тем не менее, это были не единственные места в северном наместничестве, где жили и останавливались крымские татары.

О месте нахождения Нового Крымского двора говорят карты и документы XVI—XVII столетий. Он указан на одном из первых планов Москвы — «Петровском», датированном 1597 годом. Изображен Новый Крымский двор и на «Годуновском чертеже Москвы» 1605 года. Этот же двор хорошо виден и на плане Москвы 1634 года, составленного немецким путешественником и ученым Адамом Олеария. А в «Альбоме Мейерберга» 1661 года Крымский двор не только показан, но и назван.

В отличие от первой резиденции новое подворье за Москвой-рекой представляло собой ряд строений и домов, огороженных высоким забором. Этот Крымский двор в районе современной улицы Крымский вал и Крымской набережной сохранился до 1785 года.

Недалеко от Крымского двора (в самом начале современного Ленинского проспекта) было расположено Татарское кладбище. Ныне на его территории находится Горный университет. Это кладбище упоминается в документах XVII—XVIII вв. Известны несколько документов (последний датирован 1787 годом), в которых московские мусульмане ходатайствовали перед властями о том, чтобы оградить территорию кладбища от попыток захвата.

На этом кладбище было захоронено тело казненного в 1671 году Степана Разина. По некоторым данным, мать Разина была крымской татаркой.

Предположительно резиденция крымских послов — Крымский двор — была ликвидирована еще в 1702—1703 годах, при Петре I. Через несколько десятков лет мусульмане утратили и еще один символ их давнего проживания в Москве — Татарское кладбище за Калужскими воротами.

Известно, что на территории современного Замоскворечья отдельно от Крымского двора располагалась и Татарская слобода. Ее населяли переводчики и толмачи с семьями. Вероятно, эти люди приезжали в Московию с посольствами и оставались здесь. Толмачи были подданные крымского правителя и в Москве чувствовали себя достаточно вольготно. Это были образованные люди, и они за свои лингвистические знания получали жалование. Крымские толмачи владели не только татарским, османским и русскими языками, они знали польский, латинский, немецкий и многие другие.

Постоянно проживали здесь и некоторые крымские вельможи. С 1592 года известно имя ханского представителя мурзы Еньши Сулешова, которому князем Федором Ивановичем были пожалованы деревни, очевидно, не без участия всесильного Четы мурзы, более известного как Борис Годунов.

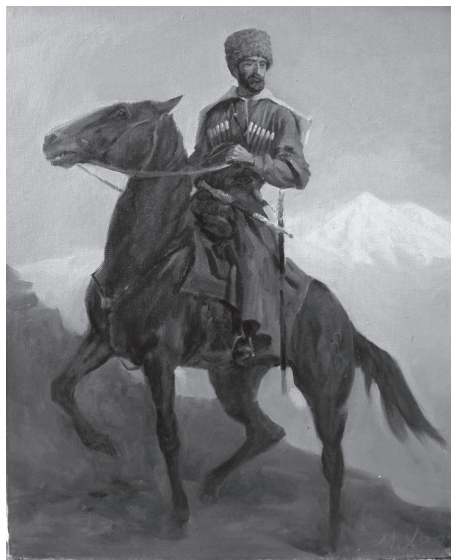
Современем протокол приема крымских посланников несколько изменился. Так, в середине XVII века к приезду ханских наместников готовились с особой тщательностью. Для них теперь шились дорогие шубы из куницы и соболя, кафтаны из расшитого золотом атласа. Дарились лошади из княжеских конюшен. Вместе с крымцами посылались в Бахчисарай подарки не только хану и его

родственникам, но и важным крымским сановникам.

Примечательно, что князь не имел права делать менее ценные подарки ханской семье. Дело в том, что и в XVI, и в XVII веках существовали специальные так называемые росписи, определявшие количество подношений. Например, с 1633 года действовала «Джанибека Гирая роспись», а с 1638 года — «Бахадира Гирая роспись», в которых четко были прописаны уставные дары. И если князь позволял себе вольность в чем-то отступить от узаконенных правил, в Москву тут же направлялся поверенный хана с требованием дополнительно прислать недостающие подарки. Это случалось редко, но один из таких инцидентов был зафиксирован в письменных источниках за 1631 год, когда к Михаилу Федоровичу Романову с выговором прибыл Девлет Гази мурза. Московскому правителю пришлось подчиниться и выслать удержанные им подношения.

Оставаясь вассалом Крымского ханства, Московия в этом положении имела и свою выгоду. Крымские сюзерены оказывали московским князьям постоянную военную и политическую поддержку.

Менгли Гирай хан в переписке с московским князем Иваном III, проявляя к даннику добрые отношения, именует его «братом своим». Но через несколько десятилетий наследники Менгли Гирая уже стали именовать вассалов-князей не иначе как «своими холопами». Столь разительная перемена настроения не была спонтанной. Ее спровоцировал сам князь Иван IV, который хоть и стал называть себя царем, но по-прежнему оставался в зависимости от крымских ханов. Он посчитал, что вполне может обойтись без крымского влияния, и попытался возложить на себя корону византийских императоров, но за это был наказан Девлетом Гираем и был вынужден отказаться от своей идеи.

Кабардинец

Исторические судьбы Крымского ханства и Черкесии были тесно переплетены. Это были не простые отношения, их нельзя было однозначно охарактеризовать как дружеские или враждебные, между ними были вооруженные столкновения и взаимовыгодные союзы. Ведь хорошо известно, что Крымское ханство имело родственные и политические связи с аристократическими домами Черкесии. Нередко представители знатных черкесских родов через брак своих дочерей или обычай аталычества становились родственниками крымским ханам либо принцам династии Гираев, реже – влиятельным беям и мурзам ханства. Одним словом, уже с XV века Черкесия со всеми ее княжествами приобрела для внешней политики Крыма особое значение.

Известно, что Крымское ханство на протяжении всей своей истории имело тесные связи с Северным Кавказом, главным образом — с Черкесией, разделенной на удельные княжества, во главе которых стояли потомки легендарного князя Инала — родоначальника кабардинских, бесленевских, темиргоевских, хатукаевских и других княжеских родов.

Один из первых политических контактов между Крымским ханством и Черкесией датирован в источниках 1498 годом. Именно тогда к крымскому хану Менгли Гираю обратился за помощью черкесский князь Айтек из рода Бесленей с просьбой оказать ему военную поддержку в междоусобной борьбе с соплеменниками из соседних княжеств. Менгли Гирай не отказал в помощи и направил небольшое крымское войско в Черкесию.

Возможно, что главная причина, по которой хан согласился поддержать Айтека, заключалась в том, что глава Бесленей на тот момент уже приходился родственником крымскому властителю, так как известно, что одна из жен Менгли Гирая была черкесская княжна из того же рода Бесленей.

Крымские татары помогли бесленейцам, и в знак благодарности главы черкесских князей во главе с Айтеком признали крымского хана своим сюзереном. Они лично прибыли к ханскому двору с подарками хану, его семье и ближайшему окружению и в торжественной обстановке от лица своих подданных присягнули на верность. Так первыми из черкесов вассалитет приняли бесленейцы, которые оставались верны своей присяге до последних дней Крымского ханства. Однако стоит сразу оговориться, что не вся Черкесия была готова принести присягу на верность ханству.

Известно, что в первые годы образования Крымского ханства значительное число черкесов уже проживало в Кефе. В архиве Посольского приказа сохранилось весьма любопытное сообщение о панике среди черкесов Крыма, вызванной смертью Менгли Гирая. До сих пор они жили мирно и находились под ханской защитой. Однако приход к власти в 1515 году старшего сына Менгли Гирая Мухаммеда Гирая их взволновал. Видимо, у них были свои причины опасаться нового хана. Многие представители этой общины поспешили в Керчь с целью переправиться на судах в родную Черкесию. О панике среди черкесов сообщили новому хану, и Мухаммед Гирай поспешил прислать к ним своего представителя с письменным обращением, в котором говорилось, что со смертью его отца положение проживающих в Крыму черкесов не изменится, они могут

оставаться на своих местах и жить так же, как жили при его отце.

Остались ли черкесы в Крыму или возвратились на родину и сколько их было, источник умалчивает. Ясно только то, что черкесы не чувствовали себя в полной безопасности, и такое беспокойство следует прежде всего пояснить назревающим конфликтом между новым ханом и некоторыми удельными княжествами Черкесии.

С ханством Мухаммеда Гирая начинаются непростые крымско-черкесские отношения. Частыми становятся просьбы черкесов, принявших верховенство крымского хана, о поддержке в борьбе с враждебными им кланами. Так, в 1518 году Мухаммед Гирай принимает решение о походе в земли черкесов во главе с родным братом калгой Бахадиром Гираем. Поход не принес положительных результатов, но тем не менее, несмотря на неудачу небольшого крымского войска, к крымским татарам присоединилась еще одна часть черкесов, которая поспешила присягнуть Мухаммеду Гираю. Следует сказать, что, в свою очередь, хан направляет к черкесам не наместника, а посла, и это говорит не о прямом административном подчинении, а о признании верховного сюзеренитета хана. Важно отметить, что отныне черкесы почти всегда фигурируют в составе крымских армий. Одно из ранних сообщений этого рода относится к 1521 году, когда упоминается черкесский отряд в составе войска Мухаммеда Гирая в его походе на Москву.

Но союзнические и родственные отношения с черкесскими аристократическими семействами не облегчали, а напротив — порой усложняли взаимоотношения между Крымом и Черкесией. Зачастую Гираи оказывались втянутыми в крайне враждебную и агрессивную атмосферу внутривосточной жизни черкесских кланов, принимали участие в распрях, а порой были вынуждены совершать довольно крупные военные походы с целью усмирить противников своих кавказских родственников и союзников.

Один из таких первых походов был совершен Сахибом Гираем I в мае—июне 1539 года. Причиной стало нападение адыгов на ханские города-крепости, расположенные на Таманском полуострове. Крымский историограф Реммаль Ходжа сообщает, что к крымскому войску в 40 тысяч аскеров присоединились и проживавшие на этой территории жанеевцы во главе со своим князем Кансавуком, который объявил себя вассалом Сахиба Гирая и привел в подданство ханству свой народ. О том, что черкесы из племени Жанэ, проживавшие на Тамани, находились в подданстве Крымского ханства,

сообщает крупный историк второй половины XVII века Хюсейн Хезарфенн.

В 1545 году к Сахибу Гираю с просьбой о помощи обращается кабардинский князь Элбозду, потерпевший поражение в борьбе за власть внутри Кабарды. В этом же году крымский хан снова выступает в поход. На этот раз его армия насчитывает уже около 70-ти тысяч аскеров.

В 1551 году снова состоялся поход Сахиба Гирая в Черкесию. Он был вызван нападением хатукаевских князей Алегука и Антанука на ханских подданных под Азаком. Об этом походе Реммаль Ходжа приводит самоуверенное заявление одного из братьев: «Хан, говорят, идет грабить нас, но мы поведем себя не как жанеевцы и кабардинцы. Он силен своими пушками, а мои пушки и пищали — крутые горы и быстрые кони» [74, с. 110].

Но в ходе ожесточенного сражения один из князей — Антанук — попадает в плен.

Сахиб Гирай нанес тяжелые удары по большинству княжеств Черкесии: Хатукаю, Бжедугии и Кабарде. При нем многие черкесские князья принесли присягу верности Крымскому ханству.

Но последний поход 1551 года стал для победоносного хана роковым. Пока он находился на Кавказе, в Крыму против него зрел заговор, в результате которого Сахиб Гирай и все его сыновья были убиты. На трон взошел его племянник Девлет Гирай.

В правление Девлета Гирая I отношения с Черкесией складываются неоднозначно. С одной стороны, крымцы совершают ряд походов в Черкесию, и в 1570 году калга Адиль Гирай наносит сокрушительное поражение войску Темрюка Идара — тестя Ивана Грозного, а с другой, по свидетельству Броневского, те же черкесы из района Беш тау (Пятигорск) принимают участие в военном походе Девлета Гирая на Москву в 1571 году. Одним словом, эти войны носили феодальный характер и не грозили самому существованию народов.

В 1578 году посланник польского короля к крымскому хану Мухаммеду Гираю, сыну Девлета Гирая, Мартин Броневский замечает: «Хан наиболее любит содержать при себе черкесов, ногаев и пятигорцев, которые трудолюбивы, крепки, храбры и воинственны. Отличным он назначает годовое жалованье и дает подарки» [19, с. 356].

И далее Броневский замечает: «Из жителей Таврического полуострова перекопские и крымские, азовские, ногайские, черкес-

ские данники и союзники, князя пятигорских черкесов, служащие на жалованьи, равно как и вольные, должны немедленно являться к Хану по его требованию и принимать участие в войне» [19, с. 358].

Из этого видно, что черкесы делились на несколько категорий. Одни из них были данниками, а другие — союзниками; кто-то получал жалованье, а кто-то был вольный. Определение «служащие на жалованьи, равно как и вольные» относилось к пятигорским черкесским князьям, что подтверждает большую степень политической самостоятельности князей Кабарды. Ну а на протяжении почти всего XVII века кабардинская оппозиция находила поддержку в Крыму.

Интересен факт, что после знаменитой Канжальской битвы 1708 года, когда крымскотатарское войско потерпело фиаско в битве с черкесами, в Крым вместе с крымским ханом Капланом Гираем прибывают представители из владетельных княжеских родов Большой Кабарды: Аджи Бекир бей Болотин и следом за ним принадлежавший к роду тех же князей Хункал бей. Оба впоследствии станут родоначальниками известных крымскотатарских аристократических фамилий — Болотоковых и Хункаловых. И это были не единичные случаи. Очевидно, что за своими князьями в Крым отправлялись и его подданные. Так, в XVII веке османский путешественник Эвлия Челеби сообщает о том, что в районе Карасубазара на высоком холме находилось черкесское селение в сто домов и одной мечетью.

Анонимный османский автор в 1740 году отмечает значительное черкесское присутствие в тогда еще крупном селе Джанкое.

Наличие поселений черкесов объясняется якобы тем, что в трудные для них времена они, переселяясь целыми племенами, искали в Крыму себе убежища и покровительства крымского хана. Известно также, что в XVII веке черкесы-кабардинцы основали близ Бахчисарая деревню Черкез-Кермен. Здесь жили семьями те черкесы, которых крымские ханы заранее выбрали в аталыки — воспитателей своих сыновей. Едва принц достигал семи лет, как аталык увозил его в Кабарду на воспитание. И с этого времени семья аталыка для принца, которому, возможно, в будущем предстояло занять крымский престол, становилась родной.

Черкесская знать состояла в тесных родственных связях с крымскими ханами. Как известно, черкешенки часто были женами крымских ханов. Есть предположение, что уже один из первых крымских ханов Нур-Девлет, сын Хаджи Гирая, был женат на черкешенке «Юмадыковой дочери». Кто такой был Юмадык, не совсем ясно,

однако известно, что это имя было распространено в Черкесии.

Как уже упоминалось выше, и брат Нур-Девлета хан Менгли Ги-рай также был женат на черкешенке. Черкешенкой была жена и Сахиба Гирая I, и Девлета Гирая, и Мухаммеда Гирая, и многих других крымских ханов. Но вместе с женами из Северного Кавказа крымские ханы зачастую имели и черкесское окружение. Так, при дворе Девлета Гирая I служили братья двух его жен-черкешенок.

Родной сестрой одного из соправителей Большой Кабарды была жена хана Ислама Гирая II. Именно она в 1653 году уговорила мужа поддержать своего брата в очередной междоусобице и даже лично сопровождала крымское войско в Кабарду.

В свою очередь, и опальные представители династии Гираев, и другие крымские аристократы на протяжении более чем трех веков находили приют и поддержку в трудные для них времена в Черкесии. Как правило, здесь были родственники по линии матери или жены, приемные родители, и все это вместе взятое позволяло беглецу из Крыма найти среди черкесов временное убежище.

Известно, что вновь избранному крымскому хану присягали черкесские князья и считали его законным правителем государства, составной частью которого являлись и их владения. И это было не вынужденная мера из-за угрозы военного нападения. Это было уважение к ханской власти.

О подданстве черкесских князей красноречиво говорится и в официальной переписке самих ханов с османскими султанами. Так, Крым Ги-рай хан в 1763 году просил османское правительство прислать специалиста для геологической разведки во владениях подвластных ему черкесских племен Касай, Каспулат, Бесленей и Шегаке.

Конечно же, Черкесия целиком не подчинялась ханству. Некоторые черкесские племена предпочитали полную свободу каким бы то ни было отношениям с крымскими ханами.

Карасубазар. Общий вид. Карло Боссоли

Как в Средние века, так и в Новое время в связи с увеличением покупательной способности населения и потребительского спроса основу городского населения Крымского ханства составляли ремесленники. Эта значительная прослойка общества пользовалась широкими правами и привилегиями и в благоприятных условиях, создаваемых властями, развивалась и процветала.

Ремесло было уважаемым занятием и приносило хороший доход. Особым почтением пользовались люди с высоким уровнем профессиональной подготовки. На протяжении веков углубляется специализация мастерства, расширяется ассортимент изделий, совершенствуется ремесленная техника, оставаясь, как и раньшее, ручной.

В XV—XVII веках национальная ремесленная индустрия Крымского ханства достигла пика своего развития. Она опиралась на ряд традиционных цеховых статутов, признанных повсеместно. Ремесленники были профессионалами своего дела, и их было довольно много. Пользуясь своим привилегированным положением, они селились на центральных улицах крымских городов. Как правило, ремесленники одной артели занимали определенный квартал, здесь же рядом с домом находились их лавки и мастерские. Так что некоторые виды изделий изготавливались буквально на глазах покупателей.

Большинство ремесленных корпораций состояло из тысяч мастеровых и учеников. Они удовлетворяли спрос как крымского населения, так и иностранного, вывозя на рынки и ярмарки соседних стран свою продукцию на довольно солидные суммы. Такая промышленность как самостоятельная сфера экономики вполне удовлетворяла спрос населения страны и за счет стабильных налогов приносила в государственную казну значительный доход.

В городах особенно быстро росло число тех ремесленников, чьи изделия пользовались спросом. Одним из самых старинных и важнейших видов крымского ремесла было производство и выделка кож и мехов. Этот товар сохранял высокую конкурентоспособность на протяжении довольно долгого периода, потому что, во-первых, в Крыму были необходимые препараты и ингредиенты для выделки кож, изготовленные из местного сырья, а во-вторых — развито животноводство как источник сырья.

Крымская кожа за свое качество и отличную выделку ценилась и пользовалась большой популярностью среди галантерейщиков, сапожников, мастеров по изготовлению седел и прочих кожевенных изделий как в Османской империи, так и в странах Европы. О развитии кожевенной отрасли в первой половине XVII века свидетельствует итальянец Дортелли д'Асколи — монах Доминиканского ордена, живший на протяжении десяти лет в крымской Кефе: «Во всех морских стоянках Татарию нагружают много судов воловьими и буйволовыми кожами, доставляемыми оттуда также в Италию, Фландрию, Англию и Францию» [37, с. 100].

Далеко за пределами ханства славилась выделка бахчисарайского сафьяна — высококачественной тонкой кожи, окрашенной в разные цвета. Примечательно, что окраска в красный цвет считалась лучшей и составляла местный секрет, передаваемый из поколения в поколение.

Основная часть кожи, самая дорогая и качественная, использовалась в собственных нуждах ханства. Из нее шили одежду, обувь и прочее. Кроме самого Бахчисарая, один из лучших рынков кожи был в Карасубазаре.

Древние корни имело в ханстве литейное и кузнечное мастерство. Примечательно, что этот вид ремесла не был распространен повсеместно. Он имел всего три крупных центра, один из которых находился в деревне Чоюнджи. Оттуда продукция расходилась по всей стране и даже за ее пределы. Железную руду для изделий добывали на Чатыргаде, из нее местные мастера — тёмеджилер изготавливали железные казаны всех размеров. Примечательны были огромные казаны, предназначенные для приготовления пищи сразу на целое село или отряд воинов. Если верить путешественнику Эвлия Челеби, то «эти казаны славятся в Балхе, Бухаре, Самарканде, Луристане и Мултане» [112, с. 124]. В подтверждение этому более поздние авторы сообщают, что городские цехи литейщиков, а также некоторые деревни Крыма занимались исключительно литьем чугунной посуды для отправки ее на Восток.

Плуги, топоры, вилы ковали кузнецы — демирджилер, как правило, проживавшие в окрестностях села Керменчик. Там же ковали оси для мажар, обручи для местного бочарного производства и т. д. В городах кузницы, одновременно служа лавками, располагались в смешанных ремесленно-торговых рядах, называемых араста.

Обработкой цветных металлов занимались медники — бакырджилер. Основной ее техникой была чеканка. Из латуни, как более нарядного сплава, чем чистая медь, делали ритуальные сосуды и люстры для мечетей. Из латунных и железных деталей собирали кофемолки — дегермен. Из медных мастерских выходили нарядные куманы, гугумы, джезве, посуда и прочее, при изготовлении которых чеканщики широко использовали красную медь. Как правило, по соседству с медными мастерскими размещались лудильщики — калайджи, именно они обязательно лудили изнутри и снаружи кухонную утварь, доводя ее до совершенства.

О славе крымских оружейников писали посетившие Крымское ханство путешественники и дипломаты. Здесь, а именно в столичном Бахчисарае, действительно было хорошо развито оружейное производство. Сабельные и ножевые клинки и даже бритвы ковались и закаливались из черного металла по особому методу, секретом которого владел каждый ножевых дел мастер — пычакчы. Этот метод часто сравнивали с дамасским.

В XVII—XVIII веках по всему Востоку распространилась слава о крымских карабинах. Появлялись и технические находки, позволявшие производить новые типы оружия, например, ранее неизвестные плоскоствольные ружья, заряжавшиеся двумя пулями.

Так же, как лудильщики доводили до совершенства пищевые сосуды медников, окончательную доработку оружия производили ювелиры. Ножи, стволы ружей, пороховые рожки, сабли украшались серебряной насечкой. Отдельные металлические детали оружия, а также воинские доспехи покрывались позолотой или серебрились.

В Крымском ханстве всегда славилась золотых и серебряных дел мастера. Ювелирные изделия отличались изысканностью, украшались национальным орнаментом. Для этих целей мастерами закупалось листовое золото и драгоценные камни. Украшения также изготавливали из бронзы, меди и полудрагоценных камней, но настоящая ценность изделий заключалась в тонком мастерстве и художественном вкусе авторов. Крымские ювелиры славилась, главным образом, своими шедеврами, созданными в технике филигрании — чильтер. Кроме украшений из чистого серебра изготавливались бокалы, кувшинчики и подносы, украшенные растительными узорами, исполненными в технике чернения серебра, иногда — гравировки.

Еще одним искусством — ткачеством и вышивкой — славилась крымскотатарские мастерицы. Сырье, получаемое от многочисленных посевов льна, разбиралось крупными ткацкими ремесленными центрами. Дортелли упоминал, что «татары ткот тончайшее полотно» [37, с. 131]. А вот Челеби, давая оценку крымскому льняному полотну, писал: «Ни в одной стране не может быть таких тканей с белой кромкой и разноцветных рубашек, как в Бахчисарае...» [112, с. 53].

Крымские татары умели прясть любое волокно, в том числе и шелк. Причем, вид данного рукоделия был настолько дорогостоящим и одновременно распространенным, что нередко им увлекались даже жены мурз. Но несравненно шире было распространено прядение хлопка, шерсти и льна. На ткацких станках тезья изготавливались материи разных видов и расцветок. Наиболее известной была атма — легкое льняное или хлопчатобумажное полотно. Изготавливали атму на всей территории ханства, но самой качественной считалась ногайская. За нею специально ездили в степную часть.

Наряду с гладким полотном было несколько видов узорной ткани. Спросом пользовалось толстое белое или коричневатобурое

сукно, использовавшееся для шитья верхней одежды.

В столице веками существовал цех вышивальщиков — казазы, который считался одним из самых статусных среди ремесленных цехов. Заказы поступали как от простых горожан, так и от духовенства, бейской знати и даже из ханского дворца. Вышивкой цветными нитями и золотом украшались не только ханские и дворянские одежды, но и подушки, футляры для Корана и даже конские чепраки. Богато расшивались мужские пояса, предметы женского убора и многое другое. Конечно же, вышивкой занимались не только в цехах. Этому искусству отдавали чуть ли не все свободное время крымскотатарские женщины всех сословий. Расцвет искусства крымскотатарской вышивки относится к XVI—XVII векам.

Продукция деревообрабатывающих цехов состояла главным образом из ажурных дубовых оконных решеток, без которых было трудно представить себе дом зажиточного горожанина, изготовления наборных или инкрустированных столиков-*курсе* и тонкой резьбы сплошь покрытых растительным орнаментом подставок для трубок или полированных колонн для веранд и галерей. Но, пожалуй, самым массовым видом столярной продукции были детские колыбельки — бешик, которые покупались всеми, вне зависимости от достатка, — это был вопрос чести семьи. Эти изящные изделия мастерились из твердых пород дерева. С течением времени спрос на изделия из красного дерева отнюдь не падал. Об этом говорит тот факт, что во второй половине XVIII века на бахчисарайской улице насчитывалось 7 мастерских краснодеревщиков-резчиков, 8 мастерских по производству чубуков и столько же по производству бочек, а в 19 местах делали деревянную посуду.

В лесных селах столяры занимались изготовлением более крупных деревянных изделий, которые заказывали и забирали прямо из мастерских, зачастую находившихся высоко в горах. Так, в районе Ялты и Бельбекской долины работали мастера, собиравшие виноградные прессы двух типов: тарапаны и скендже. Известны были и народные мастера по обработке изделий из дерева. Например, в Коккозе изготавливали деревянную посуду, сверлили из жасминового и черешневого дерева чубуки для трубок. Отсюда же выходили и разнообразные транспортные средства — телеги, мажары и легкие повозки. В Коккозе были известны целые династии тележников, а в целом число мастеров в этом крупном селе в конце XVIII века доходило до трехсот.

Еще одним видом промысла, распространенным преимуще-

ственно в горном регионе ханства, было плетение из прутьев — сетки.

В окрестностях сел Кутлака и Коз, на склонах горы Буюк-Сырт еще в древности были обнаружены выходы серого песчаника. После обработки плиты этого камня нередко шли на постройки мостов, фонтанов-чешме. Из этих же плит тесали и намогильные баш-таши. Камень ослепительно белого цвета добывался и в Инкермане, его распиливали, и он шел на строительство.

Мастерство каменотеса-тащи и мастера-камнереза ценилось высоко, и спрос на их продукцию всегда был большой. Они высекали высокохудожественные порталы для строившихся дворцов, мечетей, медресе, дюрбе, каменные детали-украшения для них, закладные камни и надпортальные мраморные доски, а также узорчатые балкончики-шефре для минаретов. Изготавливали мастера и целые композиции для фонтанов-чешме, украшая их национальным орнаментом и надписями арабской вязью. Самыми многочисленными были заказы на надгробные памятники — баш таши. Ярким примером камнерезного искусства служат саркофаги и баш таши на Ханском кладбище в Бахчисарае.

Крупным центром керамического и гончарного производства являлось село Саблы на правом берегу реки Альмы. Здесь были выходы хорошей глины. Но и там, где месторождение было бедным или гончарной глины не было, все равно имелись мастера-керамисты, которые изготавливали мелкие предметы, не требовавшие большого расхода материала.

Наиболее древние образцы строительного искусства в эпоху Крымского Юрта, к сожалению, сохранились фрагментарно. Однако преемственность крымских строительных традиций существовала.

В XVII веке наблюдается новый подъем строительного дела, особенно в возведении крепостей. Гражданское строительство велось во всех без исключения городах Крыма. Дортелли, путешествуя по городам ханства, сообщал, что в Кезлеве восстановили старую крепость, углубили ров, построили новые административные и общественные здания. Он писал: «Мехмет-ага, нынешний визирь хана, начал строить в этом году великолепный хан, или караван-сарай, как убежище для купцов и горожан. Этот хан имеет очень высокие стены из дикого камня и по четырем сторонам двора — сводчатые помещения в два яруса; стены с бойницами и охраняются часовыми, так что по верху стены можно расхаживать вполне безопасно.

Подобное здание можно бы называть не караван-сараям, то есть обыкновенным заезжим двором, а сильным и надежным замком, более обращенным к морю, чем к суше» [37, с. 119].

Становление профессионального ремесла в Крымском ханстве как части культуры крымскотатарского народа привело к возникновению цеховых организаций и артелей. В первую очередь цеховые корпорации, в которые объединялись ремесленники, защищали интересы производителей и способствовали благоприятным условиям развития городского ремесла в Средние века и Новое время. Одним словом, ремесленное производство, его приемы еще долгое время оставались неизменными благодаря традиции цеховой организации. А узкая специализация позволяла довести мастерство ремесленников до совершенства.

Праздник Реван

Уже в эпоху позднего Средневековья и Нового времени в Крыму процветали, соблюдая этикет, оберегая и сохраняя свои вековые обычаи и законы, цеховые союзы. Они представляли собой объединения городских ремесленников одной или нескольких специальностей. Их традиции были сильны и жизнеспособны. Каждый цех занимал определенный городской квартал, где мастера жили, производили изделия и тут же, в лавках при мастерской, их продавали. Цех жил довольно изолированно и имел даже свои места отдыха.

С глубокой старины городские ремесленные организации Крымского ханства подчинялись цеховым уставам — сулеф-намэ. В этих уставах была четко расписана иерархия, которой строго придерживались. Высшим должностным лицом, головой всех ремесленников города являлся наиб. Как правило, это почетное звание он получал по наследству. У наиба был помощник сер-чешме. Большими полномочиями обладали цеховые старшины, или главные мастера, — уста-баши. Это была высокая и почетная должность, заслужить которую было не так просто. Далее, согласно иерархии, следовал главный подмастерье — усталар или кьалфа-баши. Ему помогал второй подмастерье, или глава молодых учеников, — игит-баши. Ну а самую последнюю ступень занимали ученики — шекирт. В среде ремесленников были люди, которые выполняли функции своеобразных смотрителей и выявляли нарушителей устава — называли их чауши.

Уста-баши и игит-баши руководили приемом учеников и посвящением их в мастера, регулировали размеры производства и цены на продукцию. Все цеха представляли собой наследственную касту и имели многовековую историю. И если же ученик, а тем более подмастерье хотел поменять профессию своих предков на новую, то ему приходилось сталкиваться с большими трудностями.

У каждого из цехов был свой покровитель — ангел, так называемый пир. Так, считалось, что Джибрил покровительствовал пекарям и поварам, пророк Дауд заботился о кузнецах, пророк Ибраим — о строителях, пророк Идрис — о ткачах и т. д.

Подростка начинали приобщать к ремесленному сословию с 10—11 лет. Отныне он отличался от сверстников тем, что звался *шекирдом* — и это была первая ступень в восхождении к вершинам мастерства и признания. Работал такой ученик не бесплатно — ему гарантировалось место за общим обеденным столом рядом с остальными работниками мастерской и самим хозяином. Одним словом, мастер брал на себя заботу о подростке, о его духовном и профессиональном развитии.

Быт мастерской не менялся веками, то есть сохранял патриархальные черты. Отношения были почти семейными, вплоть до того, что накануне пятницы хозяин раздавал своим малолетним помощникам деньги на гостинцы, а более взрослым — материал, из которого они сами могли изготовить что-либо, годившееся на продажу. По вечерам мальчиков отпускали домой с тем, чтобы утром они были на месте к открытию мастерской. Длилось такое обучение три года.

Но этот срок мог и удлиниться — пока мастер не сочтет шекирда готовым представить свою искусность на суд Совета мастеров. Но бывало, что подросток оказывался необычно способным, и тогда его умения оценивали до истечения установленного срока. Собравшиеся на Совете рассматривали готовое изделие, и если оно соответствовало норме, то ученик переходил в подмастерья кьалфы и начинал получать определенное жалованье.

Кьалфа крымских цехов оберегался рядом узаконенных прав. Он, так же как и ученик, должен был служить уста-баши три года, после чего его ждали испытания у своего же мастера. И лишь при благополучном исходе он снова предстал перед Советом мастеров, во главе которого восседали уста-баши соответствующего цеха. По решению Совета кьалфа переходил в мастера. Но этот переход был не полным. Несмотря на то что он мог открыть собственное дело, он не имел права содержать в своей мастерской или лавке учеников или иных помощников. Для того чтобы стать воспитателем, требовалось пройти еще одно просвещение, теперь уже в торжественной обстановке на почитаемом среди ремесленного сословия празднике Реван. А пока новый мастер считался непосвященным, ревансыз.

Этот праздник случался нечасто — лишь тогда, когда с точки зрения уста-башей накапливалось достаточное число мастеров, не прошедших окончательного посвящения. Бывало, что это ожидание могло затянуться на 20 и более лет. Очевидно, таким образом сохранялся баланс между спросом и предложением квалифицированной рабочей силы.

Придерживаясь старинных традиций, главы ремесленных сословий с особым почтением относились к одному из самых ярких праздников крымских татар эпохи Крымского ханства — торжественному дню посвящения в мастера. Реван буквально означал «ищущий высшего звания». На это торжество своим долгом считали прийти мастерские всех цехов города и близлежащих сел и, конечно же, горожане всех сословий. Этот праздник-экзамен был итогом длительного учения и признания мастерства.

К Ревану готовились несколько недель. Будущие уста-баши собирали средства, организовывали угощение для гостей, приглашали музыкантов. На празднество шло около 10 барашков от каждого цеха, шились традиционные шелковые передники — пештималы и закупались платки для подарков.

Торжество начиналось в городе, где сооружался по этому слу-

чаю праздничный навес либо выбиралось помещение, называемое селямлык. Перед входом выстраивались будущие мастера, которые встречали почетных гостей. На них кроме обычной одежды были передники — пештималы, повязанные пока наискось через правое плечо к левому бедру. Последним в селямлык являлся мулла. Он читал молитву, обращенную к святым покровителям ремесел, и только потом все отправлялись за город, к реке, где и должно было происходить главное действие. Туда с почетом везли только наиба, остальные шли пешком. Это было многолюдное и красочное шествие, возглавляемое музыкантами. Здесь прибывших угощали кофе, и только после обеда начиналась торжественная часть посвящения. На центральное место усаживался городской наиб, на левой, почетной стороне от него располагались уста-баши земледельцев, башмачников и так далее до наименее почетного банщика, всего 36 старейшин. Справа ряд начинался с уста-баши кожевенного цеха, затем по убывающей усаживались цирюльники, ткачи и так далее до двух представителей «полуремесел» — костоправов и повивальных бабок. Таким образом, были представлены все 72 ремесла. Тут же стояли знаменосцы, каждый со своим цеховым санджаком-знаменем. Будущие уста-баши стояли в том же порядке стройными рядами.

После всеобщего молебна, который громко читал сер-чешме, из строя мастеров поочередно выходил один человек. Он подходил к наibu и отвечал на ряд традиционных вопросов, после этой церемонии сер-чешмэ шептал испытываемому на ухо древний традиционный завет: «Никогда не закрывай своей двери, никогда не открывай чужой и работай столько, сколько достаточно для твоей жизни». После этого давал знак к целованию руки у наиба, а последний, в свою очередь, опоясывал мастера передником пештималом. По окончании этой довольно долгой церемонии мулла громко читал молитву, после которой каждый из бывших кандидатов считался уже полноправным мастером — реванлы.

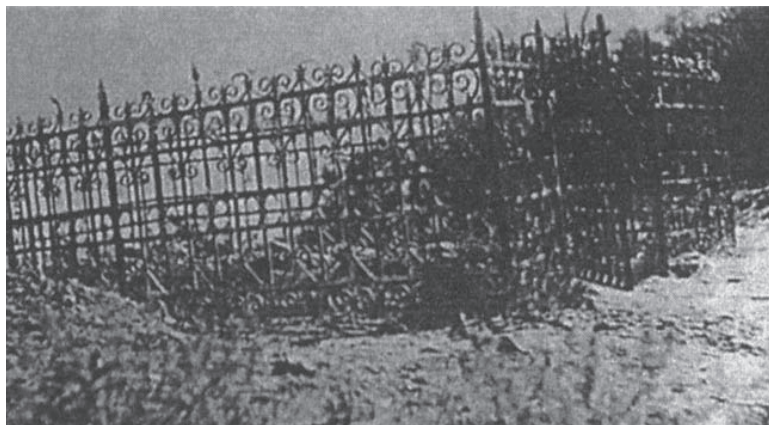
Празднества продолжалось несколько дней. Устраивались скачки, борьба-куреш и танцы.

После окончания праздника мастер уста-баши обладал всеми правами хозяина мастерской. Одновременно он обязывался строго соблюдать многочисленные правила цехового устава. Высокий статус мастера, например, подчеркивался тем, что ему запрещалось выходить из помещения мастерской или лавки в рабочей одежде, даже в переднике. Замеченный в этом нарушении мастер наказыв-

вался штрафом и закрытием мастерской на три дня. Ну а если клиент жаловался на некачественность изделия, то уста-баши, стоявшие на страже доброй славы цеха и его мастеров, могли лишиться виновного звания мастера.

Ремесленники пользовались не только большим уважением среди горожан, но и умели это уважение поддерживать. Очевидно, высокому статусу мастера содействовало и искусственное сдерживание роста квалифицированной рабочей силы, поскольку такое «перепроизводство» могло бы привести к снижению качества изделия. Поэтому в Бахчисарае, например, на 374 мастера приходилось всего 165 подмастерьев — кандидатов на столь высокое звание.

Азиз Кемаль баба

Почти в каждом городе и селении Крымского ханства было место, отмеченное особым почитанием. О таком месте из поколения в поколение говорили азиз – святое. Как правило, оно было связано с деятельностью, а позже – с захоронением правоверного старца, наделенного при жизни божественным даром целителя. Располагалась святыня у объекта природы – родника или реки, в роще, у горы. И ни один мусульманин не позволял себе пройти мимо с непокрытой головой и не вознося краткую благодарственную молитву.

Культ почитания святых мест — азизов был одним из распространенных явлений в Крымском ханстве. Уважаемый в народе старец, обладающий даром провидца и целителя, приходил на помощь именно тогда, когда медицина становилась бессильна. Точнее будет сказать — приходили к нему в дни житейских невзгод, болезней и бед. Получив исцеление при помощи святых молитв и обрядов, страждущие несли славу о чудотворце и месте его аскетического уединения. Обычно это были пещеры, склоны гор, холмов, рощи в отдалении от шумных селений, рядом с источником, освященным божественной благодатью.

Но и после того как целитель переходил в иной мир, о нем не забывали. В народе свято верили, что после смерти старца место его погребения становилось священным и несло исцеление как физическое, так и душевное. Историк Федор Лашков писал: «... Страждущие неизлечимыми болезнями и другие больные с благоговением обходят вокруг гробницы азизов, молятся, кладут лоскутки от своих одежд, преимущественно зеленого или красного цвета, как бы оставляя здесь вместе с ними свои болезни, и в полной уверенности на милость азиза спокойно расходятся» [100, с. 66].

Некоторых азизов почитали так давно, что нельзя было с уверенностью сказать, был ли здесь действительно кто-то похоронен. Так, азиз Малек Аштера, находившийся в предместье Бахчисарая Эски-Юрте, представлял собой кенотаф — надгробный памятник, не содержащий останков святого. И тем не менее прихожане веровали, что эта символическая могила исцеляет от укуса ядовитых змей и насекомых.

Бесспорно, в ранг крымских азизов мог быть возведен только правочестный мусульманин, который при жизни творил добрые дела, совершил хадж в Мекку, слыл мудрецом. И не только. Это был необычный человек. Он вел аскетический образ жизни и обладал сверхъестественными способностями. Крымские святые были суфиями, посвященными в таинства наивысшего знания. Они обладали необычайным даром ясновидения, полученным в результате многолетних тренировок, обучений и медитации. Они умели врачевать, заговаривать, левитировать, находить клады, видеть на расстоянии. Им, например, ничего не стоило «заказывать» хорошую погоду на необходимый день. Они постоянно совершенствовались и развивали свои способности. Жили в единении с Природой и черпали у нее свои силы, почитали древние традиции, пробуждали, развивали свой дух, раскрывали способности, учились понимать мир.

Многие из них при жизни помогали своим прихожанам, а те после их смерти не забывали, почитали как святых. Другие проявляли себя после перехода в иной мир. Были случаи, когда замечали на могиле зеленое свечение (нур) или возле нее происходило исцеление больного человека — это был верный знак: здесь лежит святой человек, азиз — посредник между Аллахом и человеком.

Новость об азизе разлеталась мгновенно по всей округе, и к его могиле спешили жаждущие исцеления от различных недугов, телесных и душевных.

Как правило, захоронение святого старца было отмечено башташем (надгробием), увенчанным зеленым значком-алемом. Отныне святыня входила в реестр вакуфных земель, огораживалась, а вся округа объявлялась «священной» и неприкосновенной территорией, где запрещалось вести всякую хозяйственную деятельность. Теперь здесь звучали лишь молитвы и просьбы к Аллаху.

Почитали святыни не только правоверные мусульмане, сюда стремились попасть проживавшие в Крымском ханстве христиане и иудеи.

Азиз был открыт для каждого желающего, к нему приходили без ограничений в любое время. Но особенно чтились дни в определенный месяц, либо в день рождения святого. Примечательно, что среди крымских азизов были и такие посещения (зийара), которые приравнивались к малому хаджу в Мекку (умра).

Страждущие совершали ритуальное омовение, читали рядом с азизом суры из Корана, в молитвах обращались с просьбами к святому. По старой традиции (которая встречается у многих народов мира) после молитвы к ветвям растущего рядом со святыней дерева привязывались лоскутки зеленой или красной материи от одежды просителя; считалось, что вместе с этим своеобразным жертвоприношением больного покинут все мучавшие его недуги. Лоскутки материи, а также другие мелкие дары, например, монетки, иногда оставляли прямо у могилы, а если объектом поклонения был родник при могиле, то жертвенные монетки кидали в воду. С собой паломники уносили горсть земли, считавшуюся целебной, наполняли сосуды живительной водой, освещали детские бусы от сглаза.

При некоторых азизах существовали медресе и обитель дервишей — текие, служители которых ухаживали за могилой. На пожертвования исцелившихся прихожан воздвигались над могилой величественные дюрбе. А поблизости строились дома для паломников, пришедших издалека. Пожить возле азиза и выпить царив-

шую в святом месте атмосферу считалось благим делом. И надо сказать — полезным, ведь многие азизы располагались в долинах рек, ущелий, балок и пещер. Эти зоны и сегодня благотворно влияют на самочувствие, настроение и, возможно, на здоровье человека. А молитвы, которые читались в этих местах на протяжении столетий, довершали святость места. Конечно же, целители не случайно выбирали места для своего аскетического уединения. Они знали о благоприятных свойствах некоторых географических мест крымского полуострова.

Примечательно, что если рядом с азизом находилась роща, то она являлась священной — как в случае с азизом Салгир Баба, похороненным в дубовой роще, в пригороде Акмеджита, у реки. А если же азиз был погребен на вершине горы, то гора становилась местом обитания священного духа. Наиболее яркий пример — гора «Азиз» в горном массиве Карадага, на вершине которой покоится святой Кемаль Баба.

Последнее пристанище Азиз мог найти и в пещере, как Кырк-Азиз в деревне Каяста. Надеялись чудодейственными, целительными свойствами родники. Так, местом паломничества стал источник Саглы-су азиз в живописном ущелье между Бабугъан яйлой и хребтом Синап дъаг у Алушты; считалось, что он бьет прямо из могилы нашедшего здесь некогда вечный покой святого. Известны случаи, когда объектом религиозного почитания у крымских татар выступали такие творения природы, как Мойнакское озеро у Кезлева. Здесь жил и лечил людей святой старец Мойнак Баба.

В крымской религиозной природоохранной культуре комплексно выделяются природные объекты. Чаше сакральный природный комплекс включал в себя две составляющие: источник-дерево, источник-гора, источник-пещера. И всегда центральным ядром выступал источник как основа жизни в засушливых крымских горах.

Крымские азизы были всегда окутаны аурой неизвестности, творили чудеса исцеления, объяснить которые просто не под силу.

Сегодня нельзя назвать точное число азизов, которые действовали в Крыму, так как не все они имели одинаковое значение. В некоторых источниках приводится список численностью 140 азиза. Среди них наиболее известные — Къыркъ Азиз, Салгир Баба, Инкерман Азиз, Малик Аштер Азиз, Газъы Мансур, Эскендер-Деде Азиз или Къарлы Азиз, Сагълык-Су Азиз, Гурзуф Азиз, Мойнак Азиз, Кемаль Баба Азиз и Къурт Деде Азиз.

С распадом Крымского ханства к азизам по-прежнему стекались

толпы страждущих. И сегодня крымские святыни не утратили своей силы. Имена многих из них затерялись в веках, а жизненный путь оброс преданиями и легендами. Но все они вошли в историю своего народа благодаря своим деяниям, были чтимы за благочестие, праведность, богоугодность, посредничество между Богом и людьми. В их целебную силу веровали, и вера приносила избавление от недугов. Среди прихожан нередко были и представители ханской семьи Гираев, которые всячески оказывали поддержку азизу, а взамен получали покровительство целителя.

Священные или святые места, как бы они ни назывались, окутаны аурой таинственности и творят чудеса, объяснить которые человеку не под силу. Так, невозможно объяснить явление одной из почитаемых святынь в ханстве Къыркъ азиз, находившейся в пещере близ деревни Каясты между городами Карасубазаром и Акмеджитом. Сюда стремились попасть с надеждой на исцеление от многих болезней, но особенно святыня помогала больным, страдавшим психическими расстройствами, и приносила им душевное успокоение.

По преданию, в этой пещере было погребено сразу сорок мучеников, принявших насильственную смерть от рук неверных во время намаза. Над их могилой был сооружен большой саркофаг, увенчанный алемом. Подле святыни всегда горела лампада, а смотритель, проживавший здесь же, ежедневно возжигал амбру и алоэ, проводил время в чтении Корана и молился за тех, кто здесь покоился. Почти сразу же это погребение вошло в крымскотатарский пантеон святых.

А вот целителя суфия из Акмеджита еще при жизни почитали как святого. В конце XVII века слава о нем распространилась не только в Крымском ханстве, но и за его пределами. Однако сегодня вряд ли кто уже вспомнит его настоящее имя, со временем слившееся с именем реки, у которой он жил.

По некоторым источникам, азиз Салгир баба происходил из рода могущественных шейхов. В молодости, увлекшись идеями суфизма, он принял аскетический образ жизни. Местом своего уединения, раздумий и молитв он избрал дубовую рощу, раскинувшуюся на высоком берегу полноводной реки. К тому времени это место уже почиталось как святое, о нем еще в XVII веке упоминал османский путешественник Эвлия Челеби, отмечая, что ранее оно было излюбленным местом отдыха ханской семьи. Здесь Салгир баба предавался молитвам и изучению медицины, и вскоре слава о его

способностях экима распространилась по всему ханству. Толпы страждущих стремились попасть к нему, желая избавиться от недугов при помощи священных молитв, снадобий и целебной воды из родника возле обители суфий. Среди паломников нередко встречались и представители аристократии. Сами крымские ханы пользовались услугами народного целителя, осыпая его щедрыми дарами.

Все заработанные деньги суфий раздавал людям, проживающим у реки, по берегу которой он часто путешествовал, вследствие чего и прозван был отцом Салгира, покровителем страждущих. Что касается имени святого, нужно отметить, что у этого человека знатного происхождения было несколько имен. К сожалению, история донесла до нас лишь одно, слившееся с гидронимом — названием реки Салгир.

Святой старец погиб в 1736 году, когда российские войска под командованием фельдмаршала Миниха вторглись в пределы Крымского ханства. Легенда гласит: «Когда гяуры напали на Акмеджит, Салгир баба, не двигаясь с места, молился Богу, в то время один из разбойников лишил его жизни». Суфий был похоронен там, где завещал сам — в дубовой роще на склоне реки, носящей одно с ним имя.

Позже благодарные потомки соорудили над его могилой гробницу, оградил ее со всех сторон высокой каменной стеной и покрыли зеленым дощатым навесом. При могиле постоянно находился афуз — человек, посвятивший себя службе в мечетях и при могилах мусульманских праведников. Захоронение и живительный источник стали местом поклонения жителей Крымского ханства, а со временем и верующих из других стран, независимо от конфессиональной принадлежности. Многие стремились попасть к Салгир баба, желая избавления от болезней с помощью молитв, а также целебной воды из родника, появившегося возле места, где жил суфий. Чаще всего сюда приходили женщины, которые долго не могли иметь детей.

Азиз Саглы-су у Алушты, азиз в Корбекуле, Инкерман азиз, праведник Эскендер баба, известный как Къарлы азиз у села Отарчик, — все они располагались в месте выхода карстовых вод и были связаны с целебными источниками.

Как и во многих средневековых городах и селениях Крымского ханства, был свой святой и в Кезлеве, имя его в народе было Мойнакъ азиз. Возможно, именно его именем и стали называть удивительное по своему составу озеро. В каком веке жил почтенный ста-

рец, сказать трудно, но известно одно: этот человек почитался среди крымских татар как хороший врач и народный целитель, знающий множество молитв. Именно к нему шли люди, дабы избавиться от различных недугов. Но особенно он помогал больным, страдающим различными кожными заболеваниями. На берегу большого лечебного озера со специфическим запахом сероводорода, в отдалении от крепостной стены старого Кезлева сама природа способствовала его врачебельской деятельности, где он и принимал своих посетителей.

Здесь же, на берегу Мойнакского озера, он и был погребен после смерти. Над могилой Мойнакъ азиза возвышалось дюрбе, при котором жил смотритель, принимающий паломников и следивший за порядком. Имея постоянного смотрителя, святое место оставалось в ведении кезлевского шейха, главы ордена Мевлеви, а со временем могила азиза перешла в реестр вакуфных земель. После аннексии Крымского ханства дюрбе разделило участь большинства сакральных и архитектурных памятников, принадлежавших к национальному и культурному наследию крымских татар. Оно было безжалостно разрушено и больше никогда не восстанавливалось в прежнем величии.

Однако прихожане, верующие в чудодейственную силу святого, по-прежнему посещали место его погребения, а со временем вакуфное ведомство все же сумело возвести над могилой баш таш и огородить его стеной. Приходя к святыне, паломники оставляли на могиле не только лоскутки своих одежд, веруя, что после этого их покинет недуг, но, что характерно именно для Момакъ азиза, оставляли камни. Со временем над могилой выросла целая гряда камней. В определенный период зийара (время посещения) прихожане сходились к могиле, и, совершив полное ритуальное омовение (аб-дез) в озере, устраивали общую молитву.

Кроме святого Мойнакъ азиза в Кезлеве на территории тепе дервишей был погребен благочестивый шейх ордена Мевлеви Атеш-Деде. Его могила находилась у северной стены. Недалеко от Кезлева в селе Бай-Къыят в народе сохранилась легенда о трех святых, а в селе Айдар-Гъазы было прекрасное дюрбе неизвестного азиза, рядом с ним пробивался родник с целительной водой, здесь останавливались путники испить святую воду, напоить уставшую лошадь или верблюда, помолиться Аллаху и попросить легкой дороги и здоровья.

Четвертое по значимости из восьми наиболее почитаемых свя-

тых мест крымских татар находилось в Гурзуфе. Здесь жил праведник и аскет, он творил молитвы и почитался среди гурзуфских татар как святой. Он прожил достойную и долгую жизнь и был погребен со всеми почестями благоверного мусульманина. Его могила, украшенная мраморным надгробием, находилась на старом крымскотатарском кладбище недалеко по дороге в имение Суук-Су. К сожалению, история не сохранила нам его настоящего имени, и в летопись крымскотатарских святых он вошел как Гурзуф азиз.

В отличие от остальных азизов он обнаружил свою целебную силу уже после погребения. Несколько человек были свидетелями того, как по ночам на кладбище над его могилой у векового фишашкового дерева мерцал зеленый свет. Это стало первой причиной того, что к могиле стали относиться с особым вниманием. Но азиз продолжал оставаться в забвении до тех пор, пока о нем не заговорил бахчисарайский шейх из дервишеского ордена последователей тариката Накшбенди. Рядом был выстроен молельный домик, где отныне постоянно находился дервиш, содержащийся на средства местного мусульманского прихода и следивший за порядком, а также принимавший прихожан, страдавших нервными расстройствами. Вскоре на ветках векового фишашкового дерева появилось большое количество цветных лоскутов, оставленных паломниками, верующими в целительную силу Гурзуф азиза.

Были в ханстве и могилы святых, чья история уходит в эпоху раннего халифата. Это в первую очередь Малик-Аштер — реальная историческая фигура. Он был соратником праведного халифа Али и, как гласит предание, первым проповедником ислама в крымских землях. Народная молва говорит о том, что святой погребен в Эски-Юрте, но на самом деле его могила находится далеко за пределами Крыма, на Синайском полуострове в Египте. Азиз находился у мечети-текие на территории одного из крупнейших суфийских центров в Крыму, существовавших с XIV века.

Азиз Малик-Аштера в Эски-Юрте был популярным местом паломничества. Помимо суфийских церемоний здесь проводились общественные богослужения по случаю религиозных праздников, молебны об исцелении больных. Крымские мусульмане верили, что молитва на азиз Малик-Аштера спасает от укуса змеи.

Соратником Малик-Аштера был и святой шейх Газы Мансур, по преданию погибший в Крыму и погребенный близ ханской резиденции Къыр-Ера. При первом крымском хане Хаджи Гирае над могилой азиза было возведено новое дюрбе, а рядом текие дерви-

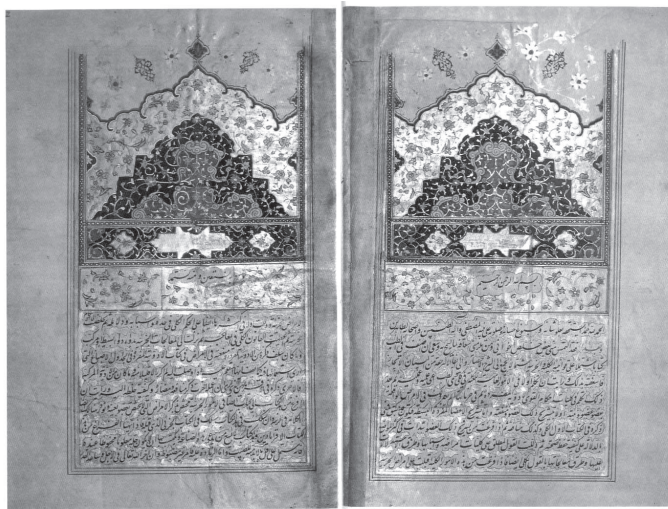

шей. Некогда сюда к святыне ислама устремлялись вереницы паломников со всех уголков Крымского ханства.

Конечно же, нельзя обойти вниманием святого, нашедшего вечное пристанище в одном из прекраснейших мест Крыма, на вершине горного массива Карадаг. Это был азиз Кемаль баба, а место его погребения якобы обладало свойством исцелять любые недуги. При жизни Кемаль баба слыл очень мудрым и честным человеком. За свою долгую жизнь он побывал во многих странах, видел Мекку и Стамбул, владел языками, наизусть читал и толковал Коран. В конце своего жизненного пути он поселился в деревушке Отузы. Здесь он принимал людей и молитвами помогал им избавляться от болезней. Старец завещал похоронить себя на горе у родника и предрекал, что и после смерти будет помогать людям. Люди стали замечать зеленоватый свет на могиле праведника, и Кемаль баба был объявлен азизом, а гору с тех пор стали называть Азиз (Святая). Со всех концов Крыма сюда съезжались больные люди. У подножия горы был своеобразный привал. Считалось, что если больной переночует вблизи святыни, Кемаль баба придет к нему во сне объяснит причину болезни и назовет средство ее лечения.

Недалеко от Карадага располагается гора Папас-Тепе, где находился азиз Курд-деде. Как правило, к нему приходили женщины, которые хотели вернуть утраченную любовь.

Конечно, всех азизов, которые были в Крымском ханстве, перечислить трудно. Ведь почти в каждом городе, селе и деревне находился свой покровитель, возведенный в ранг святых. Иногда их было несколько, и у каждого была своя история.

Медицинский трактат Ибн Сины

Признак сильного государства – это здоровая нация, физический, духовно-нравственный и интеллектуальный потенциал. А еще экономические возможности и обороноспособность страны. Всё это хорошо понимали и наши предки, жившие в эпоху Крымского ханства. Наверное, поэтому широкое распространение в государстве Гираев имели медицина и здравоохранение.

Будущие врачи Крыма получали образование в престижных медресе, как местных, так и зарубежных. И вообще врачебная наука здесь шла в ногу с просвещением исламского мира, находясь на уровне нередко выше европейского. Также в ханстве никогда не забывали о наследии народных врачей-целителей. Крымские татары были убеждены, что справляться с недугами им помогут природные лекарства.

При крымском дворе жили лучшие медики, наблюдавшие и лечившие ханскую семью согласно последним достижениям тогдашней науки. Врачи пользовались непререкаемым авторитетом, и к ним при надобности стремилась столичная элита. Как правило, все они были местными, а врачебная практика порой переходила из поколения в поколение, образуя целые династии врачей.

Ученые мужи совершенствовали свои знания, пользовались не только фундаментальным трудом «Каноном врачебной науки» великого Али ибн Сины, но и другими восточными и европейскими трудами. Например, они были хорошо знакомы с принципами врачевания немецкого ученого XVI столетия Парацельса. Другими словами, придворные врачи подходили грамотно к возложенной на них миссии. Конечно же, не обходилось без исключения, и при ханском дворе практиковали иностранные медики. Так, около 1724 года первым врачом при ханах Саадете Гирае III и Менгли Гирае II был Ксаверио Главани.

Нужно отметить, что почти в каждом городе Крымского ханства практиковали врачи. Они, как и придворные медики, пользовались научными трудами, ставшими настоящим достоянием. В Крыму наибольшей популярностью пользовались две книги, переведенные османским фармакологом и знатоком европейской науки Омером Шифаи: «Новая химическая медицина» (*Тыбб-и джедид-и кимьяи*) и «Метод лечения по врачебной химии» (*Минхадж-уш-шифаи фи тыбби кимьяи*). Эти труды из всего научного наследия врача Парацельса были наиболее популярными на Востоке.

Но если на протяжении столетий ханскую семью и придворных сановников продолжали лечить образованные лейб-медики, опираясь на труды ар-Рази, ибн Сины, ибн Рушда, Парацельса и многих других, то основная масса крымских татар жила и лечилась по-старинке. В случае нужды они прибегали к помощи врачей-специалистов, которые были приверженцами иной, не менее сложной медицинской теоретически-практической системы, которую принято называть народной.

Крымскотатарская традиционная медицина имела свою основную концепцию, суть которой заключалась в *предотвращении* заболеваний. На службу этому принципу ставились гигиена, здоровая пища, регулярное и умеренное питание, а также постоянные физические нагрузки, закаливание, поездки в местности, славящиеся благотворным климатом, водами и другими курортными достоинствами. Если же заболевания не удавалось избежать, то при лече-

нии предпочтение отдавалось таким щадящим средствам народной медицины, как травяные препараты, водные и грязевые процедуры, использование воды целебных источников и так далее. В число лечебных средств входили даже фрукты и некоторые овощи.

Свою славу крымские курорты получили еще в ханский период. Так, известно, что в конце XVI— начале XVII века одним из богатых природными лечебными ресурсами считался курорт у города Кырыма (Солхата). О нем красноречиво сообщает в своем «Описании Черного моря и Татарии» д'Асколи. Вот что он пишет: «В окрестностях этого города произрастают душистые цветы и целебные травы. Ежегодно от весны и до июля здесь бывает большой съезд со всех концов Татарии для пользования ваннами из горячей воды с цветами и травами, исцеляющими человека от многих недугов» [37, с. 106].

Еще одним источником здоровья и благополучия являлось грязелечение. С XVII века в небольшую крымскотатарскую деревушку Тузлы, расположенную в выжженной солнцем степи на западе полуострова, ехали со всего Крыма за исцелением. Здесь находилось соленое озеро, а целебные свойства ила на его дне издавна были известны местным жителям. Очень скоро деревню переименоуют в Сагь. Здесь была устроена настоящая сезонная лечебница, скромная по размерам, но зато со всем необходимым для такого лечения оборудованием, с подвозом больших и навесами. Работали эти лечебницы с 20 июля по 1 сентября. Нередко грязелечебницу посещали и высокопоставленные особы. Методика пользования местными грязями была разработана крымскотатарскими медиками, очевидно, на основе опыта столь длительного и проверенного, что его можно было бы считать вполне научным.

Минеральные воды многочисленных целебных родников полуострова также пользовались большой популярностью среди жителей Крымского ханства. Одним из таких источников был и остается Савлук-Су у истоков реки Альмы. Он посещался как крымскими татарами, так и христианами. К нему добирались с Южного берега через деревню Корбек, поднимаясь затем на яйлу и двигаясь к Чучельскому перевалу. Раз в году 1 июля сюда устремлялись толпы паломников. Местные жители верили, что именно в этот день воды источника особенно целебны, как и молитва у подножья древней Чучели. Очевидно, оказывала свое воздействие и эта вера, и купание, и потребление воды. Не менее посещаемым был другой целебный источник в деревне Топлы близ Солхата, его температура круглый год неизменно равнялась + 15 °С.

Большой популярностью пользовались народные целители, которые нередко после смерти возводились в ранг святых — азизов.

Традиционная крымскотатарская медицина предписывала довольно раннее закаливание детей, что в совокупности с регулярными физическими упражнениями давало неплохие результаты. Как сообщал анонимный турецкий путешественник середины XVIII века, «татары легко переносят стужу и зной и купают детей в соленой воде, чтобы приучить их к перенесению холода. Уже в 12 лет дети начинают упражняться в военном ремесле... [отчего] эти татары чрезвычайно поворотливы» [18, с. 52].

О традиционной национальной гигиене в XVII веке писал и Гийом Боплан: «Когда дети еще маленькие, их матери заботливо купают их ежедневно в воде, где растворена соль». В результате детская смертность в Крыму снижалась, а из таких подростков вырастали «смелые и выносливые воины, которые не поддаются усталости, легко переносят зимнюю непогоду» [18, с. 53].

Говоря о национальной гигиене, следует учесть, что кроме поддержания личной чистоты и повсеместной практики закаливания огромную роль в здоровье народа играла чистота улиц, площадей, помещений для скота. В Крыму были практически неизвестны такие инфекционные заболевания, как оспа, тиф, детская дизентерия. Не знали о таком явлении, как клопы, и не страдали от других насекомых-паразитов. И это благодаря личной гигиене, а не природе или климату.

Лекарства использовались в основном растительного происхождения. Их производили лекари, которые профессионально изготавливали медикаменты на химической основе. Они были доступны в продаже, и каждый мог их приобрести.

Конечно же, случались в ханстве и эпидемии, сводившие в могилу сотни крымских татар. Но редкие распространения инфекционного заболевания быстро проходили. Следует отметить, что среди крымцев была распространена хроническая болезнь — ревматизм, и предрасположение к этому заболеванию связано в первую очередь с климатом.

Медицина — как народная, так и научная — была эффективна не только по причине профессионализма врачей. Разнообразные средства оказывали благотворное действие и оттого, что использовались вкупе с размеренным, здоровым питанием и гигиеной, соблюдаемой во *всех* социальных слоях.

Многие европейские путешественники, посетившие Крым в

XVII и XVIII веках, в один голос говорили, что крымские татары отличались несокрушимым здоровьем и были долгожителями, а еще, как отмечал Сумароков, среди них почти не было людей с физическими дефектами. О том, что крымские татары были на редкость здоровым народом, столетием ранее писал и Эвлия Челеби. Османский путешественник несколько раз упоминал и имена искусных ученых-врачей. Например, в середине XVII столетия в Кезлеве проживали известные в те времена лекари Алиша мурза и Давуд-агъа, их коллегами в Бахчисарае были Эбу Ахмед агъа, Алп Акай и ханский хирург Деде Масум.

Возможно, на физическом состоянии крымских татар ханского периода благотворно сказывалось общепризнанное спокойное и уравновешенное состояние души.

Дом в Бахчисарае

Планировка крымскотатарского жилья в ханский период, его технические приемы и строительный материал всегда были связаны с особенностями природы и рельефа той местности, где возводились дома. Тип крымскотатарского жилья складывался под влиянием культурно-исторических традиций народа. В Крыму при сходных природных условиях можно было встретить как разные формы поселений, так и разные типы жилища, что прежде всего связано с особенностями формирования каждой группы крымских татар.

Своему жилью крымские татары всегда уделяли особое внимание. Главным приоритетом был крепкий и уютный дом, настоящая маленькая крепость, где бы он ни располагался: в степи, в горах или на берегу. С образованием крымскотатарской государственности окончательно оформились определенные черты и стандарты национального жилья.

Примечательно, что дома коренного населения ханства в зависимости от региона проживания отличались друг от друга. И это отличие прежде всего было связано с тем, чьими потомками являлись крымские татары: эллинов или геноуэзцев, кыпчаков или готов. Одним словом, на облик дома влиял ландшафт и климат региона. Конечно же, были и общие черты, которые объединяли все типы крымскотатарского жилья, связанные прежде всего с общекультурным обликом народа, с бытом, духовной и материальной культурой, сложившейся к моменту образования Крымского ханства. Одной из связывающих черт была изолированность домов от улицы.

В общекрымской архитектуре присутствовала некая замкнутость. В городах или селениях ханства, там, где площадь позволяла иметь двор, дома были окружены высокими заборами — дувалами, за которые попасть можно было через калитку в стене. Пространство двора было свободным и, как правило, мостились каменными плитами. Однако глухие заборы не были обязательной принадлежностью всех культурных регионов ханства. Например, в Эски Къырыми и Карасубазаре ограды строились низкими, а на Южном берегу, где не было возможности иметь двор, забор и вовсе отсутствовал. Но общим для всех оставалось то, что вход в дом все равно вел не с улицы. Не принято было иметь и окон с уличной стороны.

Дома и дворы города или крупных сел складывались в маалле — кварталы или районы, которые имели четко очерченные границы. В каждой маалле была своя мечеть и мектеб для детей. Как правило, в центре такого района находилась небольшая площадь и фонтан-чешме.

Система маалле играла важную роль в административно-хозяйственной, духовно-религиозной и просвещенческой организации городской или сельской жизни. Жители одной маалле представляли общину, вся жизнь которой проходила на глазах у всех. Поэтому отважиться на нарушение традиций, неписаных норм поведения, не говоря уже о конкретных правилах крымскотатарского этикета или шариата, было нелегко. Напротив, заслужить всеобщее уважение и авторитет среди членов маалле являлось делом чести.

И тем не менее жилища крымских татар в трех наиболее крупных регионах Крымского ханства имели свои традиционные и индивидуальные черты.

Так, степные жители, в отличие от горных или прибрежных, были вынуждены подстраиваться под климатические условия региона из-за постоянных холодных ветров в зимнее время года. Свои дома они, как правило, почти всегда ориентировали глухой стороной на север. Из тех же соображений дома степного типа, даже сравнительно богатые и большие по площади, были одноэтажными. Строительным материалом служил либо саман — необожженный кирпич из смеси глины с большим количеством соломы, что делало дома прочными и теплыми, либо местный строительный камень — ракушечник. Главная задача заключалась в сохранении внутри дома комфортной температуры.

Для степных деревень были характерны высокие заборы, они давали защиту от ветра. Дома располагались в глубине двора, вдали от ворот. Крыши делались двускатными и покрывались черепицей. Двери изготавливались из досок и снабжались коваными петлями, ручками, запорами, украшенными орнаментом или чеканкой. А в зажиточных и городских домах дверные полотна украшались резьбой. Важно отметить, что большое внимание крымские татары издревле проявляли к побелке своего жилья, так как считалось делом чести содержать свой дом в чистоте. Для этого всегда использовалась известь, которую покупали или выменивали на шерсть или зерно. Поэтому степные (и не только степные) крымскотатарские деревни благодаря ослепительной белизне своих фасадов были видны за много километров в любое время года.

В отличие от степного района в горах и предгорьях участки были сравнительно меньше, но дворы еще достаточно просторны для того, чтобы свободно разместить в них дом, сад с огородом и хозяйственные постройки. Как правило, двор в данном регионе состоял из двух частей и, если он стоял на склоне, то находился на разных уровнях. Верхний чаще всего представлял собой сад с увитой виноградной лозой беседкой и цветочными клумбами. Здесь же находился колодец или чешме. А вот дом и прочие постройки располагались в нижнем дворе.

Дома в предгорном регионе строились в два этажа с четырехскатной крышей, покрытой черепицей, изготовленной из местных глин. Они были из камня с довольно толстыми, порой доходившими до метра стенами. Из кухни-прихожей в средней части фасада

дверь вела в жилые комнаты, а справа имелось помещение для хозяйственных нужд, где устраивали малый очаг для варки бекмеса, ставили виноградный пресс, хранили зерно, кадки с соленьями, подвешивали вяленое мясо, держали сушеные фрукты и овощи в корзинах и так далее.

Примечательно, что второй этаж мог быть выстроен как из камня (но уже стены его не были такими массивными, как у первого), так и из дерева, покрытого толстым слоем штукатурки. Как правило, на втором этаже были две изолированные комнаты, двери которых вели на веранду, находившуюся над главным входом и служившую одновременно навесом. Чаще второй этаж использовался под жилье только с весны по осень, так как он редко имел печь. В случае же необходимости его отапливали переносными жаровнями с древесным углем.

Просторная веранда была непременной частью дома. Она шла во всю длину фасада, иногда огибая дом с двух, а то и трех сторон. Летом семья проводила здесь большую часть времени: здесь отдыхали после трудового дня мужчины, курили трубки, пили кофе, беседовали с зашедшим соседом, а женщины ткали и вышивали. И это уже не говоря о том, что летними ночами здесь могла спать вся семья.

Еще одной особенностью горно-предгорной зоны были дома в области бывшего расселения готов, в верхних частях долин Бельбека и Качи, выстроенные якобы без единого гвоздя. Эти дома, называвшиеся чатма ёв, строились из толстых дубовых прямоугольных досок. Встречались они не только в горах, но и в самом Бахчисарае (маалле Сырлы-Чешмэ), деревнях Буюк-Озенбаш, Кючук-Озенбаш, Коккоз. Такой сруб возводился на каменном фундаменте с высоким цокольным этажом.

И лишь в некоторых горных селах преобладали одноэтажные строения.

Издали горные дома выглядели не такими массивными, как вблизи. Очевидно, этому содействовали общие изящные очертания стен и крыш, их традиционные пропорции, не менявшиеся веками.

В предгорной зоне имелись села, где дома соединяли в себе два типа архитектуры — горный и степной. Так было в окрестностях Карасубазара.

Что касается Южного берега, то архитектура здесь целиком подчинялась рельефу местности и мало напоминала какой-либо из вышеперечисленных типов.

Южнобережные деревни располагались на склонах плодород-

ных долин, приобретая форму живописного амфитеатра, вытянутого вдоль течения речки.

Все огороды местных жителей находились вне деревни, на свободных площадках. Это же можно сказать о садах, виноградниках и табачных плантациях. Что касается улиц, то в некоторых селениях их почти не было. Вместо них имелись кривые каменные лестницы в узких промежутках между двухэтажными домами, которые возвышались один над другим, образуя по склону ущелья сплошную многоярусную постройку. Особый местный колорит придавали всему селению галереи или даже комнаты на консолях, а самим постройкам они добавляли легкость и объемность.

Кровли здесь делали плоскими с тем, чтобы они могли служить одновременно и двором. Кстати, не исключено, что такие условия повлияли на сравнительно большую свободу в повседневном быту южнобережных женщин. Дело в том, что тут более или менее полное женское уединение было попросту невозможным, и приморские жители махнули на него рукой гораздо раньше, чем горожане...

Что касается планировки и внутреннего убранства крымскотатарского дома, то в целом они имели довольно схожие черты и соответствовали общим эстетическим и бытовым принципам. И лишь незначительные элементы делали непохожими дом ногайского татарина и жителя предгорного района или же наоборот — объединяли в схожих деталях с южнобережным.

Традиционно вход в дом вел в небольшой коридор, в котором был очаг с вытяжной трубой. В степных районах очаг представлял собой обычную плиту, тогда как в горах он имел форму камина. Слева за очагом дверь вела в просторную комнату конак, или ода. Примечательно, что в ногайских домах планировка комнат была вытянута в обе стороны, влево и вправо от небольшого входного коридорчика, разделявшего мужскую и женскую половины. Комнат в крымскотатарском доме могло быть от 2 до 5 и более. Меблировка зависела от благосостояния семьи. В гостиных и жилых комнатах часто устраивались ниши, в которых могли помещаться полка с книгами, вазами и другой утварью. Повсеместно использовались стенные шкафы. Одни предназначались для одежды, другие для посуды. Обязательным для всех крымских татар было наличие низкого круглого столика — кьона или софра. На него ставили еду и традиционный кофе. Иногда имелись и более высокие многоугольные столики курсе, как правило, резные или инкрустированные. Ни

один крымскотатарский дом не обходился без маленького огороженного чуланчика для омовения или купанья, который устраивался в одном из углов комнаты с очагом.

В богатых домах степной части важной составляющей был деревянный потолок с традиционным растительный орнаментом. Отличием южнобережного дома была стенная роспись маслом по шлифованной или крашеной доске. Мотивы были растительные.

Богатые дома строились согласно тем же стилевым принципам, что и дома среднего достатка. Различием было только то, что при постройке особняка использовался более богатый набор архитектурных деталей, что и в рядовых домах той же маалле, того же села или города. Такие дома строились только двухэтажными. В богатых крымскотатарских домах иным было и предназначение этажей. Нижний служил для жилья и некоторых хозяйственных нужд, тогда как весь второй этаж был парадным. Здесь стояла лучшая мебель, расстилались лучшие ковры, а на полках сверкала великолепная чеканная медь. Здесь же находились стенные шкафы из ореха или можжевельного дерева, а каминные облицовывались мрамором.

Освещение было также более щедрым, чем в обычных домах. Устраивался двойной ряд окон, нижние были большего размера и забраны деревянными решетками, верхние — поменьше, часто в них вставляли разноцветные стекла.

Что касается крымскотатарских городов, то, несмотря на высокие заборы, отсутствие уличных окон, замкнутость кварталов, это никак не влияло на общение. Дворы, несмотря на внешнюю изолированность один от другого, между собой были соединены калитками, что позволяло женщинам одного маалле ходить к друг к другу в гости, не выходя на улицу. Наличие и частое использование таких калиток говорит о крайней общительности крымскотатарских женщин. Более того, посредством таких калиток через дворы можно было обойти целый квартал. Одним словом, город был пронизуем — но исключительно для своего населения. Он жил и функционировал как живой организм, отличаясь от любого города западного образца.

Оживление царило и на городских улицах. Торговцы разносили выпечку и сладости, работали мастерские, лавки и кофейни, всегда заполненные посетителями. У уличного фонтана шли нескончаемые беседы между постоянно сменявшимися собеседницами, а старики многие часы проводили близ мечети. Одним словом, улица было всегда оживлена. Это было место общения и обмена свежими новостями.

ТРАГИЧЕСКАЯ ДАТА КРЫМСКОГО ХАНСТВА, ИЛИ ОПЕРАЦИЯ «КРЫМ»

Османский султан Абдул-Хамид I

8 апреля 1783 года манифестом Российской империи было объявлено, что «полуостров крымский, Тамань и вся кубанская сторона приняты под российскую державу». Сразу же после подписания документа ко всем иностранным дворам были отправлены официальные обращения российской императрицы Екатерины II.

По сути, это были оправдательные послания, в которых говорилось о якобы «вынужденной мере – приобретении Крыма». Ноты с ответом не заставили себя долго ждать. Ни одно из европейских государств не выразило добрых пожеланий в связи с аннексией Крымского ханства. Ведь современники тех лет прекрасно были осведомлены, каким путем все это осуществлялось.

Впервые идея о ликвидации ханства и присоединении новых земель к России прозвучала в 1762 году. Именно тогда канцлер граф Михаил Воронцов преподнес царице проект под названием «Записки о Малой Татарии». В проекте он подробно изложил, какую выгоду извлечет Россия, окажется ханство в составе империи. Предложение взяли во внимание. А спустя шесть лет приступили к его осуществлению.

В 1768 году Россия вторжением в пределы Крымского ханства спровоцировала международный конфликт, который вылился в войну между зачинщицей, Османской империей и Крымским ханством. После смерти в 1769 году талантливого полководца Крыма Гирая хана крымскотатарская держава вступила в полосу неприятностей. Она заметно сдала свои позиции, особенно после побед российских войск при Ларге, Кагуле и Бендерах в 1770 году.

Еще перед самым началом военных действий Екатерина II пишет главнокомандующему 2-й армии Петру Панину о том, что желает склонить крымскотатарский народ к отказу от османского влияния и привести в подданство России. Но эта идея потерпела полное фиаско. Крымские татары не желали становиться российскими подданными.

В Петербурге приняли решение переходить к силовому методу покорения. Но для этого следовало отвлечь внимание противника. И российская сторона предложила османскому правительству начать мирные переговоры. Порты не стремилась вести затяжную войну и дала свое согласие. Пока летом 1772 года шла подготовка к переговорам в выбранном сторонами городе Фокшаны, российское правительство готовилось заключить договор с крымским ханом. Согласно этому документу ханство официально было бы объявлено независимой державой. И тогда в Фокшанах туркам бы поневоле пришлось признать независимость Крымского ханства. Что же касается мнения самих жителей ханства, то оно, естественно, не учитывалось.

В срочном порядке на полуостров были введены войска второй русской армии под командованием князя Василия Долгорукова. На тот момент силы крымцев были сосредоточены на основном театре военных действий, на Дунае, и русские не встретили особых препятствий. Для начала российская сторона все же предприняла попытку мирным путем склонить крымских татар к союзу. Но, несмотря на все усилия, переговоры с крымским ханом и бейской верхушкой не привели к желаемому результату. Как только в Порте

стало известно о действиях русских в Крыму, султан прервал Фокшанский конгресс. Он отказывался продолжать переговоры о мире до тех пор, пока не прекратится оккупация полуострова и давление на его жителей со стороны российского правительства.

Впрочем, к такому повороту событий в Петербурге были готовы. Екатерина и ее окружение не собирались отступить. И в Крым к Василию Долгорукову летит срочная депеша: действовать согласно ранее полученным инструкциям. 19 сентября 1772 года князь Долгоруков устроил на полуострове карательную акцию, прекращение которой было остановлено только после вынужденного согласия крымского правительства подписать внутренний договор о независимости ханства. Согласно статьям этого документа, Крым утрачивал покровительство Османской империи, терял город Керчь и крепость Ени-Кале, а также вынужден был согласиться на размещение русского гарнизона в деревне Ахъяр. Трактат был подписан 1 ноября 1772 года в Карасубазаре. Ханству была силой навязана формальная независимость.

Возможно, все было бы иначе, если бы в Стамбуле не умер султан Мустафа III и к власти не пришел его слабовольный брат Абдул-Хамид I, подписавший с Россией в 1774 году Кучук-Кайнарджийский мир, по которому крымские татары были признаны «вольными и совершенно независимыми от всякой посторонней власти».

Мир был подписан. Ханство признано независимым. Но теперь Екатерину и ее фаворита Григория Потемкина интересовал вопрос о присоединении к России Крымского ханства. Потемкин предлагает план завоевания Крыма, а после и Османской империи, на осколках которой мечтает возродить Византийскую империю. Это был так называемый «греческий проект», реализация которого предполагала перекройку карты Юго-Восточной Европы.

Игнорируя условия мирного договора 1774 года, Потемкин начинает вмешиваться во внутренние дела крымского государства. 21 апреля 1777 года на ханство был избран Шагин Гирай. Воспользовавшись сменой власти в Бахчисарае, Потемкин отдает приказание окружить крымский полуостров русскими кораблями с моря, запереть порты и силой оружия вынуждает жителей полуострова — крымских татар покориться России.

Свои действия он комментирует как прямое указание нового крымского хана Шагина Гирая. Все это делается для того, чтобы народ поддался на провокацию и поднял мятеж против своего хана. Как и следовало ожидать, мощное восстание вспыхнуло 2 октября

1777 года и было жестоко подавлено силой русского оружия.

Мятеж стал поводом ввести дополнительные войска на полуостров. Пощады не было никому. Только по официальным данным, погибло 12 000 мирных жителей. Как сообщает очевидец тех событий, караимский священник Азарья, российские солдаты казнили не только крымскотатарских воинов. Их преступная рука снова поднялась на женщин и детей. Смерти подвергались целые семьи воинов, замеченных в бунте. В ходе военных действий был разрушен Акмеджит, сожжены Карасубазар и Кефе. Этот планомерный и целенаправленный террор проходил под патронатом Григория Потемкина.

Одновременно Потемкину приходит идея выслать с полуострова христианское население — греков и армян. Трудность заключалась в том, что крымские христиане оставались подданными Крымского ханства и менять свой статус не собирались. Но в ход снова пошли русские штыки, и христианам поневоле пришлось покинуть родные края.

А тем временем агенты Потемкина настраивали крымскотатарское население полуострова против хана. И уже в 1780 году к графу была направлена делегация с требованием выбрать нового хана. Однако Потемкин возвратил посланников с пути и велел признать ханом Шагина Гирая. Граф, несомненно, знал, что этими действиями он вливает последнюю каплю в чашу терпения крымских татар. Это отвечало его интересам. Ведь теперь можно было беспрепятственно удалить из Крыма Шагина Гирая и тем самым обезглавить правительство ханства. Спустя два года князь начинает торопить императрицу принять решительные действия в отношении Крыма. Потемкин предлагает генеральный план присоединения ханства и добавляет, что сейчас самое время, так как европейские государства отвлечены собственными проблемами и чинить препятствий не будут: «Представьте же сие место в своих руках, увидите вдруг перемену счастливую для Государства Вашего... Сколько проистечет от того выгодностей: изобилие, спокойствие жителей, а от того и население, умножение доходов, господство непрекословное Черным морем. Доходы сего полуострова в руках Ваших возвысятся. Одна соль уже важный артикул, а что хлеб и вино... Я еще повторяю, Всемиловитейшая Государыня, мое усерднейшее представление, что нужно спешить исполнением сего. Вы впоследствии времен дознаете, сколько сделается затруднения, естли сие не учинится» [52, с. 23].

Нельзя сказать, что сама Екатерина не думала о включении в свои владения выгодной территории Крымского ханства, но, судя по имеющимся документам и письмам, к этому царицу всячески подталкивал Потемкин: «Ежли же не захватите ныне, то будет время, когда все то, что ныне получим даром, станем доставать дорогою ценою. Извольте рассмотреть следующее... Положите ж теперь, что Крым Ваш и что нету уже сей бородавки на носу... Приобретение Крыма... Удар сильный — да кому? Туркам. Сие Вас еще больше обязывает. Поверьте, что Вы сим приобретением бессмертную славу получите, и такую, какой ни один Государь в России еще не имел. Сия слава проложит дорогу еще к другой и большей славе, с Крымом достанется и господство на Черном море... От Вас зависеть будет запираť ход туркам и кормить их или морить с голоду.

Хану пожалуйте в Персии что хотите, — он будет рад. Вам он Крым поднесет нынешнюю зиму, и жители охотно принесут о сем просьбу...» [52, с. 24].

Относительно крымского хана Потемкин позволил себе заблуждаться. Князь не мог не знать, что таких намерений у хана не было в 1782 году и быть не могло. Хан не собрался менять родной Крым на чуждую Персию, он строил свои планы о создании независимой Черноморской империи.

Императрица одобрила план своего фаворита. Все произошло довольно быстро. Потемкин приказал генерал-поручику графу де Бальмену усилить охрану границ Крымского ханства, а уже в начале апреля 1783 года предложил от имени императрицы Шагину Гираву оставить престол. Ни армии, на которую можно было опереться, ни возможности что-либо изменить в сложившейся ситуации у хана не было. Поэтому ему ничего не оставалось, как покинуть Бахчисарай. А в Петербурге так торопились с присоединением новых земель, что не посчитали нужным потребовать от крымского хана официального отречения от престола.

Тем временем Екатерина с нетерпением ждет вестей от своего фаворита и шлет письма, в которых настоятельно просит поторопиться занять Крым. Потемкин не мешкал, он пишет, что привел к присяге все население Крымского ханства. На самом деле никакой официальной присяги не было. Для вида под давлением русских штыков присягнули только несколько мурз — глав ногайских орд. А в целом народ никто во внимание не брал. Видимо, для крепостной России это было нормальным явлением. Действие происходило на плато Ак-Кая в Карасубазаре.

К апрелю 1783 года на полуостров были стянуты дополнительные российские войска и 8 числа во всех городах и крупных населенных пунктах был зачитан манифест о присоединении Крыма к России. В Петербурге не заботились о том, что Манифест был принят незаконно. Крымские татары отказывались приносить присягу.

Что же касается Османской империи, то последняя не пыталась помочь своему верному союзнику, теперь уже бывшему Крымскому ханству, хотя, подстрекаемая Францией, она все же начала военные действия в 1787 году с целью оторвать от России полуостров. Но все эти вялые действия закончились подписанием Ясского мира, по которому Северное Причерноморье, включая Крым, оставалось за Россией.

Зынджырлы медресе

Сложно сказать, когда и где человечество впервые обрело письменность. Создание ее прошло долгий путь от высеченных на каменных плитах письмен, глиняных табличек до первых пергаментных, а затем и бумажных рукописей. Со временем появилась необходимость и в специальных образовательных учреждениях.

На территории крымского полуострова первые начальные школы — мектебы и высшие учебные заведения — медресе появились еще в догираевский период. Позже народное просвещение стало одним из главных приоритетов молодого Крымского ханства. При каждой мечети, вплоть до деревенских, действовали мектебы. Поэтому смело можно сказать, что уже в средневековый период грамотность у крымских татар была почти всеобщей. А те, кто хотел посвятить себя науке и иметь звание «улем» или «ученый муж», могли продолжить образование в высшем учебном заведении — медресе. Содержание и обучение их оплачивала государственная казна или состоятельный покровитель. Программа высшей школы включала: общую теологию, языкознание, логику, математику, физику, метафизику, политику и правоведение. Конечно, не все крымские медресе работали по приведенной программе дисциплин, но в различных регионах ханства их было несколько десятков, и всегда можно было выбрать то направление в науке, к чему будущий сохт, то есть студент, имел склонность.

Многие выпускники крымских медресе впоследствии становились улемами. В XIV веке слава о выпускниках медресе в Солхате, основанного в 1332 году ханом Золотой Орды Узбеком, распространялась далеко за пределы империи чингисидов. Известно, что еще во времена золотоордынского хана Джанибека ученые из Крыма: Дия аль-Кирими и Руqn ад-дин аль-Кирими (последний имел за спиной тридцатилетний опыт судейской деятельности на родине) были приглашены в Каир, где они читали лекции в известных и престижных медресе. В те времена центром ученого мира был Солхат (Старый Крым), здесь жили астрономы, историки, богословы — словом, все те, кто преуспел в различных областях науки. После образования государства Гираев центр просвещения и учености расширил свои границы. Немало известных мудрецов проживало в Карасубазаре, Кезлеве, Кефе, Бахчисарае. История сохранила имена далеко не всех ученых и, к сожалению, утратила большую часть их бесценных сочинений и трудов.

В среде ученой интеллигенции нередко встречались дипломаты, историографы и лица духовного звания. Многие из них были приближенными к крымскому двору, и зачастую им поручали писать крымскотатарскую историю. Но, к сожалению, все имена ученого мира Крымского ханства до нас не дошли.

В первые годы после образования Крымского ханства стали известными имена таких ученых, как Хайри-заде, автора исторического труда под названием «Таквим», и его современника Абдульвели-

эфенди, написавшего трактат «Меджмуа». Оба произведения, к сожалению, до наших дней не дошли, и, возможно, их постигла бы печальная участь забвения, если бы на этих авторов не ссылался в своем труде под названием «Семь планет» крымскотатарский историк XVIII века Сейид Мухаммед Риза.

Ученый богослов Атыф-эфенди бен Сейдамет родился в Кезлеве в 1399 году. Сохранились сведения, что этот человек, проявив блестящие политические способности, стал советником при первом крымском хане Хаджи Гирае и многое сделал для становления молодого государства, а также лично вел дипломатические переговоры с визирями Османской империи.

Наибольшую известность получил крымскотатарский астроном, историк и писатель Кайсуни-заде Недаи-эфенди, известный как Реммаль-хаджи. Этому автору принадлежит биография его современника и покровителя, крымского хана Сахиба Гирая I — «Тарих-и Сахиб Гирай хан», заказанная Реммалю-хаджи старшей дочерью хана Нури-Султан Ханым. Эта хроника является бесценным источником информации о событиях времен хана Сахиба Гирая.

В XVI веке в Крыму жил известный педагог шейх Ибраим эфенди, автор теоретического труда «Школы и медресе». Сей ученый муж стал первым в ханстве составителем комментариев к Корану. Родился он в степи среди ногайцев Крымского ханства, в юности был отправлен в Бахчисарай, где и окончил престижное Зынджырлы медресе. Впоследствии Ибраим эфенди переехал в Порту. Здесь длительное время он работал в архивах одной из стамбульских библиотек. К сожалению, в Крым шейх Ибраим больше не вернулся. В 1593 году он нашел вечный покой в городе Эдирне и был погребен на территории текие дервишей Сырт. Что касается его сына Абдуллы Азиз-эд-Дина эфенди, то он был известным в Крыму ученым. Его также знали как поэта-мистика. Абдулла Азиз-эд-Дин получил блестящее образование в Стамбуле, работал в султанской канцелярии, но спустя некоторое время был назначен на должность кефинского муфтия. Абдулла эфенди в Стамбул не возвратился. На склоне лет он сложил с себя обязанности муфтия и посвятил остаток жизни педагогической деятельности в одном из кефинских деревенских мектебов.

Надо отметить, что Кефе на рубеже XVI и XVII веков славилась целой плеядой интеллектуалов. Описывая в XVII веке Кефе, путешественник Эвлия Челеби, заметил, что «этот древний город — собрание ученых и источник знаний, и так как климат здесь удивительный, то и ученые занимаются удивительными науками и обладают множеством знаний» [112, с. 144].

Современниками и преемниками муфтия Абдуллы эфенди были братья Сеит Муса и Хюсеин Кефеви.

Историк и богослов Сеит Муса эфенди родился в 1583 году в Кефе. Вместе со своим братом Хюсеином окончил одно из крымских медресе, продолжил образование в Стамбуле и уже в звании профессора медресе возвратился в 1625 году на родину в Кефе. Здесь он был назначен кадием, а после того как Абдулла эфенди сложил с себя полномочия, по рекомендации предшественника занял вакантное место кефинского муфтия. Из его научных произведений наиболее известен исторический свод «Шемсю-тарих» («Солнце истории»), оригинал которого ныне хранится в стамбульском Султанском музее.

Что касается его брата Хюсеина эфенди Кефеви, то он стал известным в тюркском мире ученым-богословом, жил и творил при дворе Бора Гази Гирая II. Сопровождая своего хана, он оставил ценные записки о крымскотатарских военных походах тех времен. Одаренный писатель, Хюсеин эфенди еще при жизни был прозван Мюэллифлер султаны («Султан всех пишущих»).

С 1621 года в кезлевском медресе при Хан-Джами преподавал известный ученый Сеит Абдул-Керим Шерефи Кефели. По преданию, он читал лекции, на которых присутствовал юный Ашик Умер.

В 1641 году в Бахчисарае увидел свет будущий ученый, историк Девлетшах-огьлу Абибулла эфенди. По окончании мектеба родители отдали его в Зынджырылы медресе. Здесь читали лекции одни из лучших педагогов того времени и выпускали достойных сохтов. Девлетшах стал известным специалистом в области истории тюркских народов и всего мусульманского мира. В правление Адиля Чобана Гирая за критику в адрес хана он был вынужден навсегда покинуть родину. Девлетшах-огьлу Абибулла эфенди окончил свои дни в Стамбуле, где и был похоронен.

Нельзя обойти вниманием главного кадия Крымского ханства времен Ислама Гирая III Хаджи Мехмеда Синаи, зарекомендовавшего себя как хороший писатель, а точнее биограф. Используя материалы крымских архивов, в частности записи великого визиря Сефер Гази, он воссоздал политическую и военную историю ханства в период Освободительной войны в Украине. Этот фундаментальный труд содержит ценнейшие сведения о политике Бахчисарая по отношению к Польше и Османской империи, точные данные об отдельных походах крымскотатарских войск в Польшу и Московское государство.

Ученый из села Сефа Конграт близ Карасубазара Абдул-Гафар

Къырыми получил образование в Крыму. Свою службу при дворе начал с диван-эфенди — начальника канцелярии при хане Фетхе Ги-рае I. Будучи крупным ученым, он одновременно работал над книгой по всемирной истории «Умдет ал—ахбар» («Опоры истории»), которую завершил в середине 1740-х годов. Сегодня она хранится в стамбульской библиотеке Сулеймание. Помимо того что этот труд охватывал историю ханства с 1475 по 1739-й годов, ценность произведения была и в том, что он использовал как крымские, так и арабские, персидские и османские источники.

Известным крымским историком являлся Сейид-Мухаммед Риза эль-Къырыми. Он принадлежал к числу потомков самого Пророка. Получив блестящее образование, ученый оставил после себя несколько трудов, один из них — наиболее известный фундаментальный трактат «Семь планет в известиях о государях татарских», который охватывает историю ханского Крыма с конца XV до конца XVIII веков. Известен был и другой его труд — «История дома Чингизов», но до наших дней дошло лишь его описание и ссылки на него у авторов XIX века.

Нельзя обойти вниманием объемный и содержательный труд представителя крымской династии принца Халима Гирая — автора исторического сочинения «Гульбюни Ханан», или «Розовый куст ханов». Халим Гирай собрал сведения из имевшихся исторических книг и сборников и составил биографии 44 крымских ханов. Сегодня этот труд доступен для широкого круга читателей.

Уже в XVIII веке в каждом городе и крупном селе можно было встретить десятки людей, сведущих в истории, так называемых собирателей старых рукописей и книг. Они охотно делились своими глубокими познаниями с соотечественниками. Эти люди были важной частью национальной образовательной структуры, живыми очагами крымскотатарского Просвещения.

Таким подвижником исторической науки и книжной культуры был современник последнего крымского хана Шагина Гирая, каймакан Мехмет агъа. Он считался одним из лучших знатоков истории своей родины. В его домашнем архиве хранились многочисленные старинные рукописи, содержавшие любопытные сведения о прошлом крымскотатарского народа.

Но после аннексии Крыма Российской империей все старинные рукописи, которые хранились у собирателей древностей, были изъяты представителями новой власти и либо преданы огню, либо вывезены в Петербург, где, возможно, хранятся и по сей день.

АБДУЛ-ГАФАР КЪЫРЫМИ — ИСТОРИК XVIII ВЕКА

Стамбульская библиотека Сулеймание,
в которой храниться труд Къырыми «Умдет ал-ахбар»

*У*то сегодня известно о жизни выдающегося крымскотатарского историка, писателя, поэта и придворного вельможи XVIII века Абдул-Гафара Къырыми? Нельзя сказать, что его имя предано забвению. Он упоминается в списке целой плеяды ученой интеллигенции Крымского ханства, о нем пишут научные статьи, его труды – объект дискуссий. Но широкой публике он по-прежнему неизвестен. А между тем яркий жизненный путь Абдул-Гафара Къырыми полон интересных событий и неожиданных поворотов.

До недавнего времени о крымскотатарском историке аль-Хаджи Абдул-Гафаре бен аль-Хаджи Хасан аль-Къырыми было известно только то, что он автор хроники «Умдет ал—ахбар» (полное название «Умдет ал-ахбар фи тарих ут-татар»), датированной 1744 годом. Этот труд по истории Крымского ханства охватывает период с 1475 по 1743 год. И сегодня на него ссылаются как на первоисточник многие исследователи эпохи Крымского ханства. Хранится уникальный манускрипт в стамбульской библиотеке Сулеймание.

Главная ценность объемной и содержательной работы в том, что ученый хорошо знал мусульманскую классику и использовал в своей работе как крымские, так и арабские, персидские и османские источники. Это говорит о том, что Къырыми в современном понятии был знающим арабистом и тюркологом.

Родился будущий ученый в принадлежавшей его семье деревне Сефа-Конрад, близ города Карасубазара. Точная дата рождения неизвестна. Но есть предположение, что он появился на свет не позднее начала 1690-х годов. Его семья относилась к одной из ветвей могущественного клана Ширинских беев. Об этом неоднократно упоминал сам Къырыми.

Об этом же писал и его современник принц Саид Гирай, сын будущего хана Халима Гирая, который хорошо знал ученого при жизни и даже оставил о нем некоторые сведения в своей автобиографии, написанной в 1755—1758 годах. Сегодня этот бесценный источник хранится в одной из библиотек Берлина.

Саид Гирай в своих воспоминаниях называл ученого Гафури эфенди и восхищался его образованностью: «В то время, как я пишу эти строки, эфенди сидит в своем доме в Карасу и что-то пишет. Это правда, что его речь искренна, а его утверждение не имеет недостатков. Он не только ученый и добродетельный, но также образован в специальных науках. Он преуспел в многочисленных работах. Говорят, что он писал в прозе подробную историю чингисидовских ханов и джучидских султанов и сокращенный рифмованный вариант» [51, с. 380].

Очевидно, сам принц по неизвестным причинам не был знаком с этой рукописью, а вот поэзию ученого Саид Гирай хорошо знал и восторгался ею. Но, к сожалению, ни одного произведения из поэзии Абдул-Гафара до нас не дошло.

Будущий ученый получил блестящее образование в Крыму, и так сложились звезды, что очень скоро выпускник, вероятно, одного из карасубазарских медресе начинает свою карьеру в качестве секре-

таря при главе рода Ширин бея и окунается в водоворот политической жизни ханства. В правление хана Девлета Гирая II в конце июля 1711 года он принимает участие в Прутской военной кампании. Записи, сделанные им во время этого похода, он впоследствии включил в свой фундаментальный труд по истории. На семи страницах автор подробно описал известную победу над русскими и не упустил возможности прокомментировать грубые ошибки османского военного руководства. Другими словами, он осудил действия османского визиря Балтаджи Мехмеда паши, который буквально выбил из рук крымского хана победу над русскими и умудрился заключить с побежденным царем Петром мир чуть ли не на паритетных условиях.

А уже на следующий 1712 год Къырыми пишет, что он сопровождал своего родственника главу рода Ширин — Мубарекшаха и крымского хана Девлета Гирая II на Кубань к восставшим черкесам с целью усмирить их. В Азаке (Азове), где они остановились на несколько дней, их ждал пышный прием в честь победы над царем Петром, устроенный османским губернатором крепости.

После того, как Девлета Гирая в 1713 году сместили с ханского престола, имя Къырыми на протяжении нескольких лет не встречается в источниках, и только в ханство Саадета Гирая III, а именно — в 1721 году становится известным, что ученый состоял на должности кадия у своего родственника Хаджи Джан Тимура бея Ширинского, после смерти Мабарекшаха возглавившего род Ширин.

А в 1724 году Абдул-Гафар стал свидетелем вспыхнувшей в среде крымской знати междоусобицы.

Къырыми был прекрасно информирован о событиях тех лет и сообщает, что причиной раздора крымской аристократии стала дочь Аргинского бея Ахмедшаха, с которой обручился некто Эрмурза из рода Вейрат (ханский капы-кулу). Дело в том, что до этого к ней сватался Кутлу-Шах бей из рода Юруджа, сын бывшего ханского визиря. Он и предъявил новоиспеченному жениху претензии. Но так как Эрмурза не отступился, Кутлу-Шах пожаловался хану. Саадет Гирай принял сторону последнего, пригрозив, что если девушка будет отдана замуж за Эрмурзу, то обе семьи, заключившие этот брак, будут наказаны. Гордость Эрмурзы была задета, и он обратился за помощью и поддержкой к клану Ширин. Те, в свою очередь, поддержали злосчастного жениха и попросили хана простить их протезе и благословить на этот брак.

Но хан не отступился от своего решения. Напротив, он усугу-

бил положение тем, что выдал девушку за третьего, постороннего человека, мотивировав тем, что этим действием он положит конец возникшей распри. Это и стало предлогом к начавшимся в стране брожениям. Клань рассорились между собой. Конфликт стал разгораться, обещая вылиться в вооруженное сопротивление. И тогда старейшины крымских родов посоветовали Саадету Гираю оставить престол. Вопреки уговорам членов своей семьи хан не стал усмирять знать и по доброй воле оставил трон. Следующим ханом был избран Менгли Гирай II, предпринявший попытку примирить бейские кланы.

Абдул-Гафар был сторонником могущественного рода Ширин, и одновременно с книгой «Умдет — ал-ахбар» он начинает писать историю этой династии. В кратком очерке он излагает генеалогию 26 лидеров этой знатной семьи и их сыновей, начиная с XIV века от сподвижника и близкого друга хана Тохтамыша Ректемура бея и завершая внуками своего современника и покровителя Хаджи Темур бея Ширинского.

В период ханства Менгли Гирая II ученый уединился в Карасубазаре, во владениях клана Ширин, где у него был свой дом. Здесь он много работает. Есть вероятность, что именно в этот период Абдул-Гафар сближается с шейхами ордена Хальвети, выходцами из Коньи, получившими от хана Менгли Гирая особые привилегии в Крыму. Возможно, у Къырыми был доступ и к мистическому учению хальветийских дервишей. Сам автор в своем труде не упоминает о каких-либо личных связях с суфийскими орденами. И это понятно. Этика суфиев этого не приветствует. Тот, кто посвящен в таинства, никогда не будет о том распространяться.

В 1730 году Менгли Гирая сменил на ханском престоле его родной брат Каплан Гирай. Къырыми возвращается в Бахчисарай. Здесь ему была предложена должность «диван катиби» (секретарь Дивана). Должность диван катиби следовала после муфтия, кадиаскера и кадия Бахчисарая, другими словами, была одной из главных в ханстве. Ученый хорошо владел каллиграфией и искусством составления писем — инша и, судя по всему, вел не только личную переписку хана, но и был довольно близок к Каплану Гираю, о котором отзывался с большим уважением.

В начале 1735 года Абдул-Гафар Къырыми совершил хадж к святым местам в Мекку и Медину. В это время ему было около пятидесяти лет. После долгого путешествия он вернулся домой осенью усталый и больной. Но, несмотря на болезнь, в ноябре этого же

года ученый был вынужден принять участие в народном ополчении против 100-тысячного российского войска под командованием генерала-поручика Михаила Леонтьева.

Дело в том, что в России воспользовались отсутствием в Крыму хана и его армии, который в союзе с Оманской империей отправился на войну с Персией, и вторглись в пределы ханства. Все мужское население поднялось на защиту родины, выступив за Ор-Капы. Но столкнуться не пришлось.

Как упоминал об этих событиях сам Къырыми, «случился великий снегопад, и русские, испугавшись плохой погоды, были вынуждены возвратиться в свою страну» [108, с. 105]. Но это было только начало разразившейся войны 1735—1739 годов. Къырыми чудом удалось спасти во время варварского разорения города Карасубазара свои рукописи.

Вскоре престарелый хан Каплан Гирай был смещен. Ему наследовал старший сын героя Прутского похода хана Девлета Гирая II Фетх Гирай II. По неизвестным причинам к новому хану Абдул-Гафар питал неприязнь, однако продолжал служить и у него в качестве диван катиби.

К этому времени Къырыми уже был всеми уважаемым улемом, с его мнением считались и прислушивались к его мудрым советам. Зимой 1736—1737 года в составе ханского посольства диван катиби отправляется в Стамбул. Здесь он лично принимает участие в аудиенции, данной султаном Махмудом I, встречается с высшими османскими сановниками и ведет с ними переговоры о политическом положении в ханстве.

А уже в сентябре 1739 года он в числе торжественной делегации в деревне Монастире, близ Бабадага в Добрудже, приветствует нового хана Менгли Гирая II, возвратившегося с Родоса вторично занять ханский престол. Среди встречающих был и принц Саид Гирай. Именно тогда он и познакомился с ученым. Из Добрудже пышная свита вслед за новым ханом отправилась к реке Турла (Днестр) и далее к крепости Озю (Очаков). На некоторое время Саид Гирай и Абдул-Гафар становятся попугчиками. Но в Аккермане их пути разошлись: Къырыми едет дальше в Озю с ханом, а Саид Гирай вынужденно остается в Аккермане.

Известно, что в правление следующего хана Селямета Гирая II Къырыми был назначен кадием при калге хана Селиме Гираве, а когда Селямету Гираве наследовал калга, став ханом Селимом Гираве II, между повелителем и ученым возникли разногласия. Сам

Къырыми говорит об этом инциденте, что хан разгневался на него по совершенно неизвестным и необъяснимым причинам и выслал его в загородное имение в деревне Сефа-Конрад, где заключил под домашний арест. Возможно, сам ученый умалчивает об истинных причинах разногласия. Позднее хан позволил ученому перебраться в его дом в Карасу, но домашний арест не отменил. А через некоторое время и вовсе выслал в крепость Согуджак на побережье современной Абхазии. По словам ученого, это было ужасное место, где ему пришлось испытать все возможные страдания и тяготы. Тем не менее, в крепости Согуджак он смог написать немало трудов на религиозные и исторические темы. Там же он завершил свой труд «Умдет ал-ахбар», который включал историю четырех улусов Золотой Орды, а также подробную историю крымских ханов от Хаджи Гирая I до Селямета Гирая II.

В 1748 году из ссылки ученого вернул следующий хан Арслан Гирай. Хан не только возвратил его, но и окружил заботой и почестями, достойными этого ученого мужа. На склоне лет Къырыми возвратился в свое родовое имение в Сефа-Конрад, где около 1758 года нашел вечный покой, и, вероятно, там же и был похоронен.

К сожалению, большая часть работ Абдул-Гафара Къырыми — этого гениального ученого не сохранилась либо не выявлена до сих пор. Что касается бесценного исторического труда «Умдет ал-ахбар», то в настоящее время Центр исследований истории Золотой Орды уже готовит его к изданию. Несомненно, Абдул-Гафар Къырыми прожил интересную и яркую жизнь и оставил глубокий след в истории своей родины.

ПОСЛЕДСТВИЯ ПРУТСКОЙ КАМПАНИИ ИЛИ КАЛАБАЛЫК В ВАРНИЦЕ

Калабалык в Бендерах, старинный шведский рисунок

23 июля 1711 года по инициативе османского визиря Балтаджи Мехмеда паши и против воли союзников Османской империи – Крымского ханства и Швеции между Стамбулом и Петербургом был подписан так называемый Прутский мирный договор. Преддверием этих событий были военные действия между Россией, Крымским ханством и Османской империей, которые развернулись на реке Прут. Благодаря талантливому полководцу, крымскому хану Девлету Гираю II, была одержана победа над российским царем Петром I. Последний попал в окружение и был бы пленен, но визирь Балтаджи Мехмед паша, подкупленный российской стороной, поспешил подписать мир и отпустить Петра в российские пределы. Таким образом, паша собственноручно превратил победу в политическую катастрофу.

Эти события стали предвестником великого раздора, вошедшего в историю как калабалык. Действия разворачивались в провинции Крымского ханства – Буджаке, в деревне Варница, близ города Бендеры.

После недавних событий на реке Прут крымский хан Девлет Гирай II не мог смириться с тем, что победа над российским царем Петром I была буквально выбита из его рук визирем Балтаджи Мехмедом пашей и так бездарно растрачена на статьи мирного договора, условия которых российская сторона не спешила выполнять. Миром был недоволен и ярый противник царя Петра шведский король Карл XII, находившийся после битвы под Полтавой на положении гостя в землях Крымского ханства у города Бендеры в деревне Варница. В Бендерах после Прутской компании проживал еще некоторое время и сам крымский хан. Как известно, два монарха находились в давних дружеских отношениях, и сложившаяся ситуация не могла не сказаться на крымско-шведских отношениях. Ровно через 10 дней после Прутского мира, когда немного улеглись волнения и эмоции уступили место разуму, они встретились, чтобы обсудить происшедшее и согласовать далее совместные действия. Однако Девлет Гирай столкнулся не с равным по мудрости дипломатом, а с самонадеянным и упрямым человеком.

Карл XII полагал, что он в состоянии склонить султана к совместному выступлению против России, предварительно заключив шведско-крымско-османский договор. Более того, благодаря столь мощной коалиции он хотел вынудить русское правительство пересмотреть ранее подписанный сепаратный мир и на этот раз включить в трактат условия всех трех потенциальных союзников.

Хан, видя, насколько его собеседник далек от политики и не обещен поддержкой европейских держав, был уверен в провале его утопического проекта. Единственно правильным выходом для Карла было бы возвращение в родную Швецию, где он смог бы продолжить войну с Россией. Ведь, пользуясь отсутствием короля, русские войска разоряли Шведское королевство.

Именно на это обстоятельство во время беседы хан обратил внимание Карла XII и многозначительно намекнул, что султан Ахмед III в ходе Прутской компании ни разу не вспомнил о взаимных обязательствах, даваемых королю и хану, а следовательно, надеяться на его поддержку и заверения в дружбе не стоит. Поэтому Карлу нет смысла ждать новых предложений из Стамбула, а вот над чем ему действительно следует подумать, так это над необходимостью возвратиться к своим войскам, и чем скорей, тем лучше.

Но Карл пренебрег советом крымского хана. У него было свое мнение на этот счет, и в его планы пока не входило покидать Бендеры. Здесь, недалеко от города, в деревне Варница, он выстроил для себя дом, где и поселился со своими приближенными.

Очень скоро пришло известие, что Петр наотрез отказался выводить свои войска из Польши, несмотря на то что это было оговорено во втором пункте Прутского трактата. Он также не торопился возвращать ключи от Азова и оставлять захваченные им причерноморские крепости, аргументируя это тем, что, вопреки тому же договору, в крымских пределах близ польской границы находится его злейший враг — шведский король Карл.

Почти одновременно с ультиматумом Петра в Буджаке разошелся слух, что якобы Карл бросил свою державу на произвол судьбы, шведы отказались от своего короля, а сама частично оккупированная Швеция уже в этом году войдет в состав России. Возможно, источником слухов был сам османский визирь Балтаджи паша. Он был больше, чем кто-либо, заинтересован в скорейшем отъезде Карла в Швецию, так как назревал новый конфликт, из-за которого он рисковал поплатиться не только смещением с должности, но и головой. Визирь прекрасно знал, что после Прута нажил себе смертельных врагов в лице Девлета Гирая, Карла XII и польского князя, поддерживавшего шведского короля Станислава Понятовского. Последний еще из османского лагеря на Пруте написал султану письмо, в котором обвинил пашу в трусости и измене.

Все эти новости тревожили ханство и Порту, но Карл по-прежнему был непреклонен, он продолжал лелеять проект о том, что он во главе османско-крымской армии выступит против Петра и возьмет реванш.

Раздраженный поведением русских, вопреки условию договора занимавших ханские крепости, Девлет Гирай в августе 1711 года не выдержал и на повышенных тонах снова попытался объяснить шведскому гостю, что из-за его упрямства в ханстве могут произойти великие беды, на что король только пожал плечами. Подобное поведение упрямого союзника оскорбило хана, и отношения между двумя монархами заметно охладились. И только весной 1712 года, после подписания окончательного варианта Прутского договора, напряжение в отношениях хана и короля несколько ослабло. Карл впервые заговорил о возвращении на родину. Но возникли новые обстоятельства. Дело в том, что, по условиям Прутского трактата, король должен был возвращаться через Польшу. Но так как Россия нарушала основные условия мира, оставляя на территории Речи Посполитой свои войска, Карл отказался пересекать границу, резонно опасаясь захвата в плен.

Между тем русские не только находились в Польше, но и усили-

вали там свои позиции. И когда Девлет Гирай хан в сентябре 1712 года в очередной раз сообщил об этом султану, добавив, что Россия приступила еще и к строительству новой мощной крепости на реке Самаре, игнорируя условия последнего мирного договора, терпение султана стало подходить к концу. 31 октября 1712 года на заседании Большого Дивана в Стамбуле было принято решение объявить России новую войну.

Началась формальная подготовка к войне. Одновременно на крымского хана была возложена задача в условиях военного положения воспользоваться ситуацией и обеспечить безопасный проезд Карла через Польшу в Померанию, где было сосредоточено основное ядро шведской армии. В этот период взаимопонимание хана и короля было полным. В ту же зиму хан активно ведет переписку с Сечью, которая готова оказать политическую и военную поддержку в будущей военной кампании и со своей стороны способствовать безопасному проезду Карла XII. Одним словом, подготовка к выезду короля шла своим чередом, и никто в ее реальности не сомневался.

Несмотря на то, что Османская империя в союзе с Крымским ханством находилась в состоянии войны с Россией, военных действий так и не последовало. К концу года султан стал даже склоняться к возобновлению мира с царем, не доводя дело до вооруженного столкновения.

Все складывалось неплохо, Карл собирался в дорогу, война, так не начавшись, могла в скором времени завершиться. Но тут в игру вступил союзник царя Петра и ярый враг Карла XII король Польши Август II. Открыто выступить против появления в Речи Посполитой своего заклятого противника Август не мог, и тогда он по собственной инициативе вступает в переговоры с крымским ханом.

Зимой в Бендеры отправляется некий польский полковник по имени Ломарь с предложением Девлету Гираю настоять на сопровождении шведского короля, а в Польше выдать его либо Августу, либо Петру. Понятно, что Гирай такое предложение отверг сразу же: во-первых, хан был человеком чести и Карла считал своим другом, а во-вторых, он не мог позволить, чтобы Карл попал в руки к Петру, это только бы усилило русского царя. Так что Ломарь с позором был выдворен из ханской резиденции. Но через месяц он снова сделал попытку появиться у хана. На этот раз его выслали за пределы ханства и под страхом смерти запретили пересекать границу.

Конечно же, Август предвидел такой поворот событий. И очень скоро нашлись подкупленные люди, которые сообщили Карлу, что хан замыслил сдать его на милость врагам, как только эскорт пересечет северную границу Крымского ханства. К сожалению, услышав эту клевету, Карл сразу же в нее поверил. Его отношение к хану изменилось, и он потребовал от Девлета Гирая объяснений. Карл пишет крымскому хану: что чем упорнее пытаются его отсюда вытолкнуть силой, тем более явными становятся для него хитроумные замыслы хана, и тем очевиднее становится, что, несмотря на все уверения Девлета Гирая, его, Карла, собираются заманить и выдать в руки врагам. Поэтому Карл принимает решение остаться в Варнице, пока полностью не убедится в безопасности пути для своего возвращения на родину.

Девлет Гирай, оскорбленный самой возможностью такого предположения, вряд ли с присущей ему вежливостью и выдержанностью объяснялся с Карлом. Но тот был настолько ослеплен мнимым «предательством», что порывался с бывшим другом драться на шпагах. Хан не мог поверить, что старая дружба разрушалась на глазах по столь глупой причине. 5 февраля 1713 года он в последний раз предложил королю свой 40-тысячный эскорт, но тот снова отверг помощь.

Видя, что ситуация вышла из-под контроля, Ахмед III дал Девлету Гираю хат-и-шериф, то есть полномочия поступать с королем по своему усмотрению. Другими словами, если Карл будет продолжать противиться покинуть Бендеры, применить силу. В помощь крымскому хану был отправлен султанский посланник Ахмед паша.

А между тем Карл XII снова заявил, что не покинет Бендеры. Существует гипотеза, что именно Девлет Гирай, обиженный выходками шведского монарха, 12 февраля 1713 года снял янычарскую стражу вокруг блокированного шведского городка, запретил ввозить шведам еду и питьевую воду и приказал своим аскерам осадить дом короля. Хан предложил польским дворянам-эмигрантам, находившимся в ставке Карла XII, перейти к дружественному шведам Яну Сапеге. При этом крымский хан вручил им письменную гарантию безопасности нахождения в Порте и обещал добиться от Августа II решения об их помиловании. И наконец, он вручил Карлу ультиматум о немедленном выезде за пределы Крымского ханства и Османской империи.

Оставшись в окружении, Карл заявил в ответ, что не сдвинется с места и, если потребуется, будет бороться до последнего. Об

упрямстве Карла ходили легенды. И тогда, как сообщает очевидец тех далеких событий — некий турок Али Абдулла, именно крымский хан, не став долго спорить с королем, отдал своим аскерам и добровольцам — османским янычарам приказ о начале штурма. Так начался знаменитый «калабалык».

Карла XII ничуть не смущало, что он открыто выступил против страны, которая дала ему приют, терпела его капризы и воздавала почести. Он приказал своему окружению около 700 человек вооружиться и выступить против еще недавних друзей.

Шведы отчаянно сражались с превосходящими силами противника. В первый день погибло около двух сотен людей. Штурм длился три дня. А на третий день, когда под началом султанского посланника Ахмеда паши из Бендер в Варницу вернулись янычары, дело уже близилось к развязке.

В ночь на четвертый день в доме короля вспыхнул огонь, и около часа ночи король с 15-ю офицерами был вынужден выйти. Так из почетного гостя Карл XII стал пленником, но уже османского султана.

Прежде чем королю предоставили новое место обитания, он и остальные пленные были отняты у крымских татар янычарами. Карл, получивший во время штурма два серьезных ранения, был перевезен в замок под Эдирне. Здесь, уже во владениях османского султана, он пробыл до осени 1714 года, а после был вынужден тайно вернуться в свою армию.

Именно крымскому хану суждено было сыграть главную роль в так называемом «калабалыке». Девлет Гирай II вывел все три державы: Османскую империю, Швецию и Россию — из затянувшегося политического кризиса. В результате Карла можно было более не опасаться, Петр объявил о своём решении уйти из Польши, и Османская империя тут же заключила мир с Россией. Значение похода крымскотатарского хана к Пруту и его победу достойно оценили уже его современники. Так, крымский хронист первой половины XVIII века Давид Лехно писал в своей рукописи: «Во всём этом многие обязаны Девлет Гирай хану, заботящемуся о благе своего народа, так как он доставил все эти счастливые победы и славу как турецкому народу, так и крымскому» [65, с. 27].

Безусловно, «калабалык» не был задуман как сугубо антишведская акция. Это была единственная оставшаяся у Девлета Гирая возможность вразумить упрямого шведского короля для его же пользы — и хан этой возможностью воспользовался.

КРЫМ ГИРАЙ ХАН — ПОСЛЕДНИЙ ГЕРОЙ

Могила Кърыма Гирая на ханском кладбище в Бахчисарае

Он был незаурядным полководцем, талантливым политиком эпохи Просвещения, любимым своим народом и просто человеком «огромной храбрости». Так отзывались об одном из величайших людей XVIII столетия – крымском хане Кърыме Гирае – его современники.

В 1718 году в провинции Османской империи Кыркларели, в небольшом городе Визе, в семье бывшего хана, прославленного героя Прутского похода Девлета Гирая II и его жены черкешенки из знатного адыгского рода Бесленей родился мальчик, получивший при рождении имя Кърым. Возможно, это имя было не случайным. Семья Девлета Гирая уже несколько лет проживала вдали от родины. Спустя семь лет Девлет Гирай умер, ему не довелось увидеть у власти ни одного из своих сыновей. А между тем они оставили в истории своей страны глубокий след.

В 1748 году крымский престол занял один из старших сыновей Девлета Гирая, Арслан Гирай. Своего младшего брата, тридцатилетнего Кърыма Гирая, уже проявившего способности повелевать, он назначил нур-эд-дином и одновременно сераскиром Буджакских ногайцев. Следует отметить, что это был трудный пост, тем более что ногайцы всегда отличались свободолобием. Молодому сераскиру удалось подчинить их своему влиянию. Кърым Гирай много времени проводил в поездках по своим обширным владениям, занимаясь системой безопасности границ от внешнего северного врага. Его целью было отодвинуть от рубежей ханства вплотную придвинувшуюся цепь русских крепостей и военных поселений.

Тогда же политика сераскира Кърыма Гирая приобретает международные масштабы. В 1750 году он направляет собственное посольство к королю Пруссии Фридриху II Великому с целью завязать крымско-пруссские отношения с перспективой на будущую взаимную поддержку против сильных соседей.

В 40—50-х годах XVIII века в ханство Арслана Гирая крымскотатарская держава окончательно восстановилась после кровавых походов Миниха и Ласси. Однако внешние факторы неблагоприятно влияли на политику внутри государства. Дело в том, что Османская империя стремилась поддерживать мир с Россией и, пользуясь своим влиянием, всячески предотвращала конфликты между русскими гарнизонами и ногайцами. Невозможность вести самостоятельную политику раздражала Кърыма Гирая, и он, до благоприятных времен сложив с себя должности сераскира и нур-эд-дина, удалился в собственное имение — чифтлик Пынарбаш под Бургасом. Очень скоро, в 1755 году, хан Арслан Гирай уступил престол слабому и безвольному Халиму Гираю.

Наступили благоприятные времена. Поскольку Порта настаивала на том, чтобы ногайцы выплатили компенсацию за разрушенную в приграничной черте русскую крепость, они в ответ подняли мя-

теж против нового сераскира и самого хана, неспособного их поддержать. Восстание ширилось, к мятежникам присоединились их соседи — бендерские янычары. Конечно же, Кърым Гирай не мог оставаться в стороне от таких событий, и осенью 1758 году он присоединился к своим буджакцам, у которых остались самые добрые воспоминания о своем бывшем сераскире. А вскоре он встал во главе мятежа, и под его бунчуком объединились все недовольные политикой правящего хана, а также румелийские турки, которых тоже тревожило продвижение русских вдоль дунайского берега Черного моря, а султан не оказывал этой угрозе никакого сопротивления.

Разгорелась настоящая гражданская война. Османская империя приняла сторону крымского хана Халима Гирая, и тогда мятежники во главе с Кърымом Гираем двинулись в сторону Стамбула, где совсем недавно престол занял султан Мустафа III. Пожалуй, это был один из немногих случаев в истории, когда султан Османской империи не смог противостоять бывшему сераскиру, крымскому принцу Кърымю Гираю. И он был вынужден признать избранного крымско-татарским народом нового хана Кърыма Гирая. Халим Гирай был смещен, и 21 сентября 1758 года в Бахчисарае прошли торжества по случаю вновь избранного правителя.

Известие об этой важной политической перемене быстро достигло других государств Европы. Особенно это обрадовало короля Пруссии, чья страна находилась в состоянии войны с Россией. Король Фридрих II направил к новому хану своего дипломата Боскампа. В ответ к королю прибыли ханские посланцы, которые от имени хана предложили ему объединить силы против России. Условия такого союза были для Фридриха весьма выгодными, но нуждались в дополнительной разработке, и в Бахчисарае тут же отправился с соответствующими полномочиями прусский дипломат барон Александр фон дер Гольц. Он вез хану не только дорогие подарки, но и шифровальный ключ для дальнейшей личной переписки двух государств.

Однако уже в 1761 году ситуация изменилась в связи с восшествием на российский престол царя Петра III — большого поклонника Пруссии. И, конечно же, он пошел на уступки Фридриху. Несмотря на то, что 16-тысячный корпус крымских татар уже шел на соединение с королевской армией, в сложившейся ситуации посол фон дер Гольц предлагает хану вместо совместного похода на Россию пройти через Польшу и совместно с прусской армией вторгнуться в Венгрию. Этот план войны был чужд интересам ханства. И хан

через Гольца сообщил об этом Фридриху, добавив, что в связи со сложившимися обстоятельствами он прерывает военный антироссийский союз с Берлином.

Фридрих II еще раз пытался переубедить хана и склонить к войне против Венгрии. Но Кърым Гирай был непреклонен и отозвал своих воинов. Не теряя времени, он заключает военный союз с Польшей, где к тому времени царил полный разлад не без участия России. Петербург стремился привести на королевский престол своего ставленника, а польская шляхта выбирала своего претендента. Конечно же, союз с крымским ханом для Польши был выгоден; к тому же Кърым Гирай пользовался влиянием в Стамбуле и склонял Мустафу III к новой войне с Россией в случае, если в Польше одержит вверх пророссийский ставленник Станислав Понятовский. Вообще активность и влияние крымского хана достигла в политических кругах Османской империи небывалого уровня.

Что же касается ханства, то здесь Кърым Гирай активно занялся укреплением своей державы. Он успел многое сделать для возрождения крымской экономики и культуры в целом. При нем в крымских горах ведутся геологические исследования с целью выявить полезные ископаемые и другое сырье. Обновляется система кяризов — водоразборных подземных галерей. Бесперебойно работает почта, причем ее содержание полностью оплачивает казна, и теперь обмен корреспонденцией становится доступен всем. Большое внимание уделял хан крепостям, особенно на границе с северными соседями. Так, он очистил ров с внешней стороны Ор-Капы, а стены этой твердыни укрепил и надстроил.

В ханской резиденции в Каушанах им был заново отстроен дворец. Как пишет немецкий путешественник Николай Клееман, дворец был выкрашен в два цвета, белый и синий, он был «велик, и внутри покои великолепны». Вообще при Кърыме Гирае в ханстве было отреставрировано и выстроено заново множество мечетей и медресе. Неподалеку от Салачика была обновлена летняя резиденция Ашлама сарай.

Что касается самого ханского дворца в Бахчисарае, то при новом хане, по описанию прусского посла, он стал «необъятным и сказочным». Фон дер Гольц также выражал свое восхищение ханской коллекцией не только рукописей и книг, но и необычным для мусульманского мира собранием живописи и европейской скульптуры. Как оказалось, хан был не только коллекционером, но и страстным любителем музыки и театра. При дворе регулярно давались кон-

церы и представления, имелась постоянная музыкальная капелла и труппа актеров. Интересовался хан и точными науками, обращая наибольшее внимание на химию, физику и астрономию. Много времени он уделял инженерному делу, географии и фортификации. Живейший интерес проявлял Кърым Гирай и к изобретениям. Ради своего любопытства он мог нарушить даже дворцовый этикет. Так, например, в декабре 1768 года среди подарков, привезенных из Европы хану немецким путешественником Николаем Клееманом, были камера-обскура и электрическая машина. Хану подарки были переданы до официального приема, назначенного днем позже. Но Кърым Гирай вопреки этикету приказал вызвать Клеемана в тот же вечер и провел с ним несколько часов, пока не освоил все привезенные из Вены приборы и инструменты, а затем, когда пришло время приема, милостиво, но не подавая виду, что знакомство уже состоялось, удостоил гостя аудиенцией по полному протоколу.

Кърым Гирай проявлял большой интерес к трудам Монтеस्कье и других теоретиков конституционного монархизма. В одной из доверительных бесед с фон дер Гольцом Кърым Гирай привел собственное сравнение идеального государя с музыкантом, исполняющим на концерте ведущую партию. За этой партией следуют остальные инструменты оркестра, то есть подданные, которые делают это не по принуждению, а добровольно и с удовольствием, «исключительно потому, что они этого сами хотят, и потому, что любят слушать его игру» [25, с. 46]. Именно такому образу правления стремился следовать Кырым Гирай. И ему это удавалось настолько, что, согласно всеобщему мнению, он был любим своим народом.

По мнению современника, крымский хан являл образ европейского интеллигента в соединении с образом сильного правителя. Дипломат Гольц оставил описание внешности Кърыма Гирая. Хан «представлял собой величественного, сильного мужчину крепкого телосложения, в то же время не лишенного известной грации и приятности.... На лице его решительное и строгое выражение воина соединялось с жизнелюбием и иронией. Его большие, живые глаза метали странные пронзительные взгляды — было видно, что в этом сильном сыне природы развился не только дух повелителя, но и необычно деятельный ум. В его глубоко сидящих глазах и на высоком челе проглядывало вместе с тем мягкое, ласковое выражение задумчивости, даже мечтательности... Во всех его манерах и движениях сказывалось столько легкости, достоинства и грации, что многие обладатели европейских тронов могли бы ему позавидовать» [25, с. 46].

Кърым Гирай был ярким представителем своего благородного рода, ему были присущи рыцарственные поступки. К женщине он относился с большим уважением и почтением. В таком же духе он воспитывал и своих сыновей.

Приближенными хана были исключительно его старые, проверенные соратники. Многие из них достигли своего высокого положения благодаря личным способностям и заслугам.

Политическая независимость Кърыма Гирая, заметная экономическая стабильность, преданность подданных и популярность крымского властителя в Европе не могли не раздражать Мустафу III и его окружение. В Порте прекрасно понимали, что любая попытка сместить этого монарха может обернуться крупным восстанием. Необходим был удобный случай, чтобы избавиться от хана. И, к сожалению, такой случай представился в 1764 году, когда Пруссия окончательно отошла от связей с Крымом, а поход крымцев на черкесов окончился неудачей. В этой связи Стамбул заявил, что прекращает выплату средств на содержание войска и разрывает всякие отношения с крымским ханом. Кърым Гирай сначала поднял своих аскеров на войну с Османской империей, но в последний момент изменил свое решение. Война стоила бы жизни десяткам тысяч его воинов. Это — единственное объяснение, почему он распустил армию, и в сентябре 1764 года, сложив с себя ханские полномочия, удалился сначала в Каушаны, а после — в свое родовое имение. Но его недруги приложили максимум усилий для того, чтобы бывший хан находился подальше от своей страны, и отправили его сначала на остров Хиос, а после на Родос, где Кърыму Гираю предоставили все права управлять островом. Нисколько не утратив былой энергии, бывший хан и там наводил свои порядки, активно смещая продажных чиновников, борясь с насилием и другими беззакониями. Спустя некоторое время султан предложил бывшему хану отправиться в Бургас, к родственникам. Но и здесь ко двору бывшего крымского хана снова стали стекаться жертвы чиновничьего произвола, и Гирай по возможности стремился оказать им содействие и помощь.

Между тем ситуация в международной политике начинала меняться. На польский престол был избран российский ставленник граф Понятовский (под именем Станислава II Августа), что вызвало волну протеста польского дворянства. В ответ Россия спешно стала вводить в страну свои войска. Поляки обратились за помощью к султану, но тот, не отказывая в содействии, тянул время,

пока 5 марта 1768 года российские войска не сожгли приграничные крымскотатарские города Балту и Дубассары и пошли вдоль западного берега Черного моря по направлению к границам самой Османской империи. Война с Россией была неизбежна.

Осенью 1768 года в Стамбуле срочно собирается Большой Диван, на который был приглашен и Кърым Гирай. От имени крымскотатарского народа Мустафа III снова призывает его на ханский престол и дает под его начало 200-тысячную армию. По случаю вторичного восшествия на престол в честь крымского хана в Стамбуле шли приемы. Османские вельможи одаривали хана и его прибывшую из Бахчисарая свиту подарками.

А уже в январе следующего года Кърым Гирай отправляется в свой каушанский дворец, в котором с новой силой закипела жизнь. Сюда съезжаются придворные, послы, консулы, представители из европейских стран. Здесь же идут военные сборы: османская пехота и кавалерия, крымскотатарское войско, сотни казаков-некрасовцев, подвластные ханству воинственные черкесы — все готовы встать под начало опытного полководца Кърыма Гирая.

7 января 1769 года хан во главе многочисленной армии двинулся к Елизаветграду. Он должен был вытеснить оттуда русских и идти в Польшу на соединение с османской армией, чтобы совместно нанести удар по русским оккупационным войскам.

Успешно подавляя сопротивление русской армии, войско крымского хана переправилось через Буг и достигло верховий Ингула.

Далее планировалось осадить Елизаветград. Но этому решению помешали погодные условия. Зима выдалась суровая, каждую ночь люди умирали от холода. А накануне осады в ночь ударил сильный мороз. Погибло около трех тысяч воинов и столько же лошадей. Крым Гирай больше не мог рисковать своей армией. Он вынужден был отдать распоряжение о возвращении в Буджак, где намеревался переждать морозы, а к весне с новыми силами продолжить поход. Но планам хана не суждено было сбыться.

В Каушанах обострилась старая болезнь хана, которую он мужественно переносил в походе. Одновременно ко двору прибыл некий лекарь, о котором шла молва как об известном целителе. Это был грек Сирополо, состоявший на службе у валашского господаря Александра Гика в качестве врача и одновременно доверенного лица. Гика никогда не был в числе друзей крымского хана, и до сих пор неизвестна причина, по которой хан, поддавшись на уговоры некоторых своих вельмож, доверился лекарю своего недруга. Близ-

кие люди пытались уговорить Гирая не подпускать к себе Сирополо, но хан так торопился заканчивать поход до наступления весны, что не обратил внимания на предупреждения. Он послушно принял микстуру врача, и очень скоро его самочувствие ухудшилось. Начались провалы в сознании, наступила общая слабость. Тем не менее Гирай пытался заниматься делами. И лишь когда он почувствовал приближение конца, он вызвал к себе любимую жену и нескольких ближайших друзей, чтобы сделать предсмертные распоряжения, а после этого пригласил музыкантов и приказал им играть. Кърым Гирай так и не дослушал свой последний концерт...

Очевидно, что крымский хан умер от отравления. Это подтверждается тем, что Сирополо сразу после смерти хана исчез. Он бесследно скрылся еще до того, как началось следствие.

Тело Кърыма Гирая, сопровождаемое почетной охраной, было доставлено в Бахчисарай. Он был погребен на ханском кладбище, с левой стороны от входа. Здесь, на беломраморном надгробии, и ныне отчетливо видны слова поэтической надписи: «Во имя Аллаха бессмертного, вечного! Войны были ремеслом знаменитого Кърым Гирай хана, глаза голубого неба не видали ему равного. Поскольку он навсегда оставил эту суетную столицу, то да будет, по воле Всевышнего, ночлегом его приют вечности. Я, Эдиб, с молитвою написал при этом его хронограмму: Да царствуешь ты, Кърым Гирай, в вечности!»

Кърым Гирай бесспорно обладал талантом лидера, успешно добивавшегося намеченных целей как во внутренней, так и во внешней политике. При всей своей жесткости правителя он был человеком гуманным и неоднократно это доказывал своими поступками. Будучи натурой одаренной и многосторонней, он не сторонился обычных человеческих радостей и удовольствий, при этом четко отделял их от своего долга, что, впрочем, свойственно великим людям.

Он обладал философским, аналитическим складом ума, был талантливый полководцем и тонким дипломатом. Для своего народа он, несмотря на частые перемены его судьбы, оставался — и остался даже после смерти — «кумиром всей нации», «национальным героем». Это был один из самых просвещенных, справедливых, либеральных и великодушных властителей, когда-либо правивших в Крымском ханстве.

ДИПЛОМАТ И БРАДОБРЕЙ КРЫМСКОГО ХАНА

Татарские всадники Гравюра на меди швейцарца Йохана Якоба Шейхцера (1672-1733) 1731 г.

*С*ередина XVIII века. Европа переживала один из самых крупных конфликтов, вошедших в историю как Семилетняя война, в ходе которой интересы прусского короля Фридриха Великого столкнулись с агрессивной политикой Российской империи. Последняя уже к 1761 году оккупировала Восточную Пруссию. Фридрих окончательно лишился надежды на реванш. Но тут неожиданно для него ситуацию изменило необычное обстоятельство. С восточной пышностью в прусский лагерь в сопровождении группы официальных лиц прибыл поверенный самого крымского хана Крыма Гирая, человек без сомнения яркий – дипломат Мустафа агъа. Он привез заманчивое предложение, от которого прусский король не смог отказаться.

В октябре 1761 года в прусский лагерь под Штреленом с дипломатической миссией прибыло посольство из Северного Причерноморья. Адъютант Фридриха Великого проводил господ в восточных одеждах в простую крестьянскую избу, где поселился сам прусский король. После протокольных приветствий вперед выступил невысокого роста человек. Он представился как Мустафа агъа и с особой торжественностью и достоинством объявил себя дипломатом и послом крымского хана Крыма Гирая. К удивлению короля и его окружения, этот господин откровенно и не без гордости признался, что он состоит у своего повелителя в качестве брадобрея и в этой высокой должности при бахчисарайском дворе снискал не только расположение своего хана, но и его доверие.

Мустафу агъа не смутили улыбки генералов. Напротив, он не топясь, в красочных выражениях продолжал излагать приветствие своего хана. Закончив речь, он с поклоном вручил королю письмо с внушительной печатью. Это была верительная грамота. В ней говорилось, что крымский хан Крым Гирай в знак глубочайшего уважения отдает в распоряжение короля прусского вспомогательный корпус из шестнадцати тысяч крымских аскеров.

Король был приятно удивлен и искренне обрадован этому предложению. Он тут же выразил крымскому дипломату согласие и признательность славному и храброму властителю крымского престола Крыму Гираю. К тому же это был не первый контакт Пруссии и Крымского ханства. Между этими государствами уже с 1750 года велась активная переписка.

После официальной аудиенции Мустафа агъа лично перевел письмо своего хана королю Фридриху. Как оказалось, ловкий брадобрей сносно владел немецким языком и довольно бегло на нем говорил. На вопрос короля, где он выучил немецкий язык, Мустафа агъа поведал свою необычную историю. Он рассказал, что родом он из Очакова и, когда был мальчиком, во время штурма его родного города был взят русскими в плен и отправлен тогда еще великим князем Петром III в Голштинию, где он и освоил немецкий язык. В плену он тосковал по родине и все же нашел возможность бежать на судне, капитан которого взял его с собой из сострадания. Но в Очаков он так и не возвратился. Судьбе было угодно сделать так, чтобы он попал в Румелию, в город Бургас. Именно там он и познакомился с будущим крымским ханом Крымом Гираем, который временно проживал здесь в своем родовом имении — чифтликке Бунар-Баши.

Король выслушал посла, после чего распорядился, чтобы Мустафе агъа и его свите выделили покои в отдельном доме и обеспечили всем необходимым.

Осторожный король приставил к крымскому посланнику доверенного человека в лице молодого офицера барона Александра фон-дер-Гольца, которому поручил развлекать татарского посла, войти с ним в тесную дружбу и доносить обо всем ему. Фридрих велел приготовить ханским дипломатам соответствующие их достоинству подарки и вручить перед их отъездом на родину.

Отдохнув несколько дней после дальней дороги и удовлетворив свое жгучее любопытство относительно постановки военного дела у немцев, брадобрей и дипломат Крыма Гирая наконец изъявил желание откланяться. На прощальной аудиенции Фридрих II еще раз выразил благодарность крымскому хану за дружбу и предложение, которое он с большим удовольствием принимает. В свою очередь, король пожелал, чтобы Мустафа агъа возвращался к бахчисарайскому двору не один, а в сопровождении прусского офицера фон-дер-Гольца. Последний должен был лично передать крымскому хану приветствия и «чувства живейшей дружбы, которые питает к нему прусский король», а также в связи с военным положением в Европе от имени короля заключить с ханом соглашение относительно ведения военных действий в ближайшем будущем. Конечно же, король намеревался совместно с крымским ханом вторгнуться в Россию и полагал вслед за ханством втянуть в войну против своих недругов и Османскую империю.

Так началось долгое путешествие крымского посла в сопровождении прусского дипломата домой. Они добрались без приключений до буджакского города Бендеры, но здесь Гольц неожиданно подхватил лихорадку и был вынужден остаться на несколько дней в гостинице. Мустафа агъа, будучи не только брадобреем и дипломатом, но и лекарем при крымском хане, предложил молодому человеку настойку, приготовленную по собственному рецепту. Но последний отказался, и в итоге добираться до Бахчисарая ему пришлось самостоятельно, так как Мустафа посчитал, что должен ехать вперед, чтобы предупредить своего хана о визите прусского гостя.

В тот же вечер, как только Гольц прибыл в Бахчисарай и разместился в отведенном для него доме, к нему прибыл с визитом сопровождаемый целой свитой Мустафа агъа. По крымскотатарскому обычаю гостеприимства брадобрей прибыл с угощениями и подарками. Мустафа выразил свою радость по случаю благополучного

прибытия прусского гостя и заверил, что все время, пока Гольц будет находиться в ханстве, слуги каждый день будут приносить угощения, так что нужды он ни в чем знать не будет. С этими словами Мустафа удалился. Но на утро снова пожаловал, чтобы сопроводить прусского посла к своему повелителю. На этот раз он привел офицеру превосходного коня — подарок самого Крыма Гирая хана — и лично сопроводил его во дворец. На приеме у крымского хана Мустафа выполнял обязанности толмача, а после — и проводника по ханскому дворцу.

Как видно, Мустафа агъа пользовался полным доверием Крыма Гирая хана. Наверное, это можно понять. Ведь в некотором роде от одного «неловкого» движения этого человека зависела жизнь крымского монарха. А если это еще и умный брадобрей, который хорошо знает своего господина и владеет информацией, то лучшего тайного агента не найти.

Известно, что хан порой следовал мудрым советам своего брадобрея. Позволял себе советоваться с ним в некоторых вопросах и даже поручал самые деликатные дела. Так, например, во время военного похода против России, когда крымская армия остановилась в Каушанах, Крым Гирай неожиданно для себя выясняет, что неофициальный поверенный в крымско-пруссских делах некий Боскомп привез с собой в военный лагерь из Бахчисарая девушку — крымскую татарку. Тогда хан не раздумывая велел своему брадобрею взять закрытые носилки и немедленно отправиться в дом этого авантюриста, чтобы забрать свою подданную, и вместе с этим сообщить Боскомпу и официальному посланнику прусского короля Гольцу о том, что наутро желает их видеть у себя на аудиенции. Инцидент был улажен, прусские господа покинули страну.

Так распорядилась судьба, что вскоре и самому Крыму Гираю пришлось сложить с себя ханские полномочия и отправиться в почетную ссылку на остров Родос в Средиземноморье. Конечно же, в составе внушительной свиты туда его сопровождал верный брадобрей Мустафа агъа. Через четыре года Крым Гирай снова был призван на ханский престол и возвращается на родину. Но с этого времени имя знаменитого ханского брадобрея более не встречается в письменных источниках. Что стало с верным другом и помощником крымского хана, остается загадкой.

ГРАФ ДЕ ПЕЙСОНЕЛЬ ПРИ КРЫМСКОМ ДВОРЕ

Французский король Людовик XV, для которого граф Пейсонель писал свои «Записки о Малой Татарии»

Во все времена Крымское ханство привлекало к себе внимание многих европейских монарших дворов. Чтобы больше узнать о стране, лежавшей на перекрестке Европы и Азии, а также сохранять дружеские и взаимовыгодные отношения, многие правители отправляли свое посольство в Бахчисарай. Почти все послы и консулы оставили после себя мемуары и записки, в которых содержалось описание страны. Исключением не стал и французский консул граф Шарль де Пейсонель. Находясь с дипломатической миссией в ханстве, он оставил после себя уникальные труды, составленные для своего короля Людовика XV. В них консул подробно изложил административное и государственное устройство ханского двора, а также отобразил культуру и быт крымских татар.

Дипломатия XVIII века была полна интриг. У многих послов и консулов тех времен кроме официальной миссии были четкие указания — быть в курсе всех внутренних и внешних дел государства, в которое они командировались. Франция не была исключением, если не сказать больше. Французское правительство хотело быть в курсе всех дел, которые происходили в Восточной Европе и Азии. Особое внимание Версаль уделял Крымскому ханству, чьи интересы по отношению к России совпадали с интересами французов.

Начиная с XVII века в Бахчисарае периодически пребывали французские послы. Последний, Ксаверио Главани, даже состоял придворным врачом, но по состоянию здоровья был отозван. В то же время международное положение требовало нового консула, сведущего в дипломатии, отличавшегося прозорливостью, хорошо владевшего крымскотатарским языком и знанием восточного этикета. Такой человек был вскоре найден. Им оказался граф Клод-Шарль де Пейсонель.

Это был не случайный человек. И Людовик XV полностью доверился этому еще довольно молодому дипломату, который, впрочем, оправдал ожидания своего монарха, скрупулезно собирая и обрабатывая информацию о крымских татарах.

Клод-Шарль де Пейсонель родился в 1727 году на юге Франции в Марселе в семье дипломата и археолога Шарля де Пейсонеля. Известно, что в начале 1730-х годов его отец посетил берега Малой Азии, где принял участие в археологических раскопках некоторых древнегреческих городов. Но, видимо, миссия старшего Пейсоналя заключалась не только в изучении эллинского периода, так как за значительные дипломатические достижения при подписании Белградского мирного соглашения 1739 года между Османской империей и Россией (посредницей выступала Франция) король Людовик XV назначил ему персональную пенсию и присвоил графский титул. С этого времени и до 1745 года включительно Шарль де Пейсонель-старший находился в Стамбуле при французском после маркизе де Вильнёв. А в 1747 году был назначен консулом Франции в город Смирну (современный Измир). Сюда он прибыл со своей семьей. Его старшему сыну Клоду-Шарлю на тот момент было 20 лет.

Шарль де Пейсонель-младший продолжил семейную традицию, выбрав для себя дипломатическую карьеру. Как и его отец, сначала он был назначен консулом в Смирне, а после по рекомендации французского посла в Османской империи направлен в Стамбул. И когда встал вопрос о том, что необходимо направить верно и на-

дежного человека в Бахчисарай, выбор пал на молодого дипломата. С королевского одобрения в 1754 году он отбыл в Крым в качестве консула Людовика XV ко двору крымского хана Арслана Гираяя.

Уже на следующий год во Францию была послана так называемая подробная информация под заглавием «Записка о состоянии гражданском и военном Малой Татарии». Очевидно, это было сделано по распоряжению самого короля. К счастью, она дошла до наших дней как первоисточник, в ней присутствует значительный объем ценной и довольно разнообразной информации. На протяжении пяти лет пребывания в Крымском ханстве Пейсонель путешествовал по стране. Все свои наблюдения он записывал. Особенно его привлекала археология, история, география и этнография Крымского ханства. Как дипломат-практик он придавал особое значение анализу внешнеполитической, внутренней общественно-политической ситуации в стране. Большое внимание он уделяет описанию административного устройства ханства, в частности жителей степи, а также организации военного дела у ногайцев.

Незаурядный интерес представляют и его данные о денежной системе ханства, системе мер и весов, откупов, перечень экспортных и импортных товаров и цен на них. Все это отражает особенности хозяйства тех времен, которое вели крымские татары.

И, конечно же, не обошел он своим вниманием правящего крымского хана Арслана Гираяя, с которым не раз имел приватные беседы в первый год своего пребывания в Бахчисарае.

Об Арслане Гираве Пейсонель отзывался уважительно, сообщая своему королю о том, что тот прикладывает много усилий для улучшения благоустройства страны. На свои средства ремонтирует крепости, пополняет арсеналы и увеличивает по возможности численность гарнизонов. Вообще консул пишет о Гираве с большим почтением, в том числе и о Халиме Гираве, занимавшем престол с 1756 по 1758 год, и его преемнике Крыме Гираве. Одним словом, Пейсонель охарактеризовал правителей исключительно субъективно, наградив их всеми добродетелями.

В первый год ханства Крыма Гираяя Пейсонеля переводят консулом Франции на остров Крит, а на его место Людовик XV отправляет своего верного шпиона и в одном лице дипломата барона де Тотта. Что же касается Пейсонеля, то через три года он возвращается в Смирну, где продолжает свою дипломатическую деятельность до 1778 года, а по некоторым источникам, даже до 1783 года.

Закончив службу в министерстве иностранных дел Франции,

Шарль де Пейсонель возвращается на родину и обосновывается в Париже, где остаток своей жизни занимается редакцией и публикацией многочисленных очерков и дневников, которые подготовил за годы своего длительного пребывания в Порте, Крымском ханстве и на Кавказе.

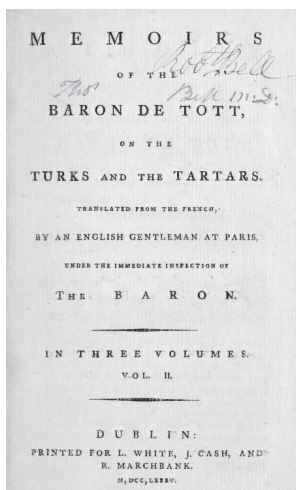
Сразу же после «Записок о Малой Татарии» он принялся за работу над «Трактатом о черноморской торговле», опубликованным только в 1788 году в Амстердаме. Этот трактат получил большую известность, очевидно, потому, что приведенные в нем факты отражали значительный интерес к черноморскому региону, имевший тогда место и в передовых странах Западной Европы. К трактату прилагалась иллюстрация, а точнее «Карта окрестностей Днепра или Борисфена, древняя и современная, Крыма и Азовского моря». Она была опубликована в 1765 году в другой монографии Шарля де Пейсонеля и, по некоторым сведениям, составлена автором на основании четырех карт его отца. Об одной из них Пейсонель-младший вскользь упомянул в тексте своего трактата о черноморской торговле. Даже предварительного ознакомления с этой картой оказалось достаточно, чтобы сделать вывод о том, что, несмотря на довольно мелкий масштаб, она своей точностью и информативностью выгодно отличается от всех известных карт региона, созданных до 1769 года.

На карте хорошо видны Днепровские пороги, границы Запорожской Сечи и ногайские земли Крымского ханства с подробным обозначением всех населенных пунктов и крепостей.

Известно, что после смерти Шарля Пейсонеля остались в рукописях неопубликованные работы: «Историческая записка о Российской империи, Татарского государства, Черкесии, Дагестана, ногайцев и казаков», «Записка о восстании ногайцев (1758)», «Политические соображения о независимости татар и российское судоходство на Черном море (1772)», «О том, как придать татарской независимости прочности и стабильности и как мешать россиянам преуспеть в их подчинении» и «Рассуждение о мирном соглашении между Россией и Портой, что было заключено в Кайнарджи».

Возможно, когда-нибудь они увидят свет и исследователи крымскотатарской истории смогут почерпнуть для себя много нового и полезного и, быть может, найти ответы на еще оставшиеся вопросы.

БАРОН ДЕ ТОТТ: ДИПЛОМАТ ИЛИ АВАНТЮРИСТ

Титульный лист мемуаров барона де Тотта

Январь 1769 года. В Каушанах готовились к торжественной встрече крымского хана Крыма Гирая. Все Гираи – принцы крымскотатарской правящей династии, знатные беи и мурзы, – как только узнали, что именно сюда из Стамбула направляется хан, загодя выехали в ханскую провинцию Буджак и теперь с нетерпением ожидали парадный кортеж Крыма Гирая у городских ворот. Все находились в легком волнении. Ведь только от этого человека зависела судьба Крымского ханства и ход разразившейся войны между Османской и Российской империей.

Среди встречающих ханский кортеж в Каушанах был и некий француз по имени барон Франсуа де Тотт, пребывавший при бахчисарайском дворе в качестве консула Французского королевства. Уже давно барон мечтал познакомиться с прославленным Крымом Гираем, большим другом Фридриха Великого и поклонником французской литературы. К тому же он имел тайную инструкцию своего патрона, министра иностранных дел Франции герцога де Шуазеля, по возможности сблизиться с крымскотатарским монархом, чтобы поддерживать в нем дух войны против ненавистной Франции России.

В числе тех, кто побывал в Крымском ханстве и оставил о нем свои яркие впечатления, был французский дипломат, барон Франсуа де Тотт. В 1784 году в Амстердаме он опубликовал свои мемуары под заглавием: «Воспоминания о пребывании среди турок и татар», в которых живо изложил события времен ханства Максуда Гирая и Крыма Гирая. Несомненно, его труд на сегодняшний день является ценным источником по истории Крымского ханства.

Франсуа де Тотт родился в 1733 году на севере Франции. Его отец, венгерский дворянин, задолго до рождения сына эмигрировал во Францию, служил в кавалерии и даже получил титул барона. Своему отпрыску Тотт-отец смог дать блестящее европейское образование. Это помогло молодому Франсуа начать дипломатическую карьеру.

Уже в 1755 году Тотт-младший отправляется в Стамбул в качестве секретаря посольства. Собирая информацию об Османской империи и Крымском ханстве, он изучает османский язык. А очень скоро начинающий дипломат попадает в поле зрения могущественного министра иностранных дел Франции, герцога Шуазеля. Так началось его восхождение.

Во второй половине XVIII века после окончания Семилетней войны и подписания мирного договора Франция вынужденно уступает Англии пальму первенства в международной торговле, с чем не могли смириться в Версале. На севере заметно стала проявлять себя Россия, что тоже не входило в планы Франции. Именно по одной из этих причин Людовик XV идет на сближение с Османской империей, действуя через своего верного и преданного человека в Стамбуле — французского посла графа де Сен-При. Порта на время превращается в главную арену внешнеполитических интересов Парижа.

Начинающий, но находчивый дипломат де Тотт, владевший восточными языками, в 1760-х годах становится французским консулом в Стамбуле. Одновременно он получает указание министра сблизиться с французским послом в Петербурге бароном де Бретей и консулом Россиньолем, которые дружно и долго интриговали против политики Екатерины. В 1767 году он был назначен французским резидентом при крымском хане Максуде Гираве. Заручившись рекомендательными письмами французского посла и подарками, дипломат отправился в Крым. Именно с этого момента Тотт впервые выходит из тени французской политики и начинает вести свою собственную политику.

Прибыв в Бахчисарай, барон и его немногочисленная свита — два секретаря Руффин и Костилюе, повар и несколько прислуг разместились в небольшом доме близ ханского дворца. Уже на следующий день к французскому посланнику явился с отрядом капу-кулу поверенный Максуда Гирая для того, чтобы препроводить его к главе крымского государства.

Бесчисленные лавки торговцев и ремесленников, запахи пряностей и кофе, красивые крымскотатарские дамы в разноцветных нарядах — такими были первые впечатления француза от Бахчисарая.

Де Тотта уже ждал визирь, который провел барона в залу, где в окружении беев восседал крымский хан. Аудиенция продолжалась недолго. После протокольных приветствий и вручения верительных грамот хан любезно выразил желание видеть у себя француза чаще.

Для начала барону необходимо было завязать нужные и полезные знакомства. И все первые дни его пребывания в ханской столице были посвящены визитам. Тотт наведывался к высокопоставленным сановникам, знатым беям, близко сошелся с ханским визирем. Но больше всех он выделял бахчисарайского муфтия, по словам дипломата, человека очень разумного и образованного. Именно о нем он писал в своих мемуарах: «Я скоро сошелся с ним и, благодаря ему, многое узнал» [43, с. 136]. С большим уважением отзывался француз и о самом крымском хане — «Максуд Гирай показался мне несколько скрытным, недоверчивым, вспыльчивым, хотя эта вспыльчивость быстро проходила... Хан был довольно образован, любил литературу и охотно толковал о ней» [43, с. 136]. Кроме этого хан удостоил чести де Тотта приглашением на так называемые «вечера», начинавшиеся обычно после захода солнца и продолжавшиеся до полуночи. Примечательно, что на подобные мероприятия допускались лишь ближайшие родственники хана и его доверенные беи. Вот как писал о ханских вечерах сам дипломат: «Этикет этого двора позволял очень немногим лицам сидеть в присутствии хана... Право это давалось министрам — членам дивана и иностранным посланникам. Ужин был сервирован на двух круглых столиках. За одним ужинала ее величество — супруга хана, и никто другой, за исключением самого хана, не имел права сесть за этот стол. За другим — ужинали все приглашенные» [97, с. 12].

Де Тотт быстро приспособился к новой жизни в ханской столице. В пригороде Бахчисарая он взял в аренду небольшой домик и, как он сам сообщает в своих мемуарах, — завел небольшую «французскую» ферму. Однако не успел он окончательно обосноваться

в Крыму, как 25 сентября 1768 года Османская империя объявила войну России, и Максуда Гирая сменил на ханском престоле Крым Гирай.

Молва о возвращении Крыма Гирая к власти, ранее уже занимавшего ханский престол, обрадовала Францию. В нем видели достойного соперника России. Барон де Тотт, информированный французским послом в Порте графом де Сен-При о том, что Крым Гирай хан намерен из Стамбула направиться в Буджак, спешно отправляется в город Каушаны.

Но прежде он послал к Крыму Гираю своего курьера с поздравлениями и поручением узнать, может ли он прибыть в Каушаны на встречу хану, чтобы официально поприветствовать крымского властителя и выразить ему от имени французского короля Людовика поздравления и добрые пожелания.

Крым Гирай принял курьера весьма любезно, однако передал через него, что освобождает барона де Тотта от официальной церемонии. Но, тем не менее, прибыв в Каушаны, он будет рад увидеть барона в своей свите.

Хан не ограничился простой любезностью, он добавил, что является поклонником французской кухни и поэтому просит уполномоченного позаботиться относительно ужина в каушанском дворце в день его прибытия, намекнув, что ему хотелось бы отведать рыбы, которую Крым Гирай очень любил. Барон слышал, что хан обладал веселым и своенравным нравом, поэтому ко дню прибытия хана в Каушаны он велел своему повару особенно отличиться.

В первых числах января со своей многочисленной и блестящей свитой хан прибыл в Каушаны. В головном уборе, усеянном алмазами, с луком и колчаном через плечо, под знаменем пророка в сопровождении личной гвардии и всего своего двора хан въехал в город и направился во дворец, где в зале Дивана он принимал знаки покорности от всех вельмож.

Де Тотту, который представился хану еще у городских ворот, был оказан наилучший прием и честь сидеть за столом во время ужина подле Крыма Гирая. Барону не составило труда завладеть вниманием любознательного хана, и очень быстро француз стал его любимцем. На второй же день хан дал возможность барону проявить себя. Он повелел консулу отправиться в Хотин и от его имени установить предварительные соглашения с правительством польских конфедератов, страдавших от российского засилья в Польше, а также обговорить детали совместного выступления в поход против России.

После того как барон исполнил поручение, хан осведомился у де Тотта, желает ли он принять участие в военном походе, на что получил положительный ответ. Это понравилось своенравному Крыму Гираю, и в знак уважения к французу он подарил ему дорогую шубу из светлого волчьего меха, отороченную белчьим мехом.

Крым Гирай имел слабость к развлечениям. Его постоянно сопровождали оркестр и труппа комедиантов. Хан интересовался европейской культурой и спрашивал о Мольере, чья комедия «Тартюф» крайне его увлекла. Он пожелал иметь эту пьесу у себя на крымскотатарском языке. Известно, что Тотт отправил запрос в Париж, но пока «Тартюфа» переводили, крымского хана не стало.

Сразу же после похода к городу-крепости Елизаветград Крым Гирай почувствовал себя плохо. А через несколько дней и вовсе слег. Все это время он не отпускал от себя барона де Тотта, который находился подле хана вплоть до последнего часа его жизни. Крым Гирай умер, по заключению врачей, от плеврита. Но барон де Тотт был уверен, что сильного и несокрушимого на первый взгляд мужчину отравил подосланный врагами хана некий лекарь грек по имени Сираполо.

После смерти Крым Гирая барон получил из Версаля распоряжение возвратиться в Стамбул. Здесь король Людовик XV рекомендовал османскому султану Мустафе III барона де Тотта в качестве артиллериста для модернизирования султанской армии по европейскому образцу. Султан не отказался от услуг де Тотта, но ими не воспользовался.

Накануне основных военных действий в 1770 году не только Порты, но и Версаль были уверены в близком и полном торжестве правоверных. К тому же первые военные кампании показали силу и мощь османских янычар и превосходство над русскими. По такому поводу французский посол граф Сен-При решил воспользоваться «надеждой на великие успехи» и устроить большой бал в Стамбуле под предлогом чествования бракосочетания французского наследника и дочери австрийской императрицы. Этот бал должен был сопровождаться иллюминациями и фейерверками по всему городу. Сен-При поручил устройство праздника барону Тотту: «Уж бальная зала, которую нужно было выстроить, была закончена, фейерверк заготовлен, нам осталось только расположить декорации, как вдруг известие о разгроме обеих армий — и на суше и на море — подорвало наши приготовления» [97, с. 23], — писал в своих мемуарах де Тотт. В июне Алексей Орлов совершил диверсию в Средиземном

море у Чесмы, где, не рассчитывая на свои собственные силы, поджег османский флот. А через двадцать дней, в июле, произошли две крупные победы русских у Ларге и Кагуле. О празднествах забыли. После таких крупных неудач султан решился на введение новой военной реформы и на усовершенствование османской армии по европейскому образцу. Тут он вспомнил о бароне Франсуа де Тотте. Под его руководством были созданы новые части полевой артиллерии и отряды стрелков. Правда, эти нововведения никак не затронули янычарского корпуса, по-прежнему составлявшего ядро армии, ибо фанатичные янычары не допускали никаких новшеств, да еще под присмотром «неверного». В 1771 году по инициативе того же де Тотта в Стамбуле были открыты военные школы для артиллеристов, фортификаторов и навигаторов, в которых значительное внимание уделялось преподаванию математики.

После окончания своей службы в Османской империи барон возвратился во Францию. О нем снова услышали уже в 1784 году, когда в свет вышли его знаменитые мемуары, вторая часть которых посвящалась Крыму. Впоследствии книга не раз издавалась на английском и польском языках.

Незадолго до Французской революции барон де Тотт снова посетил Османскую империю, но на этот раз как путешественник. Умер он в 1793 году — предположительно, на родине.

ХАНСКИЙ ГАРЕМ: ЖИЗНЬ ЗА ПОЛОГОМ ТАЙНЫ

Один из сохранившихся гаремных корпусов в Ханском дворце

«Гарем» – буквально означает «сакральное» или «то, границы которого нерушимы», иными словами, гарем – это место, где проживала прекрасная половина мусульманского общества, находившаяся под мужской защитой. Как и положено, гарем всегда оставался закрытым от посторонних глаз, скрывая и охраняя за плотной завесой частную жизнь его обительницы. Поэтому не удивительно, что в представлениях европейцев жизнь в гареме до сих пор основана на вымыслах и легендах.

Гарем крымских ханов по сей день остается одним из самых интригующих и малоизученных объектов в истории Крымского ханства, но, тем не менее, благодаря отрывочным сведениям о женской половине в доме Гираев можно с уверенностью сказать, что крымский гарем нельзя сравнивать с гаремами других правителей. Так, в отличие от знаменитого стамбульского сераля Топкапы в бахчисарайском гареме никогда не практиковали коллекционирование выдающихся красавиц со всего мира. Гираи были более разборчивы в выборе жен, отдавая предпочтение благородному происхождению своих избранниц.

Крымский гарем можно было смело назвать своеобразным институтом государственной власти. Здесь ханские родственницы с юных лет обучались не только музыке, литературе, толкованию Корана, придворному этикету, но и азам правоведения, точным наукам и философии, так как любая из них могла впоследствии удостоиться высокого титула анабеим.

Еще меньше известно о том, каким был гарем до того, как Бахчисарай стал третьей столицей Крымского ханства. Но, исходя из письменных источников, можно сделать предположение, что его обитательницы вели демократичный образ жизни, свойственный свобододобивым тюркским женщинам. Другими словами, первые ханши не были ограничены в своих действиях и не изолированы от внешнего мира. Они активно принимали участие не только в жизни супругов, но и нередко играли значительную роль в государственных делах своей страны. Так, например, крымская ханша Нур-Султан участвовала во внешней политике своего супруга Менгли Гирая, вела переписку с иноземными государями и князьями. Одним словом, женщины из рода Гираев не были затворницами, не прятали своих лиц и, что немаловажно, воспитывали своих сыновей в уважении и любви к прекрасной половине человечества. А к совету мудрой женщины, пользующейся непререкаемым авторитетом, в обществе всегда прислушивались. К слову, не забывали о ханских женах и правители вассальных княжеств, знавшие их поименно и присылавшие каждой в отдельности дорогие подарки.

Со временем положение представительниц рода Гираев несколько изменилась под влиянием соседней Османской империи. Размеренная жизнь прекрасной половины ханской фамилии отныне стала протекать в замкнутом и обособленном мирке гарема, о которой известно очень мало по той причине, что сюда, в частные покои ханов, не было доступа посторонним лицам. И все же к

советам и мнениям их обитательниц всегда прислушивались мужья, сыновья, братья и племянники, а иногда даже и пасынки.

Как видно на старинном плане бахчисарайского дворца, женская половина состояла из четырех гаремных корпусов, общей численностью — более семидесяти комнат. Но все это великолепие было варварски уничтожено в 20-х годах XIX века по причине якобы их ветхости. И сегодня до нас дошли лишь остатки некогда роскошного ханского гарема из небольшого корпуса в три комнаты, где приблизительно восстановлен интерьер некогда богатого жилища властительниц Крымского ханства.

В гареме проживала вся женская половина ханского дворца: матери, тетки, сестры, жены и дочери, а также целый штат придворных дам и прислуга. Кроме женщин, в гареме жили два кизляр-агъа — главные смотрители, отвечающие за сообщение гарема с внешним миром, и их помощники — евнухи.

Фактически гаремом управляла анабеим, или валиде, после хана самая влиятельная фигура в Крымском государстве. Это звание присваивалось матерям, старшим сестрам или женам правящих ханов и сопровождалось пышной церемонией. Правда, официально анабеим уступала иерархически только калге — наследнику. Эта женщина пользовалась большим уважением и влиянием как во дворце, так и за его пределами, активно принимала участие во внутренних и внешних делах государства. Она имела свой доход с ханских земель, владела загородными поместьями, а также получала подарки от крымской знати и иностранных государств. Как правило, главная дама Крымского ханства присутствовала на заседаниях Дивана, имела право голоса и могла оказать существенное влияние на решение хана. Кроме этого, ей позволялось вести дипломатическую переписку с европейскими дворами в поддержку политического курса своего сына, брата или супруга, находившегося у кормила власти. Иногда титул анабеим присваивался сразу двум уважаемым дамам. Знаменитый полководец, покоритель Московии хан Девлет Гирай, ничего не предпринимал, не посоветовавшись со своими женщинами, матерью Нурум-Султан и первой женой Айше-Фатьмой Султан.

Жительницы гарема имели право по своему желанию присутствовать на торжествах, проходящих в «Диван-хане» (Зале Совета). Над верхней дверью главной Залы и сегодня можно увидеть забранный решеткой навесной балкончик со стрельчатыми арками. Именно сюда часто наведывались обитательницы гарема. Они следили за происходящим, но сами оставались невидимыми для

посторонних глаз. Женская половина ханской семьи облюбовала и знаменитую Соколиную башню. С ее смотровой площадки они наблюдали за проходившими мероприятиями на главной площади перед дворцом. Специально для них приглашались комедианты и скоморохи, развлекавшие дам своими репризами. Они также имели право наблюдать за военными учениями, проходившими во дворе дворца. Жены ханов по своему желанию могли в любое время покинуть Бахчисарай и уехать в свои загородные резиденции.

Как правило, представительницы дома Гираев занимались благотворительной деятельностью, оказывали покровительство и на свои средства возводили культовые сооружения. Например, по велению Бек Хан Султан-хани — дочери хана Селима Гирая I в 1707 году в Бахчисарае была построена Тахталы Джамии, а на средства всеми уважаемой дамы времен Крыма Гирая хана — Диляры Бикеч возведена Ешиль Джамии.

Ханские дети — принцы и принцессы — проживали вместе с матерями на женской половине. И если принцессы оставались подле матерей до замужества, то принцы уже в возрасте семи лет покидали матерей и нянек, дабы по старой традиции приступить к учебе. Иногда они получали образование в семье, но чаще всего их отсылали в Кабарду, где они жили в доме своего аталыка — наставника. Возвращались они в лоно своей семьи уже взрослыми мужчинами.

Мужчины из ханского рода Гираев не женились на простолюдинках. В ханской семье это считалось мезальянсом, унижительным для крымского правителя, и уж тем более для его детей, рожденных в таком браке. Поэтому женами хана становились девушки из знатных крымскотатарских династий, равных по происхождению ханскому роду. Чаще это были дочери Ширинских беев. Не редкостью были браки и со знатными черкешенками. Принцам доставались воспитанные в традиционном духе, обладающие чувством собственного достоинства невесты из лучших домов ханства.

Но были случаи, когда ханы брали в жены своих дальних родственниц. Так, жена хана Бахадира Гирая Ханзаде Ханым была дочерью хана Бора Гази Гирая. Она обладала тонкой натурой и, как отец, писала стихи. О трепетной любви между ней и ханом слагали легенды.

Кроме этого, существовал тюркский брачный обычай — левират, по которому вдова умершего хана или принца могла выйти замуж вторично за родственника своего покойного супруга. Например, жена погибшего принца Ахмеда Гирая, Ширин-Бек, стала женой Саадета Гирая, когда тот стал ханом, а жена принца Мубарека Гирая

второй раз вышла замуж за хана Мухаммеда Гирая, после его смерти — за хана Саадета Гирая. И такие случаи были не редкостью.

Что касается принцесс из рода Гираев, то их выдавали замуж исключительно за беев и высокопоставленных особ государства, а иногда — и за султанов Османской империи. Известно, что дочь Менгли Гирая Айше Хафса Ханым была выдана замуж за будущего султана Селима I Явуза.

Следует отметить, что представительницы дома Гираев пользовались значительной свободой в доме своего супруга, которому отныне приходилось забыть о второй жене. Разводиться с принцессами было строго запрещено, тогда как ханские дочери имели полное право с разрешения отца развестись с не устроившим их мужем и выйти вторично замуж. За ханскую дочь давалось большое приданое, и устраивалось пышное торжество по случаю ее свадьбы. Город украшался арками, флагами, по ночам в небе вспыхивали фейерверки, а в гареме проходили празднества для невесты. Возможно, самой яркой частью свадьбы был вечер хны, когда невесте раскрашивали хной ногти и пальцы. После того, как вечер хны заканчивался, гостей провожали во дворец, чтобы они могли принять участие в процессии, сопровождавшей невесту в дом жениха. Там ее встречал будущий муж. В доме новобрачного гостей потчевали, и после вечерней молитвы они оставляли дом жениха, взяв с собой полученные от него подарки.

Говорят, что миром правят женщины. Добавим к этому: мудрая женщина легко могла подчинить себе мужчину и стать серым кардиналом, собрав в своих нежных руках все бразды правления, даже если она при этом всю жизнь находилась за ажурным балконом гарема.

ПРАВИТЕЛЬНИЦЫ ХАНСКОГО ДОМА ГИРАЕВ (XV—XVI ВЕКА)

ханша Нур-Султан

*Д*жанике ханым, Нур-Султан, Диляра Бикеч – вот, наверное, и все имена, которые всплывают в памяти, когда речь заходит о ханских женах династии Гираев, правившей в Крымском ханстве более трехсот лет. Означает ли это, что в мусульманском мире Восточной Европы женщина в политике была редким исключением? Любопытно, что источники по истории Крымского ханства утверждают обратное. Но, к сожалению, основная часть сохранившихся материалов до сих пор остается не опубликованной, так как историки мало обращают внимание на роль представительниц дома Гираев в политической и общественной жизни ханства. А зря, без участия этих почтенных дам ничего не обходилось даже в патриархальной семье Гираев.

Женщины из рода Гираев активно принимали участие в жизни своей страны, и именно от их настроений порой завесели дипломатические отношения Крымского государства с соседними державами. Ссылаясь на сохранившиеся источники по истории Крымского ханства, где фигурируют имена женщин ханского рода: кадиаскерские книги, документы крымско-русских отношений и Литовской Метрики — можно воссоздать картину тех далеких лет и сделать вывод, что сегодня жены крымских ханов незаслуженно забыты и им отведена роль второго плана.

Первой на страницах посольских книг упомянута Бараш-Султан — супруга бежавшего в Московию одного из сыновей основателя Крымского ханства Хаджи Гирая — Айдера. Из переписки хана Менгли Гирая с Иваном III видно, что в 1483 году московский князь выступает в роли посредника между родными братьями Айдером и Менгли и просит последнего отпустить в Московию оставшуюся в Крыму «Айдарову царицу» с сыном. Известно, исполнил бы хан эту просьбу или нет, но вскоре пришло известие, что сам Айдер умер в городе Вологде. И невестке пришлось остаться при крымском дворе.

Вскоре к ней присоединилась и супруга старшего сына Хаджи Гирая Нур-Девлета. Последний, так же как и Айдер, вел борьбу с Менгли Гираем за отцовский престол. Потерпев поражение, он ушел к московскому князю, затем занял престол в Касимове. В 1503 году Нур-Девлет умер, и на этот раз Менгли Гирай хан просит московского князя прислать ему прах старшего брата, чтобы захоронить в дюрбе отца. Иван III согласился, и вскоре, сопровождая останки мужа, в Крым прибыла «Юмадыкова дочь» (так ее называют источники), вместе со своим сыном Сатылганом.

С 1486 года в посольских книгах в связи с передачей подарков от московского двора крымскому упоминаются жены самого хана Менгли Гирая: царица Заян-Султан из знатного татарского рода Седжеутов, Махдум-Султан и самая известная в истории Крыма старшая жена Менгли Гирая Нур-Султан. Прежде чем стать старшей супругой крымского хана, Нур-Султан, дочь золотоордынского бая Тимура из рода Мангытов, поочередно была супругой двух казанских ханов Халиля и Ибрагима. В конце 1486 года вдова отправилась в Крым, где к тому времени жили ее отец и братья, занимавшие при дворе крымского хана высокие посты. Именно под покровительством отца она должна была провести остаток своих дней на женской половине. Но судьба распорядилась иначе. В том

же году сам крымский хан сделал ее своей главной женой, возведя в ранг первой женщины ханства. Так началась новая жизнь ногайской княжны в роскошном ханском дворце. От предыдущего брака у Нур-Султан было двое сыновей, которые оставались на попечении московского царя, что вынуждало крымскую ханшу вести с Иваном III переписку, полную заботы о своих детях и заверений в том, что она всегда печется о дружбе между «добрыми братьями» — московским и крымским государями.

После смерти супруга в 1515 году и прихода к власти враждебно-го Москве Мухаммеда Гирая Нур-Султан прекращает всякие отношения с Москвой. Она отходит от дел и передает в пользу младшего ханского сына Алпа Гирая часть своих доходов, а почетное место первой дамы в государстве уступает старшей жене своего пасынка хана Мухаммеда Гирая Нурум-Султан.

Тронная жена Мухаммеда Нурум-Султан пресекает все попытки Московии сблизиться через нее с крымским ханом. Но ее «ханшество» длилось не так долго, как у свекрови. Через семь лет Мухаммед Гирай трагически погибает в походе под Хаджи Тарханом, и ханский престол занимает его брат Саадет Гирай. Имя Нурум-Султан в источниках больше не упоминается.

Если осталась неизвестной судьба супруги Мухаммеда Гирая Нурум-Султан, матери молодого претендента на престол Гази Гирая, то имя вдовы принца Ахмеда Гирая, одного из многочисленных сыновей Менгли Гирая, еще некоторое время остается на слуху. Известно, что новый хан Саадет Гирай, верный тюркскому обычаю, женился на Ширин-Бек — вдове своего старшего брата Ахмеда Гирая, погибшего еще в ханство Мухаммеда Гирая. Она становится тронной женой, и все было бы хорошо, если бы ее сын от первого брака, Бучкак Гирай, не принял участие в заговоре против хана и не поплатился бы за это головой. Предательство сына отразилось и на его матери. Она оказалась в заточении, где, вероятно, и закончились ее дни.

В 1532 году хан Саадет Гирай оставил крымский престол в пользу своего родного брата Сахиба Гирая. Но первый же год ханства Сахиба Гирая был омрачен смертью его любимой супруги Фатьмы-Султан. Остались сведения, что на следующий год летом хан едет в Керчь, чтобы заключить там брак с некоей черкешенкой из знатного рода. Позднее в документах она упоминается под именем Ханыке-Султан. Возможно, именно от этого брака у хана родилась дочь Нури-Султан Ханым, которая впоследствии и закажет при-

дворному историку и писателю Реммалю-хаджи написать хронику, посвященную времени правления ее отца хана Сахиба Гирая.

Самым любвеобильным был хан Девлет Гирай, покоритель Московской. За долгие годы его правления в посольских книгах Литовской Метрики встречаются имена пяти его жен: Айше-Фатьма-Султан, Хан-Сугра, Ханьке, Ферхан, а чуть позже упоминается еще одна жена по имени Джамал. Известно, что из всех пяти жен влияние на Девлета Гирая оказывала старшая жена Айше-Фатьма-Султан, мать ханского наследника Мухаммеда Гирая. Девлет Гирай ничего не предпринимал, не посоветовавшись с женой, и всегда прислушивался к ее мнению. Вот как об этом сообщается в посольских книгах: «Хан жалует свою большую царицу Аиша Фатма салтану... думает... со царицею и слушает ее» [73, с. 214]. В отличие от промосковски настроенной Нур-Султан симпатии этой мудрой женщины были всегда на стороне соперника Московской — Великого княжества Литовского. Видимо, она оказывала влияние не только на своего мужа, но и на остальных его жен, так как сохранилась переписка этих дам с польским королем.

Начиная с XVI века, в доме Гираев утверждается титул анабеим, или ханши-валиде, который официально входит в протокол ханского двора. Первой анабеим еще в 1524 году стала мать Саадета Гирая, Махдум-Султан, вторая жена хана Менгли Гирая. То, что титул — не просто дань уважения родительнице, видно из событий той эпохи, ведь Махдум-Султан приложила немало усилий, чтобы утвердить своего сына на ханском престоле. Более того, она объединила усилия с другой женой своего супруга и обе почтенные дамы не позволили Саадету Гираю и его брату Сахибу Гираю, назначенному в сан калги, развязать между собой кровную вражду. Обеим матерям удалось еще в самом начале 1525 года примирить своих сыновей. С тех пор вдовы покойного хана Менгли Гирая занимали одинаково почетное место при дворе Саадета, а после и Сахиба Гираев.

Хан Бора Гази Гирай удостоил титула анабеим свою старшую сестру Кутлуг-Султан-хани, супругу Хаджи бея Ширинского. Хан советовался с ней по всем вопросам и даже настоятельно требовал от своих сановников сначала обсуждать все дела с ней, прежде чем выносить их на обсуждение в Диване. А поверенный в делах Крыма и Москвы некий Дервиш бей настоятельно советовал московскому царю почтить сначала сестру хана, говоря ему, что «она тебе человек надобный и у крымского хана вместо матери» [73, с. 216]. Наряду с Кутлуг-Султан-хани у хана была еще одна анабеим — ханша

Ферхан, жена Девлета Гирая, которая приходилась Гази Гираву мачехой. К этой даме относились с особым почтением, но от государственных дел она была далека.

В московском Посольском приказе внимательно следили за иерархией иноземных дворов при составлении дипломатических документов. Так, в правление Гази Гирая за анабеим следуют четыре жены хана: ханша Фатьма-Султан, Карим-Шах, Мехривафа, Зейнаб, затем идут жены калги и других султанов, а потом ханские дочери. Поэтому можно было сделать вывод, что по своему положению анабеим стояли выше всех остальных женщин семьи Гиравов.

Особый интерес представляют родственные связи дома Гиравов с Черкесией и знатными ногайскими родами. Во второй половине XVI века среди жен все чаще появляются уроженки Северного Кавказа. Из знатной адыгской семьи были две супруги Девлет Гирая: Айше-Фатьма-Султан и Хан-Сугру. Черкешенкой была и невестка Девлет Гирая — жена хана Ислама Гирая I. А вот другая невестка Девлета Гирая из черкесского рода Бесленей была поочередно супругой сразу трех его сыновей, сначала принца Мубарека Гирая, погибшего в египетском походе, после — женой хана Фетха Гирая и наконец — женой хана Селямета Гирая. Видимо, она была очаровательной особой, если на ее руку находились претенденты. Благодаря участию этой дамы ее сын Джанибек Гирав занял ханский трон сразу же после смерти хана Селямета.

Другой внук Девлет Гирая — Саадет Гирав был женат на Ертуган — дочери правителя Малой Ногайской орды. После смерти мужа Ертуган вышла за его младшего брата принца Мурада Гирая.

В тесных родственных отношениях состояли ханы с высшей крымской знатью. Ханские дочери чаще всего выдавались за представителей влиятельных крымскотатарских родов Ширин, Седжеут. Так, дочь Менгли Гирая Махдум-Шах вышла за ширинского бей Девлетека, другая дочь Магим — за Хусейна, брата ханши Нур-Султан, еще одна дочь хана, Кутлуг-Султан, впоследствии стала супругой сына Девлетека Бахтияра, а Айше Хафса ханым в 1493 году стала женой будущего османского султана Селима I Явуза, впоследствии — и первой султаншей-валиде Османской империи. Еще одна дочь Менгли Гирая, Мехри-Султан-ханыке, была женой Мамыш-бей Седжеута — ханского шурина. Дочь Мухаммеда Гирая I вышла замуж за сына Ширин бей — Агыш бей. Сын Мамыш бей Кочкар мурза позже женился на дочери хана Саадета Гирая, а сестра Кочкар мурзы стала женой племянника Саадета Гирая Ислама Гирая. К концу

XV столетия устанавливаются брачные связи Гираев и с ногайской знатью.

Лики крымских женщин ханского дома Гираев явственно видятся сквозь четыре столетия. Дошедшие до наших дней источники рисуют в нашем воображении не робкие силуэты за окнами ханского дворца, а образы властных и независимых правительниц, решительно вторгающихся в дела своих мужей, братьев и сыновей. И эти образы придают истории дома Гираев больше красок и полноты.

ПОЛОЖЕНИЕ ЖЕНЩИНЫ В КРЫМСКОМ ХАНСТВЕ

Крымскотатарские женщины Христиан Гейслер.
1804 с сайта eugoreana.eu

*М*ногие путешественники, дипломаты и миссионеры, в разные времена посетившие Крымское ханство, обращали внимание на особое положение женщин в государстве Гираев. Об этом они красноречиво писали в своих мемуарах и записках. Восторгаясь приветливостью, гостеприимством и красотой жительниц ханства, они подчеркивали, что здесь представительницы прекрасной половины человечества зачастую являлись главным, хотя порой и невидимым, стержнем патриархальной крымскотатарской семьи, где отношение к женщине всегда было почти-тельным.

Более того, письменные источники сообщали, что и в Средние века, и в XVIII веке глубокое уважение к матери, жене, сестре и дочери зачастую выражалось в заботе о ее материальной самостоятельности. Другими словами, экономическое обеспечение женщины в крымскотатарском мире было не только предоставлено главе семьи, но и оберегалось законом.

Женщина в Крымском ханстве всегда пользовалась свободой. Она была социально защищена и обладала правами и привилегиями больше, чем ее современницы во многих государствах запада, востока и севера. В ханстве в первую очередь преобладали тюркские обычаи, заложенные еще в далекой древности. И если положение аристократок под влиянием соседней Османской империи со временем несколько изменилось и они стали вести более замкнутый образ жизни, то крымскотатарская женщина из народа не утратила своих прав и свобод. К ней продолжали относиться с почтением и уважением представители сильной половины человечества. Безусловно, такое отношение было заслугой самих женщин.

Чтя обычаи и уважая законы предков, матери с раннего возраста воспитывали своих дочерей в любви и уважении к национальным традициям, развивали в них положительные черты и качества, прививали тонкое понимание прекрасного, учили преодолевать любые трудности и удары судьбы. Ведь в будущем они должны были стать достойными подругами и спутницами жизни крымского татарина. Последний, в свою очередь, всегда помнил о своем долге защищать, обеспечивать и оберегать своих женщин. Все эти традиционные достоинства крымских татар будущие поколения должны были впитывать буквально с молоком матери.

Женщина в первую очередь — это хранительница домашнего очага, именно она создает благодатную атмосферу в доме и семье. Поэтому и институту брака в крымскотатарском обществе всегда уделяли особое внимание.

В ханский период сложился обычай не выдавать девушку замуж в другие деревни и города. Конечно же, в редких случаях исключения из правил случались, но они были весьма редки. Объясняется эта традиция прежде всего тем, что крымские татары дорожили чистотой своего клана и бережно относились к вековым традициям семьи. Девушка не должна была отрываться от своих корней. Ведь по тюркским обычаям большое значение происхождению рода придавали именно по женской линии. Это еще раз подчеркивает роль крымской татарки в обществе.

Крымскотатарские девушки славились своим умом, красотой, учтивостью, воспитанием и высокой нравственностью, они рекомендовали себя как верные и преданные супруги.

Однако в выборе своего избранника юная особа не была вольна. Согласно правилам института кьудалык или сватовства, к созданию новой семьи подходили с большой ответственностью, и главную

роль здесь играли не столько родители, сколько старейшины рода. Они прекрасно были осведомлены об истории семей всех молодых людей общины, об особых заслугах, достоинствах и недостатках их предков, о физическом и нравственном здоровье близких и дальних родственников кандидатов на вступление в брак. И лишь с учетом этих факторов старейшины, безусловно желавшие добра, здоровья и процветания своей общине, давали согласие на брак. На основе такого тщательно продуманного и обоснованного выбора начиналось сватовство.

Крымскотатарским девушкам, воспитанным в строгих правилах этикета, приходилось уступать решению родителей. Однако следует заметить, что перед сватовством родители спрашивали девушку о желании вступить в брак с тем или иным кандидатом. За девушкой оставалось последнее слово. Против ее воли родители старались не идти. Ведь счастье дочери — это в первую очередь крепкая и надежная семья. Очевидно, что тюркские законы в этом отношении были более либеральными.

И только после согласия невесты готовились к свадьбе. Такие браки, одобренные старейшинами и родителями, в абсолютном большинстве случаев оказывались удачными, супруги — преданными друг другу, а их союзы — прочными. Ну и, конечно, после вступления в брак молодая женщина получала свободу и былавольна принимать самостоятельные решения.

Традиционно женщины в тюркском мире пользовались теми же правами, что и мужчины. Подобное положение в несколько измененном виде сохранилось и в крымскотатарской, мусульманской среде ханского периода. Свободолюбивые крымские татарки, бесспорно, оказывали влияние на патриархальный уклад своей семьи, и прислушиваться к мудрым советам женщины не считалось зазорным.

Конечно же, в первую очередь женщина в Крыму была женой и матерью. Она была освобождена от тяжелого физического труда. Этого не позволил бы ни один уважающий себя мусульманин — будь он ей отец или муж. На ней был только дом, и ни о какой другой работе, пусть даже необременительной, не было и речи.

Когда крымскотатарская женщина достигала старости, то и уважение к ней оказывалось на совершенно особом уровне. Она становилась абсолютно независимой в своих поступках и суждениях, а когда приходила куда-нибудь в гости, то хозяин-мужчина неизменно предоставлял ей самое почетное место.

Истоком крымской традиции были господствовавшие местные

обычаи крымских татар и, конечно же, шариат.

Историки отмечают, что крымские татарки были весьма образованными и воспитанными. Соответственно эти качества они стремились передать своим детям. Более того, в Крыму издавна были известны женщины-мудеррисы — преподавательницы. Как правило, эту почетную обязанность брали на себя жены мулл и хатипов. Можно сказать, что это было почти семейным занятием: муж преподавал мальчикам, а супруга в том же мектебе учила девочек.

Кроме этого, не редкостью в крымскотатарском обществе были женщины-поэтессы и женщины-суфии.

Как писал Сумароков, крымскотатарские женщины — не пассивный инструмент в руках своих супругов. Напротив, они руководят всеми домашними и семейными делами. По своему усмотрению они принимают у себя гостей и не имеют отказа в своих уборах и удовольствиях. Но, кроме этого, наравне с аристократками состоятельные дамы из народа занимались благотворительностью. Распространенным явлением было брать к себе на воспитание сирот и в дальнейшем принимать участие в их судьбах: если это была девушка-сирота, то ее покровительница заботилась о выборе супруга и о достойном приданом. Такой обычай был распространен в абсолютно всех селах и городах Крыма.

Что же касается принятия самых серьезных решений в семейной жизни, то, конечно же, этим правом бесспорно обладал глава семьи. Но и он принимал решения с одобрения старшей женщины в семье, обычно матери. Причем это практиковалось не только в семейных, но и во всех остальных делах, на всех уровнях, включая государственный. Известно, что и в семье Гираев порой последнее решение оставалось за анабеим или ханшей валиде. Этот порядок не представлял особой тайны, его не стыдились.

Говоря о женщинах Крымского ханства, трудно обойти вниманием такое явление, как полигамный брак. Традиция многоженства имела место, но была делом вполне добровольным; поэтому, несмотря на превалирование моногамии, в обществе были случаи многоженства. Однако жены, следовавшие за первой, никогда не могли иметь равных с ней прав. Их дети также не могли иметь права на управление. В Крыму большинство семей было моногамными. Здесь редко кто даже из богатых крымских татар имел двух жен, а уж трех — это был исключительный случай. Свобода крымскотатарской женщины, с которой не обращались как с рабыней, попросту не могла не принести своих плодов. Мудрое и доброе отношение

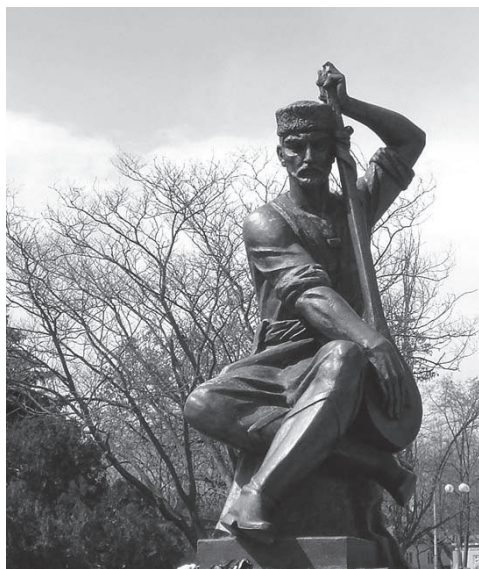
крымского татарина к спутнице жизни и любимому человеку воздавалось сторицей.

Что же касается быта крымской татарки, то главным домашним ремеслом и одновременно развлечением, а также широким полем применения своих творческих и художественных возможностей было рукоделье. Эта народная отрасль играла существенную роль и в семейной экономике. Полотенца и салфетки, украшавшие стены как богатых особняков, так и простых домов пользовались популярностью, а по стилю узора или орнамента можно было без труда узнать мастерицу.

О каком-то действительном ограничении свободы женщины и речи не было. Татарки выходили из домов куда бы ни пожелали, ничего не говоря об этом мужьям, которых в течение почти всего дня не бывало дома. Чаще всего дамы отлучались в хамам — баню или зимними вечерами — к соседкам, а иногда на празднества. Это была свобода, причем для всей женской половины крымскотатарского дома. Ведь жены мурз и простых зажиточных горожан обычно, нанося друг другу визит, забирали с собой всех родственниц и даже служанок, так что удовольствие было всеобщим. При этом они ехали на нескольких мажарах, и каждая из гостей спускались на землю «с такой церемонностью, как будто это были парадная карета» [115, с. 228].

АШИК УМЕР — ПЕВЕЦ ЛЮБВИ

Ашик Умер

В XVII веке Кезлев был крупным, богатым и красивым портовым городом, не уступающим по величине и положению столице Крымского ханства — Бахчисараю.

Жители Кезлева считали свой город отмеченным особой благодатью Аллаха. Абдулла Кендже-оглу не был бы кезлевцем, если бы считал иначе. Этот коренной житель Кезлева, обеспеченный ремесленник-меховщик, владелец собственной лавки, пользовался уважением населения города. В 1621 году Абдулла был одарен еще одной милостью Всевышнего: его молодая жена подарила ему сына, которого нарекли старинным крымско-татарским именем Умер. Сыну меховщика суждено было прославить не только свою семью, но и родной город на берегу Каламитского залива.

К сожалению, сегодня сохранилось очень мало сведений о первых годах жизни крымскотатарского поэта Ашика Умера Абдулла огълу, которому было суждено получить огромную популярность еще при жизни благодаря его непревзойденному таланту народного поэта-акына.

Вероятно, Умер не проявлял особых дарований с детства, но отец посчитал своим долгом дать сыну хорошее образование. Изначально он отдал его в мектеб при ближайшей мечети, где ребенок получил начальные азы письма, чтения и основы религиозных знаний, а после — поспособствовал его поступлению в престижное по тем временам медресе при Хан-Джами. Однако наука не очень давалась Умеру, он получал плохие оценки и нарекания ученых мужей. Его постоянно ругал за невнимательность и рассеянность наставник Шерефий эфенди, что вызывало насмешки и шутки со стороны его сверстников.

Однажды очередной укор преподавателя настолько запал в сердце ранимого школяра, что после занятий он отправился не домой, как обычно, а вышел за главные городские ворота Одун Базар къапусы и побрел в сторону старого кладбища.

Как гласит легенда, придя на кладбище, он лег на землю, закрыл глаза и стал просить ангела смерти поскорее забрать его, неудачника, с этого света. В горячих молитвах Умер не заметил, как заснул. Во сне ему явилась небесная дева. «Аллах, — произнесла она, — услышал твои слова. Но вместо смерти послал тебе нечто иное». С этими словами посланница Всевышнего протянула юноше музыкальный инструмент — саз. И объяснила: «Теперь суждено тебе сочинять песни, странствовать по земле и петь людям о жизни и любви».

Умер проснулся лишь под вечер. Сообразил, что родители, наверное, давно ищут его, засобиравшись было уходить, как вдруг увидел рядом с собой музыкальный инструмент — такой же, как во сне. Недоверчиво прикоснулся рукой... Настоящий! «Вот оно что, — подумал юноша, — так это был необычный сон». Он бережно взял саз и понёс домой. Сон и в самом деле был пророческим.

Утром школяр опять пошел в медресе. И тут случилось чудо, о котором долго еще вспоминали в Кезлеве. Какие бы вопросы ни задавал учитель Шерефий эфенди, Умер на любой давал ответ. Но самое удивительное, что он говорил... стихами! Этого ранее с ним не случалось. Поэтические строки с рифмами рождались в его голове легко, юноша произносил их мелодично, нараспев. Очень скоро он

пристрастился к сочинительству, и слава о нем как о поэте разлетелась по всему городу. Неизвестно, как воспринял такую новость родитель, возможно, он хотел бы видеть в отпрыске продолжателя своего дела и настаивал на этом, но после того, как Умер был представлен новому хану и одарен его милостью, препятствовать неожиданному дарованию сына не стал.

Это случилось 27 мая 1637 года. Умеру едва минуло семнадцать лет, а в Кезлеве его уже называли не иначе как Ашик влюбленный. В тот год 4 мая хан Инает Гирай оставил престол. Очень скоро на его место был избран новый хан, живший при султанском дворе Резми БахаDIR Гирай, сын Селямета Гирай хана и внук Девлета Гирая, покорителя Московии. Кезлев готовился к торжественной встрече нового властителя.

Накануне приезда крымского хана шейх текие дервишей ордена Мевлеви вызвал к себе Умера и попросил юношу написать оду в честь восшествия на трон БахаDIRа Гирая. Шейх предупредил юного поэта, что хан увлекается поэзией и сам пишет. Услышав об этом, Умер с большой ответственностью отнесся к просьбе суфия, и наутро, когда на горизонте появились караваны судов, а со стороны Топракь-Къапусы грянули пушечные выстрелы, ода была готова.

Заиграли зурначи, забили даулы. Хан вступил на землю Крыма. В сопровождении своих придворных и карачи-беев он направился к величественной Ханской мечети. После главных церемоний начался праздник. БахаDIR Гирай хан в красивой чалме, украшенной нитками жемчуга, и голубом кафтане, вышитом золотом, восседал на мягких бархатных подушках. Рядом были родные братья хана — калга Ислам Гирай и нур-эд-дин Сафа Гирай, беи Ширинские, Аргинские Мансурские, Яшлавские и другие знатные беи и мурзы.

Шейх, посчитав, что настало подходящее время, подвел взволнованного юношу к БахаDIRу Гираю и, представив Ашиком, не забыл подчеркнуть, что за одну ночь им была написана ода по случаю прибытия в Кезлев БахаDIRа Гирая. Хан милостиво попросил юного поэта-певца исполнить свое творение. Умер, преодолевая робость, ударил по струнам своего саза и запел так, что все вокруг притихли. Юноша пел свою касыду. Волшебные звуки его саза и прекрасный звонкий голос молодого певца привлекли внимание не только хана, но и его окружения. Юный исполнитель по желанию властителя весь вечер исполнял свои оды в кезлевском ханском дворце.

После смерти учителя Шерефий эфенди Умер оставил учебу в медресе и начал писать стихи — ашики. Слава о нем распространи-

лась по всему Крыму. Чтобы выучить его стихи, песни, бейты, газели и кьошма (жанры классической крымскотатарской поэзии), к нему стали прибывать из других городов страстные любители поэзии, музыканты.

Вскоре он покинул родной город и отправился в путешествие. Ашик Умер бродил всюду и бичевал в своих песнях нравы своих современников; особенно сильно доставалось от него мусульманскому духовенству. Поэта из Кезлева, который пел собственные песни, сопровождая себя на сазе, видели в разных странах Востока. Чаше всего он появлялся в городе Конья, литературном центре могущественной Османской империи, где подружился со многими известными поэтами-суфиями. Он путешествовал по Кавказу, Османской империи и Персии. Благодаря этим путешествиям Ашик Умер стал известным поэтом в этих странах.

Вся жизнь Ашика Умера овеяна легендами; документальные свидетельства, касающиеся его личности, почти отсутствуют. Есть мнение, что кезлевский поэт некоторое время принадлежал к так называемым «янычарским» ашикам, то есть поэтам-певцам, сопровождавшим османские войска в различных походах и сражениях. Как явствует из произведений поэта, в свои «янычарские» годы он побывал практически во всех уголках Османской империи. В его стихотворениях можно встретить десятки названий местечек и городов современной Украины, Польши, Турции, Болгарии, Румынии, Боснии и Греции.

Среди сотен и сотен имен тюркоязычных поэтов-ашиков имя Ашика Умера, как правило, называется в первом ряду наиболее искусных и популярных авторов. Одновременно с этим в историю ашыкской поэзии он вошел и как один из ее наиболее плодотворных представителей. В настоящее время известны более 2000 его произведений (в основном — образцы малых поэтических форм).

Ашик Умер принадлежал к мастерам, которые одинаково успешно владели всем арсеналом форм и художественных средств как собственно народной поэзии (халкъ шиири), так и поэзии классической, дворцовой — так называемой поэзии Дивана (Диван шиири). Поражает тематическое разнообразие его творчества, в котором присутствуют как любовно-романтические мотивы, так и мотивы социальные, философские, религиозно-мистические (суфийские) и т. д. Особую популярность снискали так называемые «чужбинные» стихи Ашыка Умера, исполненные глубокой печали и тоски. Внимания заслуживают также образцы его военно-походной лири-

ки, почвой для создания которых стали его «янычарские» впечатления.

Обойдя чуть ли не полмира и состарившись, Ашык Умер, к тому времени автор уже более чем двух тысяч стихотворений и поэм, вернулся в родной город. Он был богат и знаменит. Его радушно встретили земляки. Последние годы своей жизни поэт посвятил сооружению мечетей. Одна из них появилась на востоке Кезлева — в обители дервишей. Вторую мечеть он возвел на западной окраине города. По одной из версий, возле стен этого мусульманского храма в 1707 году горожане и похоронили своего певца. С тех пор мечеть стали называть Ашык Умер.

Более 200 лет могила одного из величайших поэтов средневековья была самой почитаемой и посещаемой. К ней часто приходили кезлевцы, отдавая дань памяти выдающемуся мастеру слова. Но в XIX веке во время переписи сакральной архитектуры, невежественный российский чиновник переименовал древнейшую мечеть Ашык Умера в «Анна Беим». При советской власти мечеть вовсе закрыли, ее здание приспособили под общежитие, а кладбище уничтожили. С тех пор точное место погребения Ашыка Умера утеряно. Ныне храм используется как жилой дом и распознать его можно с трудом. Существует и другая версия, по которой Ашык Умер якобы завещал похоронить себя на Карантинной косе в песчаном бархане у моря.

В XVIII веке были впервые изданы сборники его стихов. До наших дней дошли три тома. Два из них хранятся в музеях Стамбула и Коньи, а третий том, который содержит 1242 стихотворения, находится в Лондоне, в Британском музее.

Вопреки всем историческим катаклизмам горожане не забыли своего прославленного земляка. В августе 2004 года в уютном сквере у величественной мечети Хан-Джами торжественно был открыт замечательный памятник Ашыку Умеру, играющему на том самом народном инструменте — сазе, который юный Умер когда-то увидел во сне.

Кофейня в Крыму. Иван Авазовский (1817-1900)

Кофейная церемония была одной из традиций Крымского ханства. В культуру народа она основательно вошла не ранее второй половины XVI века и с тех пор является неотъемлемой частью жизни крымских татар. Долгое время в ханстве специально обучались искусству приготовления кофе, а при дворе крымского хана даже состоял в должности специальный человек, ответственный за ритуал заваривания и подачи кофе. Этот крепкий и бодрящий напиток в буквальном смысле проник во все аспекты жизни крымскотатарского общества. Кофейными церемониями сопровождалось заседания Дивана – государственного совета и дипломатические встречи, не говоря уже о праздниках. Одним словом, это был не просто любимый горячий напиток, который стал почитаться как символ гостеприимства, это был национальный обычай, и его бережно чтили.

Большое распространение в ханстве получили кофейни. Именно эти заведения были для жителей крымскотатарского государства большим, чем место, где пили кофе, курили трубки с длинными чубуками или могли пообедать. Это был настоящий общественный клуб, где за чашечкой ароматного напитка можно было вести тихую беседу, играть в шахматы или просто наслаждаться спокойствием. Кофейни были повсеместно, они распахивали свои двери перед посетителями не только в городах, но даже и в самых небольших селениях ханства.

Старый Бахчисарай. Извилистые, кривые улочки, мощенные булыжником, красные черепичные кровли крымскотатарских домов, стройные минареты и аромат свежеприготовленного кофе ... Этот дурмящий запах исходил из семнадцати кофеен — квавехане, упомянутых в 1793 году ученым-энциклопедистом Симоном Палласом.

Так уж исторически сложилось, что кофе стал традиционным напитком крымских татар, можно сказать — частью национальной культуры. Предположительно впервые на крымский полуостров зерна этого благородного напитка были завезены в эпоху Великого Шелкового пути. Позже основным поставщиком кофе становится Османская империя, чьи обширные владения охватывали Северную Африку, часть Азии, то есть те регионы, где были кофейные плантации. В период ханства, во второй половине XVI века, преимущественно в столице и крупных городах открылись первые кофейни. Почти сразу же они приобрели значение некоего клуба — места проведения досуга исключительно мужской половины общества. О крымских кофейнях упоминали многие путешественники и дипломаты, в разное время посетившие ханство. Остались даже гравюры, на которых изображены эти заведения.

После того как крымскотатарское государство прекратило свое существование, традиция кофеен не утратила своего значения. Напротив, она стала своеобразной визитной карточкой Крыма, особенно в первые годы после аннексии. Вот что писал о некогда столичных кофейнях путешественник и автор многих путеводителей Сергей Филиппов: «Кофейня для бахчисарайца все. Она для него место общественного собрания, ресторан, клуб и читальня вместе. Без преувеличения можно сказать, что он посвящает ей все свое время... здешняя кофейня более других крымских сохранила свое исконное значение и самую обстановку... Попад в нее, вы очутитесь среди восточных привычек, вкусов, наклонностей, испытаете все прелести восточного времяпрепровождения... Пьют кофе, много

курят и мало говорят. Все словно что-то обдумывают или о чем-то мечтают... Здесь хорошо, в этих прохладных кофейнях, на террасах, откуда вы можете наблюдать все происходящее перед вами на улице. Вы видите и лавки, темнеющие на солнце из-под своих навесов, с неподвижно сидящими в них продавцами и тех, кто проходит или проезжает. Это восточный ковер здешней жизни, которая невольно погружает в мечту о прежнем величии Бахчисарая и богатстве его жителей, о времени блестящего двора...» [106, с. 123].

Со второй половины XVI века кофейни ханской столицы становятся своеобразным местом встреч по интересам. Здесь всегда было многолюдно, но при этом не было шумно. Посетители придерживались единого для всех неписаного этикета общения. Объясняться между собой было принято медленным наклоном головы, и только в редких случаях присутствующие позволяли себе вполголоса обмениваться несколькими фразами. Правда, случалось, что иногда сюда заходил народный сказитель, он читал старинные и собственные дестаны, и очень скоро вокруг него образовывался круг слушателей. Еще реже раздавались тихие звуки лютни или резкий голос хозяина кофейни, который объявлял несколько раз, что подает кофе бесплатно. Это означало, что кто-то из завсегдатаев заведения угощал всех присутствующих, тайно оплатив заказ. Если же таких добровольцев не находилось, оплатить чашечку кофе с сахаром или иными сладостями можно было у дверей кофейни. Здесь стоял небольшой сундук, в который, уходя, добропорядочные посетители клали деньги. Так было заведено, что хозяин не заботился о верности уплаты, все было на доверии.

Что касается планировки и интерьера кофейен, то она обычно представляла собой одну или несколько просторных комнат, по периметру окруженных небольшими квадратными отделениями. Каждое из отделений ограждалось невысокими деревянными балюстрадами, а внутри было убрано коврами, низкими диванчиками с подушками и столиками кюрс посередине. В одном из углов общей комнаты находилась печь. Здесь кофевар целыми днями готовил бодрящий и крепкий напиток, запах которого распространялся далеко за пределы заведения. Кофейни были открыты с раннего утра и до поздней ночи. Кроме внутренних помещений почти каждая кофейня имела и открытую летнюю террасу на улице, где обслуживание и времяпровождение были точно такими же.

Не менее, чем в Бахчисарае, кофейен находилось и в крупном культурном и экономическом центре ханства — Карасубазаре. Здесь

среди посетителей крымских татар нередко можно было встретить караимов и армян. Согласно воспоминаниям путешественников, многочисленные кофейни Карасубазара занимали целые улицы, как правило, они были центральными, широкими и мощеными. Внутри кофейни разделялись на квадратные пространства, отделяемые друг от друга деревянными решетками. Они симметрично устраивались по обеим сторонам просторной залы, и между ними образовывался длинный проход. Своеобразные кабинеты были всегда заняты людьми. Посетители проводили здесь долгие часы в молчании, они восседали на низких диванах, с длинными черешневыми чубуками в руках, курили и неторопливо пили крепкий кофе.

В XVII веке, по сведениям Эвлия Челеби, в Карасубазаре насчитывалось 10 кофейен. Со временем их стало гораздо больше, однако наибольшей популярностью пользовалась большая кофейня при старом постоялом дворе «Таш-Хан».

Во второй половине XVIII века в Акмеджете, втором по значимости городе Крымского ханства, функционировало около двенадцати крупных кофейен. Они представляли собой просторные помещения, вдоль стен которых располагались низенькие диванчики, а перед ними стояли восьмигранные столики — кюрсе.

Для каждого посетителя кофе готовился отдельно с особым ритуалом. Вначале нагревали джезве, затем туда сыпали порцию молотого кофе, заливали горячей водой и давали содержимому один раз быстро вскипеть. После этого его наливали в чашечку, так что сверху всегда образовывалась густая пенка. Чашечки — фильджаны были маленькие, без ручек. Чтобы не обжечься, чашечки вставляли в тонкой работы металлические подстаканники. Как правило, кофе подавали без сахара, но предлагали к нему всевозможные сладости: халву, пахлаву, розовое или ореховое варенье.

Владельцы кофейен хорошо понимали, что важно было сохранить тонкий аромат прекрасных кофейных зерен. Поэтому все ящики, в которых он хранился, перед использованием закрывали как можно более плотно, а при надобности извлекали для жарки довольно малыми порциями.

Крымскотатарская кофейня являлась своеобразным интернациональным клубом проведения досуга, местом встречи и общения крымских татар, караимов, крымчаков.

Специально для кофейни изготавливалась медная посуда — настоящее произведение искусства: фильджаны, джезве, табакълар; для нее же ткались килимы, расшивались подушечки для диванов.

Одним словом, кофейня являлась важным элементом национальной культуры, и ее можно было встретить во всех уголках обширного крымскотатарского государства. Например, Иоганн Тунманн сообщает о татарских кофейнях в городке у крепости Хаджибей (современная Одесса).

Наравне с кофейнями в Крымском ханстве большое распространение получило еще одно общественное заведение — буза-хане. Здесь можно было утолить голод и жажду. Согласно сообщениям путешественников, основным блюдом в буза-хане был бараний шашлык и мясной суп, из напитков — язма из кисломолочных продуктов, хмельная буза из проса, иначе именуемая максима. Позже стали подавать чебуреки и янтыки. Буза-хане несколько отличалась от степенных кофеен. Она представляла собой довольно обширное помещение, стены которого обычно украшались разноцветной посудой. На очаге всегда была горячая вода для кофе, рядом, в теплом месте, стоял котел с бродящей бузой, перед подачей готовый напиток охлаждался в глиняных горшках. У одной из свободных стен тянулись в два ряда лавки, между которыми ставили столики со свечами для прикуривания трубок, которые раздавались всем посетителям. Почти всегда играла народная крымскотатарская музыка. Как правило, музыкантами были местные цыгане — ченгене. От кофейни буза-хане отличалась еще и тем, что здесь всегда царил оживление.

Эвлие Челеби дважды побывал в Крыму и каждый раз неизменно приходил в восторг от местной кухни. Он также оставил свидетельства, что в XVII веке в Кезлеве было больше двух десятков буза-хане, а в Карасубазаре — сорок. И все же, несмотря на многочисленность буза-хане, местное население предпочитало проводить время в кафе-хане — кофейнях, где царили спокойствие, душевный комфорт и восстанавливающая гармония.

К сожалению, неподражаемая атмосфера старых крымскотатарских кофеен с их многовековой историей и колоритом под влиянием времени была утрачена. Возможно, сегодня старинные бахчисарайские, кезлевские, карасубазарские, акмеджитские и многие другие кофейни времен Крымского ханства имели бы славу не меньшую, чем венские, парижские или стамбульские.

видання

Абдулаєва Гульнара

ЗОЛОТАЯ ЭПОХА КРЫМСКОГО ХАНСТВА

*Директор І.Б. Чегертма
Редактор Є.М. Сидоренко
Оператор А.В. Веселов*

Підписано до друку . .2012 р. Формат 60x84¹/₁₆.
Гарнітура «VannikovaC». Умовн. друк. арк. . Обл.-вид. арк. .
Обсяг друк. арк. Тираж прим. Зам. № .

Видавець і виготівник

КРП «Видавництво «Кримнавчпеддержвидав»

95000, м. Сімферополь, вул. Горького, 5.

*Свідоцтво про внесення до Державного реєстру суб'єкта
видавничої справи ДК № 508 від 26.06.2001 р.*